

ИЗДАНИЯ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

СБОРНИКЪ ОТДѢЛЕНИЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

- Томъ I. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. И. И. Срезневскаго. — Характеристика Державина какъ поэта, Я. К. Грота. — Сношенія П. И. Рычкова съ Академіею Наукъ въ XVIII столѣтіи. П. П. Пекарскаго. — Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій, А. Б. Шлейхера и И. И. Срезневскаго. — Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина, Я. К. Грота. — О второмъ Отдѣленіи Академіи Наукъ, его же.
- Томъ II. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, соч. П. П. Пекарскаго. — Литовскія народныя пѣсни, И. Юшкевича. — Коренное значеніе родства у Славянъ, П. А. Лавровскаго. — Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ, П. П. Пекарскаго. — Труды югославянской академіи наукъ и художествъ, И. И. Срезневскаго. — Литературныя труды П. И. Кеппена, А. А. Куника. — Къ тому этому приложены два портрета: 1) митрополита Филарета московскаго. 2) П. И. Рычкова.
- Томъ III. Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка, И. И. Срезневскаго.
- [Томъ IV. Осеофанъ Прокоповичъ и его время, И. А. Чистовича. — Цѣна каждого тома 1 р. 50 к.]
- Томъ V, вып. I. Воспоминанія о научной дѣятельности митрополита Евгенія. И. И. Срезневскаго, съ прибавленіями гг. Полѣнова и Савванитова съ письмами къ Городчанинову и Анастасевичу. — Переписка Евгенія съ Державинымъ, Я. К. Грота, съ письмами къ гр. Хвостову и къ К. К. Гирсу. — О словаряхъ Евгенія, А. О. Бычкова, съ перепискою между преосв. и Ермолаевымъ и съ др. приложеніями. — Цѣна 75 коп.
- Томъ V, вып. II. Переписка А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ, съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- [Томъ VI. Литературная жизнь Крылова, Я. К. Грота. — Дополн. біогр. извѣстіе о Крыловѣ, его же. — О басняхъ Крылова въ худож. отношеніи, А. В. Никитенко. — О языкѣ Крылова, И. И. Срезневскаго. — О басняхъ Крылова въ переводахъ на иностр. языки, А. О. Бычкова. — Сатира Крылова и его Почта Духовъ, Я. К. Грота. — Слово въ день юбилея Крылова, преосв. Макарія. — Пирогъ; Лѣбятъ; Кофейница, драматич. сочин. Крылова. — Пиръ басня, его же. — Объясненіе Крылова. Письмо его къ В. А. Олениной. Замѣтка о пѣют. басняхъ Крылова, Я. К. Грота. — О новомъ англ. переводѣ басенъ Крылова, его же. — Библиографическія и историческія примѣчанія къ баснямъ Крылова, сост. В. О. Кеневичемъ. — Матеріалы для біографіи Крылова, доставл. гг. Кеневичемъ, Княжевичемъ и Семевскимъ. — Къ книгѣ приложены снимки съ почерка Крылова. — Цѣна 2 р.]
- Томъ VII. О трудѣ Горскаго и Невоструева: «Описаніе славянскихъ рукописей Синодальной бібліотеки», записка И. И. Срезневскаго. — Записка о томъ же, А. О. Бычкова. — Дополненіе къ исторіи масонства въ Россіи XVIII столѣтія, П. П. Пекарскаго. — Толковый словарь В. И. Даля, записка Я. К. Грота. — О зоологическихъ названіяхъ въ словарѣ Даля, записка Л. И. Шренка. — О ботаническихъ названіяхъ въ словарѣ Даля, замѣтка Ф. И. Рупрехта. — Дополненія и замѣтки къ словарю Даля, Я. К. Грота. — Дополненіе къ областному словарю, Н. Я. Данилевскаго. — Объясненіе темныхъ и спорныхъ мѣстъ русской лѣтописи, Я. К. Эрбена. — Разсмотрѣніе рецензій «Описанія рукописей Синодальной Библіотеки», статья К. И. Невоструева. — О греческомъ кондакарѣ XII—XIII в., архим. Амфилохія. — Итальянскіе архивы и матеріалы для славянской исторіи, В. Макушева. — Отчеты о дѣятельности Отдѣленія за 1868 и 1869 гг. и очеркъ біографіи А. С. Норова, сост. А. В. Никитенко. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ VIII. Ломоносовъ какъ писатель. Сборникъ матеріаловъ для разсмотрѣнія авторской дѣятельности Ломоносова. Составилъ А. Будилевичъ. —

Пров. 50

- Материалы для библиографии литературы о Ломоносовѣ, С. И. Пономарева. — Замѣчанія объ изученіи русскаго языка и словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, И. Срезневскаго. — Итальянскіе архивы и хранящіеся въ нихъ матеріалы для славянской исторіи. — П. Неаполь и Палермо. III. Неаполь, Бари и Анкона, В. Макушева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ IX. Историческія бумаги, собранныя К. И. Арсеньевымъ. Приведены въ порядокъ и изданы П. П. Пекарскимъ съ біографіею и портретомъ Арсеньева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ X. Воспоминаніе о Сперанскомъ, А. В. Никитенко. — Петръ Великій, какъ просвѣтитель Россіи, Я. К. Грота. — Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ, Д. А. Ровинскаго. — Когда основаны Уфа и Самара, П. П. Пекарскаго. — Повѣсть о судѣ Шемяки, М. И. Сухомлинова. — Библиографическія находки во Львовѣ, Я. Ф. Головацкаго. — Дополненія къ словарю Даля, П. В. Шейна. — Воспоминанія о Далѣ и Пекарскомъ, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ первый. М. И. Сухомлинова. — Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. К. Грота. — Русскій театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (1749 — 1774), М. Н. Лонгинова. — Дополненіе къ очерку славяно-русской библиографіи В. М. Ундольскаго, сост. Я. Ф. Головацкимъ. — Дополненія и замѣтки І. Ф. Наумова къ Толковому словарю Даля. Къ книгѣ приложенъ портретъ академика Пекарскаго. — Цѣна 2 р.
- Томъ XII. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Сборникъ Бѣлорусскихъ пословицъ, И. И. Носовича. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIII. Общественная и частная жизнь Августа Людвига Шлецера, имъ самимъ описанная. Пребываніе и служба въ Россіи, отъ 1761 до 1765 г. Извѣстія о тогдашней русской литературѣ. Переводъ съ нѣмецкаго съ примѣчаніями и приложеніями В. Кеневича (съ портретомъ Шлецера). — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIV. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ второй. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XV. Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, И. И. Срезневскаго. — Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма, И. И. Срезневскаго. — Отрывки греческаго текста каноническихъ отвѣтовъ русскаго митрополита Іоанна II, А. С. Павлова. — Материалы для исторіи Пугачевского бунта, Я. К. Грота. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XVI. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ третій. М. Сухомлинова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVII. Апокрифическія сказанія о Ветхозавѣтныхъ лицахъ и событіяхъ по рукописямъ Соловецкой бібліотеки, И. Я. Порфирьева. — Іерусалимъ и Палестина въ русской литературѣ, наукѣ, живописи и переводахъ (Материалы для библиографіи), С. И. Пономарева. — Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области великорусскаго нарѣчія, М. А. Колосова. — Цѣна 1 р. 75 к.
- Томъ XVIII. Екатерина II и Густавъ III, Я. К. Грота. — Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилей Упсальскаго университета, Я. К. Грота. — Подлинники писемъ Гоголя къ Максимовичу и напечатанные отрывки изъ нихъ С. И. Пономарева. — Библиографическія и историческія замѣтки. Орбховецкій договоръ. — Происхожденіе Екатерины I, Я. К. Грота. — Рѣчь въ торжественномъ собраніи Императорской Академіи Наукъ по случаю Столѣтняго юбилея Александра I, М. И. Сухомлинова. — На память о Бодинскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, первыхъ преподавателяхъ славянской филологіи, И. И. Срезневскаго. — Отчетъ коммисіи о присужденіи премій графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію кандидата князя А. А. Безбородки, Я. К. Грота. — Замѣтки о сущности нѣкоторыхъ звуковъ Русскаго языка, Я. К. Грота. — Новые труды преосвященнаго Порфирія Успенскаго, С. И. Пономарева. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XIX. Исторія Россійской Академіи. Выпускъ четвертый. М. И. Сухомлинова. — Чешскія Глоссы въ *Mater Verborum*. Разборъ А. О. Патеры и дополнительныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. — Цѣна 1 р. 50 к.
- Томъ XX. Некрологъ князя Вяземскаго, составленный акад. Я. К. Гротомъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Я. К. Грота. — Слово о двѣнадцати снахъ Шахнаши, по рукописямъ XV вѣка. Академика

- А. Н. Веселовскаго. — О славянских редакціяхъ одного аполога Варлаама и Іоасафа. А. Н. Веселовскаго. — Свѣдѣнія и Замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ LXXXI—XC. И. И. Срезневскій. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1878 годъ, составленный академикомъ М. И. Сухомлиновымъ. — Заботы Екатерины II о народномъ образованіи. Я. К. Грота. — Князь Вяземскій. М. И. Сухомлинова. — Памяти кн. Вяземскаго. С. И. Пономарева. — Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, Академика А. Н. Веселовскаго. Къ книгѣ приложены портреты кн. П. А. Вяземскаго и А. В. Никитенко. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXI. Записки объ ученыхъ трудахъ И. В. Ягича и А. Н. Веселовскаго составленныя ак. Я. К. Гротомъ. — Русско-пищескій словарь Минской губерніи мѣстечка Семежова. — Старообрядческій синодикъ, А. Н. Пыпина. — Разысканія въ области духовныхъ стиховъ, А. Н. Веселовскаго. — Диссидентскій вопросъ въ Польшѣ, И. А. Чистовича. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ, Ст. П. Я. К. Грота. — Фриульскіе Славяне, И. И. Срезневскаго. — Дополненіе къ Бѣлорусскому словарю, И. И. Носовича. — Отчетъ Отдѣленія р. яз. и слов. за 1879 г. составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Нѣсколько припоминаній о научной дѣятельности А. Е. Викторова, И. И. Срезневскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXII. Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, Выпускъ V. — Южно-русскія былины, А. Н. Веселовскаго. — Croissans-crescens и Средневѣковыя легенды о половой метаморфозѣ, А. Н. Веселовскаго. — О Ксанфинѣ, Греческая Трапезунтская былина Византійской эпохи, Г. С. Деестуниса. — Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ И. И. Срезневскаго. — Отчетъ Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1880 г., съ некрологомъ И. И. Срезневскаго, составленный А. О. Бычковымъ. Къ книгѣ приложенъ портретъ И. И. Срезневскаго. — Цѣна 2 руб.
- Томы XXIII — XXVII. Русскія народныя картинки, Д. А. Ровинскаго. Книга I. Сказки и забавныя листы. — Кн. II. Листы историческіе, календари и буквари. — Кн. III. Притчи и листы духовныя. — Кн. IV. Примѣчанія и дополненія. — Кн. V. Заключение и алфавитный указатель именъ и предметовъ. — Цѣна за всѣ 5 томовъ 10 руб.
- Томъ XXVIII. Жизнь и дѣянія великаго Тамерлана, Сочиненіе Клавихо, Дневникъ путешествія ко двору Тимура въ Самаркандъ, 1403—1416. Подлинный текстъ съ переводомъ и примѣчаніями, составленными подъ редакціей И. И. Срезневскаго. — Разысканія въ области духовнаго стиха, III—V, А. Н. Веселовскаго. — Богатырское слово въ спискѣ начала XVII вѣка, открытое Е. В. Барсовымъ. — Цѣна 2 р.
- Томъ XXIX. Эрикъ Лакеманъ, Я. К. Грота. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1881 годъ, А. Н. Веселовскаго. — Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ, Я. К. Грота. — Библиологическій словарь и черновые къ нему матеріалы, П. М. Строева. Изданъ подъ редакцію А. О. Бычкова съ составленнымъ имъ особымъ указателемъ. Цѣна 2 р. 25 к.
- Томъ XXX. Памятники Болгарскаго народнаго творчества, Выпускъ I-й. Собралъ Владиміръ Качановскій. — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ XXXI. Славянскія рукописи въ заграничныхъ бібліотекахъ, Г. Воскресенскаго. — Письма Погодина къ Макинмовичу, С. И. Пономарева. — Исторія Россійской Академіи, Вып. VI, М. И. Сухомлинова. — Отчетъ о первомъ присужденіи премій Пушкина, Я. К. Грота, Н. Н. Страхова и О. О. Миллера. — Отчетъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1882 годъ, А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXII. Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго, Составленъ и въ день его столѣтняго юбилея читанъ Я. К. Гротомъ. — Пожаръ Зимняго дворца 17 декабря 1837 года, Записка В. А. Жуковскаго. — Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота, Составленъ С. И. Пономаревымъ. — Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха, VI—XI, А. Н. Веселовскаго. — Письма В. С. Соניкова къ К. О. Калайдовичу, Сообщилъ И. Шляпкинъ. — А. Н. Радищевъ, авторъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», I—VIII, М. И. Сухомлинова. — Замѣтки по литературѣ и народнои словесности, А. Н. Веселовскаго, I. — Матеріалы

- для библиографіи литературы о Карамзинѣ. Къ столѣтію его литературной дѣятельности (1783—1883). Собралъ С. И. Пономаревъ. — Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXIII. Отчетъ о дѣятельности II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1883 годъ. Составленный М. И. Сухомлиновымъ. — Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году, съ приложеніемъ четырехъ критико-палеографическихъ статей, И. В. Ягича. (Съ тремя литограф. таблицами). — Николай Ивановичъ Губдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи по неизданнымъ источникамъ. Къ столѣтней годовщинѣ дня его рожденія (1784—1884). Сообщилъ П. Тихановъ. — Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Статья третья. Я. К. Грота. — Лекціи о русской литературѣ, читанныя въ Парижѣ въ 1862 г. С. И. Шевыревымъ. Цѣна 2 р. 50 к.
- Томъ XXXIV. Разысканія о греческихъ богатырскихъ былинахъ средневѣковаго періода. Д. Дестуниса. — Описаніе славяно-русскихъ книгъ печатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ I. Съ 1491 по 1652 гг. — Ц. 1 р. 50 к.
- Томъ XXXV. Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. — Цѣна 1 р. 50 коп.
- Томъ XXXVI. «Русское правописаніе». Руководство, составленное по порученію Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за 1884 г. Составленъ и читанъ Я. К. Гротомъ. — Южно-русскія былины. Академика А. Н. Веселовскаго. (III—XI). — Отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи въ 1884 г., съ приложеніемъ рецензій профессора И. В. Помяловскаго. — Цѣна 1 руб. 50 коп.
- Томъ XXXVII. Исторія Россійской Академіи. Вып. VII. М. И. Сухомлинова. — Цѣна 1 руб. 75 коп.
- Томъ XXXVIII. Вопросъ о Кириллѣ и Меодіи въ славянской филологіи. И. В. Ягича. — Странствующій Жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго. — «Книги законныя», содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ, византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачныя и судебныя. А. Павлова. — Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи до 1782 г. Графа Д. А. Толстаго. — Академическая гимназія въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. — Академическій университетъ въ XVIII столѣтіи, по рукописнымъ документамъ архива Академіи Наукъ. Графа Д. А. Толстаго. — Къ изданію Іліады въ переводѣ Губдича. С. И. Пономарева. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1885 г. А. Н. Веселовскаго. Цѣна 2 руб.
- Томъ XXXIX. Письма Добровскаго и Копитара въ повременномъ порядкѣ. Трудъ Орд. Акад. И. В. Ягича. (Съ портретомъ и двумя снимками автографовъ). Цѣна 2 руб.
- Томъ XL. Нѣсколько разъясненій по поводу замѣчаній о книгѣ Русское Правописаніе. Записка Я. К. Грота. — Изъ исторіи, романа и повѣсти. Матеріалы и изслѣдованія А. Н. Веселовскаго. — Древнія поученія на воскресные дни Великаго поста. Е. В. Пѣтухова. — Къ вопросу о славянскомъ переводѣ Евангелія. Г. А. Воскресенскаго. — Изъ ученой дѣятельности Спиридона Юрьевича Дестуниса. Его переводъ сравнительныхъ жизнеописаній Плутарха. — Г. С. Дестуниса. Цѣна 2 руб.
- Томъ XLI. Отчетъ о третьемъ присужденіи Пушкинскихъ премій въ 1886 году, составленный Я. К. Гротомъ. — Городскія училища въ царствованіе императрицы Екатерины II. Графа Д. А. Толстаго. — Бѣлорусскій Сборникъ. II. В. Шейна. — Отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1886 году, составленный А. О. Бычковымъ. Цѣна 3 руб.
- Томъ XLII. Къ библиографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи. Э. Калужняцкаго. — Народная поэзія. О. И. Буслаева. — Къ вопросу о Кириллахъ-авторахъ въ древней русской литературѣ. Е. Пѣтухова. — Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Нѣсколько статей Я. Грота съ присоединеніемъ и другихъ матеріаловъ. Ц. 3 р.
- Томъ XLIII. Отъ второго Отдѣленія Академіи Наукъ. — Торжественное собраніе Отдѣленія русскаго языка и словесности 22 ноября 1887 года, посвященное чествованію К. Н. Батюшкова. — Очеркъ личности и поэзіи Батюшкова, рѣчь академика Я. К. Грота. — Характеристика Батюшкова какъ поэта, рѣчь члена-корреспондента Императорской Академіи Наукъ. Л. Н. Майкова. — Изъ исторіи русской переводной повѣсти XIII вѣка. Академика А. Н. Веселовскаго. — Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣ-

ления Императорской Академіи Наукъ, составленный предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ. — **Исторія Россійской Академіи.** Выпускъ VIII и послѣдній. Академика М. И. Сухомлинова. — Указатель ко всѣмъ восьми выпускамъ Исторіи Россійской Академіи. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLIV. Хронологическая канва для біографіи Пушкина. Составилъ Я. К. Гротъ. Изданіе второе, съ дополненіями С. И. Пономарева. — Пушкинъ въ родной поэзіи. С. И. Пономарева. — Изъ исторіи романа и повѣсти. Славяно-романскій отдѣлъ. А. Н. Веселовскаго. — Приложенія. — Симбирская молва. А. Мотовилова. — Цѣна 2 руб.

Томъ XLV. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія. — Исторія. — Этнографія. — Археологія. — Современное положеніе. Составилъ П. Ровинскій. Томъ I. (Будетъ выпущенъ по изготовленіи карты).

Томъ XLVII. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Томъ I. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Томъ XLVIII. Сочиненія А. А. Котляревскаго. Томъ II. Цѣна 1 руб. 50 коп.

ДРУГІЯ ИЗДАНИЯ ОТДѢЛЕНИЯ:

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота:

Томъ I (съ портретомъ Державина и 1-й жены его, со снимками и многочисленными рисунками). Спб. 1864: 4 р.

Томъ II (съ рисунками). 1865: 3 р.

Томъ III (съ портретомъ 2-й жены Державина). 1866: 2 руб.

Томъ IV (съ алфавитнымъ указателемъ къ 4-мъ томамъ). 1867: 2 руб.

Томъ V (съ портретомъ Державина, снимками и указателемъ). 1869: 2 руб. 50 коп.

Томъ VI (съ портретомъ Державина и указателемъ). 1871: 2 руб. 50 коп.

Томъ VII (съ указателемъ). 1872: 2 руб.

Томъ VIII (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). 1880: 5 руб.

Томъ IX (со снимками портретовъ, нотами и общимъ указателемъ ко всему изданію). 1883: 3 руб.

Цѣна всѣмъ девяти томамъ роскошнаго изданія **Сочиненій Державина** 25 руб.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота.

2-е изданіе, общедоступное, безъ рисунковъ.

Томъ I (съ портретомъ Державина). Спб. 1868: 4 руб. — Томъ II. 1869: 4 руб. —

Томъ III. 1870: 4 руб. — Томъ IV. 1874: 4 руб. — Томъ V. 1876: 4 руб. — Томъ VI.

1876: 4 руб. — Томъ VII. 1878: 4 руб.

Жизнь Державина (съ портретомъ, рисунками и снимкомъ). Спб. Т. I. 1880.

Томъ II. 1883: Цѣна I тома 5 руб. II тома 3 руб.

Матеріалы для біографіи Ломоносова, собранные П. П. Билярскимъ. Спб. 1865. Цѣна 1 р. 50 к.

Дополнительныя извѣстія для біографіи Ломоносова, П. Пекарскаго. Спб. 1865. Цѣна 50 к.

Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта. Бумаги Кара и Бибикова (со снимкомъ). Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 30 к.

То же. Переписка Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ, Я. Грота. Спб. 1862. Цѣна 25 к.

То же. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. Я. Грота. Спб. 1874. Цѣна 60 к.

Письма Ломоносова и Сумарокова къ Шувалову, Я. Грота. 1862: 30 к.

Очеркъ академической дѣятельности Ломоносова. Его же. 1865: 20 к.

Письма Карамзина къ Дмитріеву. Съ портретомъ и снимками. Издали съ примѣч. Я. Гротъ и П. Пекарскій. Спб. 1866: 2 р.

[Очеркъ дѣятельности и личности Карамзина. Я. Грота. Спб. 1868: 25 к.

Литературная жизнь Крылова. Его же. Спб. 1868: 25 к.]

Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755 — 1764 годовъ П. Пекарскаго. Спб. 1867: 35 к.

Путешествіе акад. Делиля въ Березовъ 1740 года. П. Пекарскаго. 50 к.

Жизнь и литературная переписка П. П. Рычкова, изслѣдованіе П. Пекарскаго (съ портретомъ и снимкомъ). Спб. 1867: 75 к.

[Матеріалы для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины II. П. П. Пекарскаго. Спб. 1863: 25 к.]

Новыя извѣстія о Татищевѣ. Его же: 40 к.

Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія, И. Носовича. Спб. 1870: 3 р.

[Сербско-Русскій словарь, П. Лавровскаго. Спб. 1870: 1 р. 50 к.]

- Филологическія Разысканія. Я. Грота. 2 тома. 1885. Ц. за оба тома 2 р. 50 к.
[Воспоминанія о В. И. Далѣ и П. П. Пекарскомъ, Я. Грота. Спб. 1874: 20 к.]
Сочиненія и письма Хемницера, съ примѣчаніями Я. Грота. Спб. 1873: 1 р. 50 к.
Исторія Императорской Академіи Наукъ, П. Пекарскаго. Т. I. Спб. 1870.
Цѣна 3 р. Т. II. Спб. 1873. Цѣна 3 р. 50 к.
Записка о путешествіи въ Швецію и Норвегію, Я. Грота. Спб. 1873: 25 к.
Исторія Россійской Академіи. М. Сухомлинова. Выпускъ I *). Вып. II, цѣна 1 р. 50 к. Вып. III, цѣна 1 р. 75 коп. Вып. IV, цѣна 2 р. Вып. V, цѣна 2 руб. Вып. VI, цѣна 2 руб. Вып. VII, цѣна 2 руб.
Екатерина II и Густавъ III. Я. Грота. Спб. 1877: 50 коп.
Воспоминанія о четырехсотлѣтнемъ юбилеѣ Упсальскаго университета. Я. Грота. Спб. 1877: 30 коп.
Рѣчь по случаю столѣтняго юбилея Александра I. М. Сухомлинова. 1877: 45 к.
Библиографическія и историческія замѣтки. Орѣховецкій договоръ. Происхожденіе Екатерины I (со снимкомъ рукописи договора). Я. Грота. Спб. 1877: 25 к.
[Чешскія Глоссы въ *Mater Verborum*, Разборъ А. О. Патеры и дополнителныя замѣчанія И. И. Срезневскаго. Цѣна 60 к.]
XIII Слово Григорія Богослова въ древнеславянскомъ переводѣ по рукописи Императорской Публичной Библіотеки XI вѣка. Критико-палеографическій трудъ А. Будиловича. Спб. 1875. 1 руб. 50 к.
Русская историческая библіографія за 1865—1876 включительно. Составилъ В. И. Межовъ. Томъ I. № 1—10,036. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Т. II. № 10,037—26,249. Спб. 1882. 2 р. 50 к. — Томъ III. № 26,250—36,810. Спб. 1883. 2 р. 50 к. — Томъ IV. № 36,811—44,705. Спб. 1884. 2 р. 50 к. — Т. V. № 44,706—54,692. Спб. 1885. 2 р. 50 к. — Томъ VI. № 54,693—66,021. Спб. 1886. 3 р.
Древніе памятники русскаго письма и языка (X—XIV вѣковъ). Общее повременное обозрѣніе. И. И. Срезневскаго. Второе изданіе. 1882. 2 рубля.
Памятникъ глаголической письменности. Маріинское четвероевангеліе съ примѣчаніями и приложеніями. Трудъ И. В. Ягича. Спб. 1883 г. Цѣна 5 руб.
Списокъ сочиненій, переводовъ и изданій академика Я. К. Грота съ приложеніемъ нѣкоторыхъ документовъ, относящихся къ 50 лѣтнему юбилею его. Спб. 1883. 20 коп.
Очеркъ жизни и поэзіи Жуковскаго. Рѣчь Я. К. Грота. Цѣна 25 коп.
Пожаръ Зимняго дворца въ 1837 году. Статья В. А. Жуковскаго. Цѣна 25 коп.
Н. И. Гибдичъ. Нѣсколько данныхъ для его біографіи, съ рисункомъ и снимкомъ его почерка. Сообщилъ П. Тихановъ. Цѣна 70 коп.
Екатерина II въ перепискѣ съ Гриммомъ. Я. Грота. Спб. 1884. Цѣна 2 р. 50 к.
Сочиненія и переписка Плетнева. Три тома. 1885. Издавъ Я. Гротъ. Ц. 6 руб.
Словарь Архангельскаго нарѣчія. Составилъ А. Подвысоцкій. 1885. Ц. 2 руб.
Маріинское Евангеліе, изд. И. В. Ягичемъ 1885. Ц. 5 р.
Служебныя миши за сентябрь, октябрь и ноябрь. Въ церковнославянскомъ переводѣ по русскимъ рукописямъ 1095—1097 г. Трудъ И. В. Ягича, съ 6-ю таблицами снимковъ. 1886 г. Ц. 6 руб.
Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (1716—1730) съ 8 портретами. 1885 г. Ц. 3 р. — Т. II (1731—1735) съ 4 портретами. 1886 г. Ц. 3 р. — Т. III (1736—1738). 1886 г. Ц. 3 р. — Т. IV. 1887. Съ 2 порт. Ц. 3 р.
Странствующій жидъ. Предсмертное произведеніе Жуковскаго по рукописи поэта. С. И. Пономарева. Спб. 1885 г. Ц. 50 коп.
Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники. Я. К. Грота. 1887. Ц. 1 р. 75 к.
Народная поэзія. Очерки О. Буслаева. 1887. Ц. 2 р. 25 к.
Хронологическая канва для біографіи Пушкина. 1888. Ц. 30 коп. Изданіе 2-е, Я. Грота и С. Пономарева.
Пушкинъ въ родной поэзіи. С. Пономарева. 1888. Ц. 20 коп.

Иногородные адресуютъ свои требованія въ Комитетъ Правленія Академіи Наукъ и, прилагая деньги по выставленнымъ здѣсь цѣнамъ, получаютъ книги безъ платежа вѣсовыхъ.

Книги, обозначенныя въ скобкахъ, въ продажѣ болѣе не имѣются.

*) Отдѣльно уже не имѣется; но заключается въ томъ XI Сборника Отдѣленія.

СБОРНИКЪ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ТОМЪ СОРОКЪ ШЕСТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 лин., № 12.

1890.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Мартъ 1890 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій*.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1888 году.....	I—VI
Приложенія къ протоколамъ.....	VII—XII
Образцы бѣлорускаго нарѣчія разныхъ мѣстностей, доставленные П. Авенариусомъ.....	XIII—XX
Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Отдѣленія русскаго языка и словесности въ 1889 году.....	I—VIII
Приложенія къ протоколамъ.....	IX—XLI
I. Краткій очеркъ исторіи Академіи Наукъ....	IX—XIII
II. Объяснительная записка о новомъ изданіи академическаго словаря:	
1. Объемъ содержанія. 2. Порядокъ занесенія словъ и относительная полнота словаря. 3. Опредѣленіе значеній словъ. 4. Оправдательные примѣры. 5. Объясненіе чужезычныхъ словъ. 6. Грамматическія опредѣленія.....	XIV—XXI
III. Еще нѣсколько прибавленій къ библіографіи русскихъ церковныхъ книгъ. Э. І. Калужняцкаго.	
1. Служебникъ Виленской печати 1691 года. 2. Житіе св. Онуфрія, Супрасль 1696 года. 3. Ермологіонъ, Львовъ 1709 года. 4. Возсѣдованіе праздникомъ св. тайны евхаристіи, состраданія Богородицы и пр., Почаевъ 1741 года. 5. Полууставъ, Унезь 1741 года. 6. Окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шептицкаго, изданное въ половинѣ 1744 года. 7. Другое изданіе того же посланія. 8. Акафистъ непорочному зачатію пресв. Дѣвы Богородицы, вышедшій по всей вѣроятности во Львовѣ между 1740-мъ и 1759-мъ годами. 9. Давида царя псалмы на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ, Почаевъ 1774 года.	XXII—XLI

Четвертое присужденіе Пушкинскихъ премій..... № 1.	1— 78
Отчетъ о дѣятельности Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1888 годъ, составленный М. И. Су- хомлиновымъ..... № 2.	1— 16
Третье присужденіе премій имени графа Д. А. Толстого. № 2.	17— 24
Матеріалы для исторіи русской литературы. Николай Филиппо- вичъ Павловъ (1805—1864). С. И. Пономарева. № 3.	1— 19
Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. И. В. Ягича..... № 4.	1—171
Пятое присужденіе Пушкинскихъ премій..... № 5.	1— 39
Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха (XI—XVII) А. Н. Веселовскаго..... № 6.	
Дуалистическія повѣрья о мірозданіи.....	1—116
Безразличные и обоюдные въ житіи Василя Новаго и народной эсхатологіи.....	117—172
Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ славянъ.	173—260
Генварскія русаліи и готскія игры въ Византіи....	261—286
Валькирин — Velis, 'Ηλύσιον πεδίον, Вила — Viola.	287—304
Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія.....	305—329
Амфилохъ-Evalachъ въ легендѣ о св. Граалѣ.....	331—349
Дополненія и поправки.....	351—376
Приложенія.....	1— 82
Примѣчанія.....	82—102
Повѣсти ѿца Пафнугія.....	103. 104
(U) велико́ кнѣзе ѿване даниловиче.....	104
(U) видѣнїи сна велико́ кнѣзя Ива ^{на} Даниловича....	104
(U) Витовте.....	105
(U) милѣтани.....	106

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНИЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1888 году.

Читано письмо чешскаго ученаго Патеры на имя предсѣдательствующаго о томъ, что имъ приготовлена къ печати переписка І. Добровскаго съ Дурихомъ, которую онъ предлагаетъ для помѣщенія въ Сборникъ. — Положено просить г. Патеру доставить свою рукопись въ Отдѣленіе.

Доложено, что С. И. Пономаревъ сообщилъ нѣсколько дополненій къ «Хронологической канвѣ для біографіи Пушкина», напечатанной въ книгѣ академика Грота «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники» и, предвидя, что такихъ дополненій будетъ еще не мало, предлагаетъ перепечатать эту статью съ доставленными дополненіями и съ пробѣлами для будущихъ прибавленій. — Положено исполнить.

По поводу полученнаго Академіей Наукъ приглашенія Болонскаго университета къ участію въ празднованіи будущимъ лѣтомъ 800 лѣтняго юбилея его, Отдѣленіе русскаго языка и словесности опредѣлило: командировать на это торжество академика А. Н. Веселовскаго.

А. Θ. Бычковъ представилъ присланную инспекторомъ классовъ Бѣлостокскаго женскаго института дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Ник. Петр. Авенаріусомъ рукописную тетрадь, содержащую: 1) сравнительные переводы на бѣлорусское нарѣчіе разныхъ уѣздовъ отрывка сказки Пушкина о рыбахъ и рыбкѣ; 2) байку и нѣсколько пѣсенъ и 3) записанное въ Борисовскомъ уѣздѣ со словъ слѣпого нищаго сказаніе въ стихахъ о Борисѣ и Глѣбѣ и Святополкѣ Окаянномъ. — Положено: часть перевода и остальные образцы народнаго творчества напечатать въ приложеніяхъ къ протоколамъ.

Читано полученное предсѣдательствующимъ изъ Кадникова

письмо Н. А. Иванецкаго, при которомъ онъ представляетъ: 1) двѣ тетради собранныхъ имъ народныхъ пѣсенъ Вологодской губ., 2) собраніе пословицъ и поговорокъ, 3) собраніе загадокъ и 4) слова на букву и изъ составляемаго имъ словаря вологодскаго народнаго говора. — Положено, прежде какого-либо относительно этихъ рукописей заключенія, подвергнуть ихъ разсмотрѣнію. Сборникъ пѣсенъ переданъ съ этою цѣлью А. Н. Веселовскому.

Читано письмо редактора Архангельскихъ губернскихъ вѣдомостей Ив. Евгр. Ермилова, который, вслѣдствіе напечатаннаго въ газетахъ свѣдѣнія о предпринимаемомъ Отдѣленіемъ изданіи сочиненій Ломоносова, вызывается: 1) доставить разбросанныя въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ статьи, замѣтки и фамилные документы, касающіеся Ломоносова, и 2) составить статью изъ дѣла о сооруженіи ему памятника, а также сообщить фотографическій съ него снимокъ. — Положено просить г. Ермилова на первый случай доставить только обстоятельный списокъ означенныхъ статей и замѣтокъ, съ указаніемъ номеровъ газетъ, гдѣ онѣ помѣщены.

По поводу предстоящаго 30-го будущаго апрѣля празднованія 50-тилѣтняго юбилея А. Н. Майкова положено привѣтствовать его въ означенный день отъ Отдѣленія адресомъ, составленіе котораго принялъ на себя М. И. Сухомлиновъ.

Изъ дѣлъ Отдѣленія оказывается, что въ 1854 году Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія переданы были въ Отдѣленіе доставленные покойнымъ Андр. Аѳ. Никитинымъ протоколы и другія бумаги бывшаго Вольнаго Общества любителей словесности и что въ засѣданіи 30 сентября означеннаго года опредѣлено было передать эти бумаги на время Виктору Павловичу Гаевскому для его занятій по исторіи русской литературы. Нынѣ, по случаю послѣдовавшей 2 марта смерти Гаевскаго, положено обратиться ко вдовѣ его съ просьбой возвратить Отдѣленію помянутые протоколы и другія бумаги, какъ собственность Академіи Наукъ.

Предсѣдательствующій доложилъ, что въ дополненіе къ составленному А. А. Дьяковымъ Указателю къ періодическимъ изданіямъ Отдѣленія русскаго языка и словесности онъ предполагаетъ нынѣ же поручить г. Дьякову изготовить такой же указатель къ повременнымъ изданіямъ Россійской Академіи, который можетъ быть напечатанъ вмѣстѣ съ первымъ, но такъ, чтобы каждый изъ Указателей составлялъ особый отдѣлъ. — Одобрено.

Предсѣдатель Тверской ученой архивной комиссіи А. К. Жизневскій въ письмѣ на имя Я. К. Грота сообщаетъ, что членъ

этой комиссіи, преподаватель мѣстной духовной семинаріи В. И. Колосовъ среди рукописей семинаріи открылъ неизвѣстное донинѣ сочиненіе Юрія Крижанича «Обіясненіе виводно о писмѣ словѣнскомъ». Написанная по этому поводу статья г. Колосова приложена въ рукописи къ письму г. Жизневскаго, съ просьбою о содѣйствіи къ напечатанію ея, при чемъ онъ указываетъ для этого преимущественно на журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. — Статья передана А. Ѳ. Бычкову, изъявившему готовность переговорить о томъ съ издателемъ этого журнала Л. Н. Майковымъ.

Предсѣдательствующимъ доведено до свѣдѣнія Отдѣленія, что академикъ А. П. Карпинскій съ большимъ вниманіемъ отнесся къ просьбѣ его просмотрѣть и исправить доставленное П. А. Ровинскимъ Введеніе въ его Описаніе Черногоріи и уже возвратилъ со своими поправками и замѣчаніями корректурные листы, которые вслѣдъ за симъ и будутъ препровождены къ автору въ Петербургъ для нѣкоторыхъ измѣненій и дополненій въ редакціи. — Положено выразить А. П. Карпинскому искреннюю признательность Отдѣленія.

Читано отношеніе Комитета, состоящаго подъ предсѣдательствомъ Я. П. Полонскаго для празднованія 50-ти лѣтняго юбилея А. Н. Майкова, съ приглашеніемъ членовъ Отдѣленія въ торжественное засѣданіе, имѣющее быть по этому случаю въ Литературно-Драматическомъ Обществѣ для привѣтствованія юбиляра адресами, рѣчами и т. п. — Положено отвѣчать, что члены Отдѣленія съ удовольствіемъ воспользуются этимъ приглашеніемъ.

Представлены присланные П. А. Ровинскимъ образчики рисунковъ, которые онъ предполагалъ бы приложить къ своему сочиненію о Черногоріи, если на то послѣдуетъ согласіе Отдѣленія. Определено сообщить г. Ровинскому, что по мнѣнію Отдѣленія могутъ быть приложены только такіе рисунки, которые представляютъ что-либо характерное въ отношеніи къ быту народа, какъ напр. типы, костюмы и т. п.

Доложено, что вслѣдствіе просьбы Отдѣленія, г-жею Гаевскою возвращено изъ оставшихся послѣ мужа ея бумагъ большое собраніе протоколовъ и другихъ документовъ бывшаго Вольнаго Общества любителей словесности и что собраніе это, заключающееся въ 11-ти связкахъ переплетенныхъ тетрадей листового формата, перенесено въ одинъ изъ шкаповъ Отдѣленія.

Доложено, что по поводу напечатаннаго въ газетахъ извѣстія,

что 18-го августа исполнится 50 лѣтъ учено-литературной дѣятельности академика Буслаева, председательствующимъ отправлена въ этотъ день къ Ѳеодору Ивановичу за подписью членовъ Отдѣленія слѣдующая привѣтственная телеграмма: «Московско-Ярославская ж. д. Хотьково. Ахтырка. Ѳеодору Ивановичу Буслаеву. Второе Отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ въ день исполнившагося 50-тилѣтія педагогической и учено-литературной дѣятельности своего знаменитаго члена, сердечно привѣтствуетъ васъ, вспоминая ваши великія заслуги въ дѣлѣ преподаванія родного слова и изслѣдованія памятниковъ древней нашей письменности. Вооруженный талантомъ и знаніемъ, вы въ той и другой области проложили новые пути, признанные единственно-вѣрными и обязательными для всѣхъ вступающихъ на то же поприще. Ваши превосходные труды, основанные на сравнительно-историческомъ методѣ, впервые приложенномъ вами къ русской филологіи, давно оцѣнены по достоинству и навсегда останутся образцами глубокаго изученія, тонкаго эстетическаго чувства и мастерскаго изложенія. Дорогой товарищъ! Живите и дѣйствуйте еще долго на пользу и славу отечественной науки. Гротъ, Бычковъ, Сухомлиновъ, Веселовскій, Ягничъ».

Академикъ Я. К. Гротъ, доложивъ, что онъ въ теченіи лѣта занимался почти исключительно приготовительными занятіями по Словарю, представилъ обработанныя имъ на карточкахъ для печати буквы А, Б и В.—Положено предоставить ему внести въ Отдѣленіе свои соображенія о форматѣ и шрифтахъ, какіе онъ найдетъ цѣлесообразнымъ избрать для изданія Словаря.

Читано полученное на имя председательствующаго письмо академика Ѳ. И. Буслаева: «М. Г. Яковъ Карловичъ. Примите мою искреннюю благодарность въ вашемъ лицѣ господамъ членамъ 2-го Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за высокую честь, которой они меня удостоили товарищескимъ привѣтомъ въ день исполнившагося пятидесятилѣтія моей дѣятельности. Неумѣстной скромностью я не хочу умалить чувства моей признательности за лестныя для меня выраженія этого привѣта и вполнѣ покоряюсь похвальному приговору, въ которомъ самыя преувеличенія принимаю съ радостію, какъ залогъ дружескаго ко мнѣ расположенія. Примите и проч. Ѳеодоръ Буслаевъ».

Въ виду предстоящаго, по правиламъ о преміи Котляревскаго, конкурса на оную въ 1889 году, разсуждаемо было объ одномъ изъ пунктовъ этихъ правилъ, затрудняющемъ, какъ должно

заключать изъ опыта, представленіе на премію Котляревскаго сочиненій изъ славянскихъ странъ, внѣ Россіи находящихся. Это именно пунктъ 9-й, изложенный слѣдующимъ образомъ: «Сопска-телями премій Котляревскаго могутъ быть какъ русскіе, такъ и иностранные подданные, но за сочиненіе, напечатанное на одномъ изъ славянскихъ нарѣчій, внѣ Россіи употребительныхъ, премія выдается только по напечатаніи онаго въ русскомъ переводѣ» Такъ какъ пунктомъ 18-мъ правилъ о преміи Котляревскаго Отдѣленію предоставлено, въ случаѣ надобности, представлять объ измѣненіи того или другого изъ этихъ правилъ, то и положено ходатайствовать, чтобы приведенному пункту 9-му дана была такая редакція: «На сопсканіе премій Котляревскаго могутъ быть представляемы сочиненія, напечатанныя какъ на русскомъ языкѣ, такъ и на другихъ славянскихъ нарѣчійхъ, но при равномъ достоинствѣ поступившихъ на конкурсъ трудовъ, преимущество отдается сочиненію, написанному по-русски». Вслѣдъ затѣмъ измѣненіе это было утверждено въ законномъ порядкѣ.

Читано письмо академика Буслаева на имя Я. К. Грота, въ которомъ О. И. сообщаетъ, что въ напечатанномъ имъ нынѣ 7-мъ изданіи «Учебной Грамматики» онъ не только исправилъ и дополнилъ, какъ значится въ заглавіи, но и переработалъ съ первой страницы и до послѣдней, между прочимъ внесши въ него все существенное и необходимое изъ книги «Русское Правописаніе». Многія изъ указанныхъ въ книгѣ подробностей, прибавляетъ авторъ, не принятыя имъ въ соображеніе въ прежнихъ изданіяхъ его Учебника, побудили его теперь нѣсколько расширить его объемъ, чтобы дать надлежащую твердую постановку въ его параграфахъ. — Принято къ свѣдѣнію.

А. Н. Веселовскій, заявивъ, что онъ приступилъ къ продолженію своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха», сообщилъ слѣдующую программу задуманнаго имъ 5-го выпуска этого труда: гл. XI—Дуалистическія повѣрья о мірозданіи; гл. XII—Безразличныя въ Житіи Василія Новаго и народной эсхатологіи; гл. XIII — Судьба-доля въ народныхъ представленіяхъ Славянъ; гл. XIV — Генварскія Русаліи; гл. XV — Легенды объ Иродѣ и Иродіадѣ и ихъ народныя отраженія; гл. XVI — Вилы.

Читана составленная А. Н. Веселовскимъ по порученію Отдѣленія, записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова и затѣмъ произведена баллотировка г. Майкова въ званіе адъюнкта Академіи Наукъ. О послѣдовавшемъ при этомъ едино-

гласномъ его избраніи положено довести до свѣдѣнія Общаго Собранія съ приложеніемъ помянутой записки.

М. И. Сухомлиновъ, намѣреваясь приступить вскорѣ къ печатанію сочиненій Ломоносова, возбудилъ вопросъ, не слѣдуетъ ли къ тѣмъ изъ нихъ, которыя писаны на латинскомъ или нѣмецкомъ языкѣ, приложить русскій переводъ, помѣстивъ его либо при иностранномъ текстѣ, либо въ особомъ, назначенномъ для нихъ томѣ. Мысль эта вполне одобрена Отдѣленіемъ, при чемъ второе изъ предположеній относительно способа приложенія переводовъ найдено заслуживающимъ предпочтенія.

Въ 1886 году, по опредѣленію Общаго Собранія, въ Отдѣленіе русскаго языка и словесности передана была доставленная прокуроромъ Харьковскаго окружнаго суда выписка изъ духовнаго завѣщанія умершаго поручика Кирѣева объ учрежденіи при Академіи Наукъ, изъ процентовъ съ завѣщаннаго имъ капитала, преміи съ тѣмъ, чтобы эта премія присуждаема была ежегодно за лучшее драматическое сочиненіе, какое будетъ напечатано или представлено на русскомъ театрѣ въ продолженіе года.

По разсмотрѣніи помянутой выписки, Отдѣленіе признало, что предположенная въ завѣщаніи Кирѣева премія изъ процентовъ предназначеннаго имъ на сей предметъ капитала въ 10.000 руб. можетъ быть учреждена, во 1-хъ, только за напечатанныя драматическія сочиненія и, во 2-хъ, подъ условіемъ, чтобы эта премія могла быть присуждаема единственно за сочиненія, признанныя достойными награды по собственному почину Академіи, и потому не ежегодно, а лишь тогда, когда такія сочиненія будутъ найдены ею заслуживающими особеннаго вниманія, при чемъ и самый размѣръ премій будетъ каждый разъ зависѣть отъ оцѣнки степени достоинства трудовъ Академіею.

По одобреніи этого заключенія г. Президентомъ Академіи Наукъ и доведеніи о томъ до свѣдѣнія Общаго Собранія, Отдѣленію представлено было поставить о томъ въ извѣстность прокурора Харьковскаго окружнаго суда, отъ котораго нынѣ получены отзывъ, что съ его стороны къ учрежденію преміи поручика Кирѣева на основаніяхъ, предположенныхъ Отдѣленіемъ, препятствія не встрѣчается. — Опредѣлено ходатайствовать объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на принятіе Академіею Наукъ завѣщаннаго ей капитала съ цѣлію учрежденія на сихъ основаніяхъ преміи за лучшія драматическія сочиненія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I. Записка объ ученыхъ трудахъ Леонида Николаевича Майкова, составленная А. Н. Веселовскимъ.

Главный предметъ занятій Л. Н. Майкова составляетъ исторія русской литературы, въ частности слѣдующіе ея отдѣлы: 1) памятники народнаго творчества, 2) литература трехъ послѣднихъ столѣтій.

По народной словесности первый значительный трудъ г. Майкова — изслѣдованіе «О былинахъ Владимірова цикла», Спб. 1863. Явившись послѣ извѣстныхъ статей Буслаева (Русскій богатырскій эпосъ. 1862), оно дало намъ самостоятельный критическій обзоръ нашихъ свѣдѣній о древне-русскомъ эпосѣ, замѣчательный какъ трезвостью историческаго взгляда, такъ и осторожностью выводовъ. Изъ послѣдующихъ статей, въ которыхъ авторъ возвращался къ тому же вопросу, продолжавшему интересоваться его среди другихъ работъ, отмѣтимъ слѣдующія:

Разборъ IV-го тома «Пѣсенъ, собранныхъ П. Н. Рыбниковымъ» (Журн. Мин. Народн. Просвѣщ. 1868, № 5).

Разборъ «Онежскихъ былинъ» А. О. Гильфердинга (тамъ же, 1873, № 8).

Разборъ 1-й и 2-й частей «Причитаній сѣвернаго края» Е. В. Барсова (тамъ же, 1872, № 12, и въ Отчетѣ о 28-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова).

«Пѣвецъ былинъ въ окрестностяхъ Барнаула» (Изв. Импер. Русск. Геогр. Общ. 1874, № 6).

«Новыя данныя русскаго эпоса изъ Заонежья» (Древн. и Нов. Россія, 1876, № 6).

Во всѣхъ этихъ статьяхъ предлагаются разныя замѣчанія и объясненія къ памятникамъ народнаго творчества, а сверхъ того обращено вниманіе и на значеніе этихъ произведеній въ народномъ быту и на самый типъ сказителей и плакальщицъ, что дало автору поводъ прослѣдить проявленіе личнаго элемента въ созданіяхъ такъ называемой безличной поэзіи.

Особую работу въ той же области составляетъ предпринятое г. Майковымъ обозрѣніе старинныхъ рукописныхъ сборниковъ народныхъ пѣсень. Изъ этого труда напечатанъ (въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1880 г., № 11) обзоръ пѣсень, записанныхъ въ XVII вѣкѣ, при чемъ тексты эти, содержащіе въ себѣ большею частью историческія пѣсни того времени, подвергнуты подробному изслѣдованію и сличенію какъ со свидѣтельствами другихъ памятниковъ XVII в., такъ и съ позднѣйшими устными пересказами тѣхъ же пѣсень. Изъ этого изслѣдованія выясняются съ одной стороны отношенія старинныхъ книжниковъ къ произведеніямъ народной словесности, съ другой тѣ измѣненія, какимъ подвергаются эти произведенія при сохраненіи ихъ въ народной памяти.

Кромѣ того г. Майковымъ составленъ сборникъ великорусскихъ заклинаній (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отдѣленію этнографіи, т. II, и отдѣльно, Спб. 1869).

Изъ литературы XVII вѣка г. Майковымъ избраны были для изученія произведенія Симеона Полоцкаго (Древ. и Нов. Россія 1875, т. III). Въ этой обширной статьѣ авторъ излагаетъ жизнь Симеона Полоцкаго по тѣмъ источникамъ, печатнымъ и рукописнымъ, которыми могъ пользоваться въ петербургскихъ библіотекахъ, и разсматриваетъ его сочиненія, какъ находящіяся въ печати, такъ и извѣстныя только въ рукописяхъ. Въ біографической части статьи указаны характеръ и источники образованія Симеона Полоцкаго, его отношенія къ старой московской культурѣ и его просвѣтительныя стремленія; въ обзорѣ его сочиненій обращено вниманіе на его литературные источники и на отношеніе его произведеній къ современнымъ нравамъ, при

чемъ впервые сообщены въ печати многія стихотворенія Симеона Полоцкаго изъ его «Вертограда Многоцвѣтнаго». Безпристрастная оцѣнка дѣятельности этого характернаго представителя западно-русскаго образованія, который обстоятельствами былъ занесенъ въ Москву, сохраняетъ свое значеніе и теперь, послѣ новѣйшихъ о немъ изслѣдованій. Онѣ пополнили нашъ запасъ свѣдѣній о Полоцкомъ изъ его рукописей, хранящихся въ Москвѣ, но не разъяснили его личности болѣе правильно.

Къ числу трудовъ Майкова *по исторіи русской литературы XVIII вѣка* принадлежатъ:

«Неизвѣстная русская повѣсть Петровскаго времени» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1878, № 11, и отдѣльно Спб. 1880): работа, обогатившая наши свѣдѣнія о русской повѣсти переходной поры, тронутой и въ нравахъ и въ литературныхъ вкусахъ первыми вѣяніями Петровской реформы.

«О жизни и сочиненіяхъ Василя Ивановича Майкова», статья, напечатанная при собраніи его сочиненій (Спб. 1867) и отдѣльно, и содержащая въ себѣ этюдъ объ одномъ изъ тѣхъ немногихъ нашихъ писателей, которые не пренебрегали изображеніемъ народной жизни въ періодъ господства псевдо-классицизма.

«Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876, № 7): разборъ книги А. Н. Неустроева: «Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ за 1703—1802 гг.» (Спб. 1875), содержащій въ себѣ многочисленныя историко-литературныя дополненія къ этому труду.

Кромѣ того г. Майковымъ написаны еще критическія статьи: о вышедшемъ въ 1866 году изданіи сочиненій Фонъ-Визина (Жур. Мин. Нар. Пр. 1867 г., № 1), о «Матеріалахъ для исторіи русской литературы» П. А. Ефремова (тамъ-же № 7), о сочиненіи А. С. Будиловича: «М. В. Ломоносовъ, какъ натуралистъ и филологъ» (Заря, 1870, № 2), о «Жизни Державина» Я. К. Грота (Жур. Мин. Нар. Пр. 1881, № 2), и о нѣ-

которыхъ другихъ сочиненіяхъ по исторіи русской литературы XVIII вѣка. Въ этихъ статьяхъ нерѣдко встрѣчаются указанія и соображенія, основанныя на самостоятельныхъ разысканіяхъ критика.

Изъ изданій г. Майкова, относящихся къ указанной эпохѣ, отмѣтимъ: «Записки Ив. Ив. Неплюева» (Русск. Архивъ 1871, №№ 4—5), снабженный предисловіемъ издателя, и два памятника, напечатанные подъ его наблюденіемъ Императорскимъ Обществомъ любителей древней письменности: «Краткое извѣстіе о народѣ Остѣцкомъ» Григорія Новицкаго (Спб. 1884) и «Путешествіе по сѣверу Россіи въ 1791 г.» П. И. Челищева (Спб. 1886): оба съ предисловіями, въ которыхъ содержится оцѣнка этихъ впервые напечатанныхъ сочиненій прошлаго столѣтія.

По литературѣ XIX вѣка г. Майкову принадлежитъ обширный трудъ: изданіе сочиненій К. Н. Батюшкова, съ біографіею и примѣчаніями, изданіе, вполне заслуживающее названія монументальнаго. Ни одинъ изъ нашихъ классиковъ, за исключеніемъ Державина, не нашелъ подобной обработки, одинаково внимательной и къ матеріалу отечественной литературы и къ литературѣ иностранной, поскольку она опредѣлила направленіе и образцы поэзіи Батюшкова. Особого вниманія заслуживаетъ біографія поэта, внѣшняя и внутренняя, мастерски составленная по отрывочнымъ матеріаламъ и извлекающая изъ нихъ все доступное обобщенію. Многочисленные историко-литературныя примѣчанія, сопровождающія изданіе, освѣщаютъ глухой, сравнительно, періодъ нашей литературы до восхода Пушкина. Часто переступая границы, положенныя комментарію къ избранному писателю, онѣ собираютъ цѣнныя данныя для цѣлаго ряда возможныхъ работъ о дѣятеляхъ до-пушкинской эпохи. Не многіе такъ приготовлены къ этимъ работамъ, какъ издатель Батюшкова. Трудъ его надъ этимъ писателемъ недавно увѣнчанъ полною Пушкинскою преміей.

Кромѣ исчисленныхъ трудовъ, непосредственно относящихся

къ исторіи русской литературы, г. Майкову принадлежатъ еще слѣдующія работы:

«Замѣтка о географіи древней Руси» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1874, № 7, и отдѣльно), разборъ 1-го изданія сочиненія Н. И. Барсова: «Географія начальной лѣтописи», въ которомъ особенно обращаютъ на себя вниманіе изслѣдованія критика по вопросу о географіи лѣсовъ въ южной полосѣ Россіи въ древнія времена.

«О древней культурѣ западныхъ финновъ по даннымъ ихъ языка» (Жур. Мин. Нар. Пр., 1877, №№ 6, 7 и 12 и отдѣльно), подробное изложеніе содержанія сочиненія проф. А. Алквиста: «Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen» съ дополненіями касательно вліянія славянской культуры на финскую и съ указаніемъ сходныхъ чертъ въ современномъ бытѣ восточныхъ финновъ на основаніи данныхъ русской этнографической литературы.

«Хронологическія справки по поводу трехсотлѣтней годовщины присоединенія Сибири къ Русской державѣ» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1881, № 9, и отдѣльно), составленное по порученію Археографической комиссіи, изслѣдованіе, въ которомъ авторъ, путемъ сличенія показаній актовъ и лѣтописей, приходитъ къ заключенію, что атаманъ Кольцо привезъ въ Москву извѣстіе о покореніи Сибири въ началѣ 1583 года и что затѣмъ послѣдовало принятіе этого края въ русское подданство.

«Старинные русскіе паломники» въ изданіи Православнаго Палестинскаго Общества (Жур. Мин. Нар. Пр. 1884, № 7, и отдѣльно): критическая замѣтка объ изданіи хожденій игумена Даніила и гостя Василя и путешествія В. Барскаго.

«Четвертый археологическій съѣздъ въ Казани» (Жур. Мин. Нар. Пр. 1876, №№ 2 и 3).

«Пятый археологическій съѣздъ въ Тифлисѣ» (тамъ-же 1882, №№ 1, 2 и отдѣльно).

«Некрологическія статьи: объ А. И. Артемьевѣ (тамъ-же 1873, № 11) и объ И. И. Срезневскомъ (тамъ-же 1880,

№ 3); объ ученыхъ заслугахъ гр. А. С. Уварова (Изв. Имп. Русск. Геогр. Общ., т. XX).

Кромѣ того небольшія сообщенія и рецензіи г. Майкова появлялись въ Извѣстіяхъ Имп. Русск. Геогр. Общ., въ Изв. Русск. Археол. Общ., въ Журн. Мин. Нар. Просв., въ Русск. Архивѣ, Древн. и Нов. Россіи и Историческомъ Вѣстникѣ.

Л. Н. Майковъ съ 1864 г. принимаетъ постоянное участіе въ трудахъ Географическаго Общества, гдѣ съ 1872 по 1886 годъ состоялъ предсѣдателемъ Отдѣленія этнографіи. Подъ его редакціею изданы томы II, III и VI Записокъ этого Отдѣла.

II. Образцы бѣлорускаго нарѣчія разныхъ мѣстностей, доставленные П. Авенаріусомъ.

1. Отрывокъ изъ сказки Пушкина о рыбацѣ и рыбкѣ въ сравнительномъ переводѣ на вѣлорусское нарѣ- чіе разныхъ уѣздовъ.

Слонимскій уѣздъ.

Пѣкаска абъ рыбаку и абъ
рыбци.

Жыў стары зъ сваёю
старою бабою калѣ самага
сіняго мора. Енѣ жылі
у разваленой землянцы
роўно трыдцать гадѣў
и три го́ды.

Стары лавіў валакомъ
рыбу, а старая прала
сваю кудзёлю.

Аднаго разу іонъ ў морэ
запусціў вѣлокъ, вѣцянуў
вѣлокъ зъ аднымъ мѣломъ.

Бѣлостокскій уѣздъ.

Абъ рыбацѣ и абъ рыбци.

Жыў сабѣ дзедъ зъ бабаю
дыхтъ синёго мора.
Енѣ жылі
у гнилѣй землянцы
роўно трыдзёсць лѣтъ
и три рѣки.

Дзедъ лапаў сѣткою
рыбу, баба прала
кудзёлю.

Разъ іонъ ў морэ
наставіў сѣтку; прійшла
сѣтка зъ одною цѣною.

(Минской губ. и уѣздъ). Якъ жиў да быў дѣдъ зъ бабой. Дѣдъ
лавіў рыбу, а баба прала пражу. Вотъ разъ дѣдъ закинуў нѣ-
водь; глядъ, ашъ ничего нема.

Бѣльскій уѣздъ.

Зыў старыкъ зо своєю
старухою у самаго
шиняго мора. Вони зыли
у витхой жемлянкы
рѹмно трійчать литъ
и три рѹки.

Старыкъ ловіў нѣводомъ
рыбу, старуха прѣла
свое прѣдиво.

Разъ вунъ ў море
закінуў нѣводъ, присѣў
нѣводъ зъ однымъ забѣрынемъ.

Кобринскій уѣздъ.

Жывъ бувъ старыкъ съ своею
старухою коло самого
синего мора. Вони жылы
въ старій зымленцы
ривно трицеть литъ
и три роки.

Старый ловывъ нѣводомъ
рыбу, а старая прѣла
свою прѣжу.

Разъ винъ въ морѣ
закынувъ нѣводъ; прышовъ
нѣводъ съ одною поплавушкою.

(Волынской губ. Владим. у.). Казка про рыбака и про рыбку.

Живъ соби дидъ та баба каго самого синего мора. Жили
воны въ старенькой хатци-землянци ривно трійцять литъ и три
роки. Дидъ ловивъ неводомъ рыбу, а баба прала мычки. Одного
разу закинувъ дидъ неводъ въ море и вытянувъ іогѹ только зъ
муломъ.

2. Байка изъ деревни Каракули Вѣлостокскаго уѣзда.

Жыў кѣдысь собѣ Ясько. Іонъ не разъ возіў жидѹ. Разъ
прійшѹ до ёгѹ одзйнь жидъ и каже: «Яську! завезі минѣ до
мѣста, я тобѣ добры грѹши дамъ». Гѣто было ў нѣче и Ясько не
хоцѣў ёгѹ весцьи. Жидъ просіў ёгѹ, просіў и каже: «Яську!
хоцъ, пойдзѣмъ до корчмы, я тобѣ дамъ кварту вѹдки». Ясько
каже: «дзе я тамъ пойду! не хѹчу пѣсци и не поѣду; еще копъ
дзе разбѹйники забіли». Жидъ сталъ просіць ёгѹ и Ясько пошѹ
зъ нимъ до корчмы, вѣшіў вѹдку и повѣзъ жидѹ до мѣста. Жидъ
купіў скла ў мѣсци и енѣ ѣхали уже до дѹму. Дорѹга йишла
чрезъ лѣсъ. Жидъ глянуў на перѹдъ и каже: «Яську! што гѣто

такде?» А тамъ стѣяло кѣлька стѣндеры ¹⁾, и Ясько сказаў: «Чуешь: гѣто мѣси разбойники. «Аей, аей, што тѣразъ бѣдзе? ены насъ забѣюць!» Жидъ каже: «Яську! я ўлѣзу подѣ скло, а ты ѣдзь». Улезъ жидъ подѣ скло и сѣдзиць, а Ясько ўзяў кѣя и каже такекъ разбойникъ: «Што ты везешь?» И зноў отговѣруе: «нѣ бѣце минѣ, я везу скло». Позней пѣняў кѣя, екѣ дасць по склѣ разѣ, други! а жидъ ўсѣ кричиць: «дзинь, дзинь!» не бы то скло пѣнкае. Узяў Ясько коня и ѣдуць домѣй, а жидъ каже: «Яську! а што, разбойникъ уже не зѣдзи?» «Э кѣды мы ихъ уже проѣхали», сказаў Ясько. Ёдуць ены далѣй, ажно кѣле дорѣги пне стоить, и жидъ пытаѣце: «Яську! што гѣто такое? А Ясько каже: «Я тобѣ казаў: не ѣздымо, а то бѣда ещѣ бѣдзе, а што ты не вѣрыў, тожѣ гѣто воўкѣ ²⁾»; ены насъ уже не пѣсцяць живыхъ». А жидъ каже: «ну, Яську, чи у цибѣ верѣўка естѣ?» «А дзесць естѣ кусѣкъ, то на што тобѣ нѣ?» «Чуешь: привяжи мене подѣ возомъ и я буду брѣхаць ³⁾, бо воўкѣ, ты самѣ вѣдаешь, бояце собакъ». Привязаў енѣ жида, а самѣ екѣ стаў гаянѣць кѣни, то ажѣ гукъ по лѣси пойшѣў, а жидъ ўсѣ, екѣ «гимъ гаў», такѣ «гимъ гаў!» Одѣѣхаў Ясько одѣ лѣса розвязаў жида и каже: «копѣ цибѣ, жидѣ, хворѣба ўзяла, за цибѣ я дѣйся чѣсто праполѣхаўсе». Прѣехали ены до села; жидѣ ўзяў ў корчмѣ вѣдки, даў, трѣха и Ясковѣ и каже: «уй, якѣ кѣпскѣ розбойники мѣло кѣемѣ не забили минѣ!» Зѣ гѣтыхъ порѣ іонѣ нигды не ѣздиў ў нѣче.

3. Пѣсни Слонимскаго уѣзда.

Цвила рожа вѣ огрудѣчку
Чирвонымъ цвѣточкомъ,
Прѣць, прѣць мой миленькій
Бѣленькою ночкой (утромъ, чуть свѣтъ).

¹⁾ Древесный пенъ.

²⁾ Волки.

³⁾ Лаять.

Сѣни-жъ мои дубовые,
Хата на памосци,
Пріѣць, пріѣць мои миленькій
Хоць да мене ў гости.
Бодай тобѣ друшненько
Семъ лѣци хвореци,
Колькижъ будзе въ твоей хаці
Баркунъ зеленеци,
Бодай тобѣ козаченьку
Да не стало ўзросту,
О пойдзи-же утапися
Зъ високаго мосту.

Ходзиць дзѣўка кало рѣчки,
Бѣлы ручке мые,
А ужъ казакъ утапиўся,
Одна хустка плыва.
Той не жаль мнѣ той хустки,
Таго вышиванья,
Одно жаль мнѣ козаченька,
Бѣднаго каханья.

Сивый гѣлупъ, сивый гѣлупъ,
Галупка сивѣйша,
Ойцець милый, матка мила,
Дзевчина милѣйша.
Сѣдзиць голупъ на дубочку,
Галупка на вишні,
Скажы, скажы щіру праўду,
Што маешъ на мысли?
Ой сказала-пъ щіру праўду,
Што люблю, якъ душу,
А ты мене покидаешъ,

Я плакати мушу.
Ой есць ѹ мине тое зелье
Выже перелазу
Якъ дамъ тобѣ напиться
Забудзешь одразу.
«Ой дай-же мнѣ того зелья,
Что-пъ це позабыци,
Буду парыць, буду пици,
Капли не опуцу,
Ўтеды цебѣ прозобуду,
Якъ очками сплюцу (закрою глаза, умру).

Вышла дай за хату, стала приглядацься,
Таталюли, таталюли, таталюсеньки мои,
Ажъ тамъ їзде кѣзакъ, дай-же мнѣ свататься,
Таталюли, таталюли, таталюсеньки мои.
А вона не хоче, что зарученая,
Таталюли и проч.
Казакъ не весѣлы, что не мае жонки.
Таталюли и проч.

4. Минской гув. Борисовскаго уѣзда.

(Записаль Г. А. Приневскій со словъ слѣпого нищаго).

Былина о Борисѣ и Глѣбѣ и Святополкѣ окаянномъ.

Объисточное сказаніе (sic).

Якъ ѹ славномъ городѣ Кіевѣ
Якъ жыѹ сабѣ Владимиръ князь.
Ёнъ ѹ своемъ домѣ благочинномъ,
Ёнъ ѹ своей каменной палатѣ
Имѣѹ собѣ двѣнадцать чадоѹ.
Ёнъ только залюбіѹ три чады,
Три чады надежные:

Бориса, Хлѣба, Владимира.
Быѹ князь Полгей,
Такъ ѹзявѹ, подѣлиѹ города.
Владимиру чаду даѹ Кіевъ городъ,
А Чернигоѹ городъ Хлѣбушку,
И Могилеѹ Борису.
Владимиръ князь перестановиѹся;
Теперь ѣнъ пишетъ листъ грамотный
До святаго Хлѣба, Бориса.
Хлѣбъ-же Борисъ листы смотрѣть.
Яны усѣвши на лошадей,
Подъ Вышгородъ подѣзжаючи.
Охъ и яго братъ неѹстрѣтиѹ его
Ни съ хлѣбомъ, ни съ солю,
А сустрѣѹ его со всей злобой,
Зѹ вайстримъ мечемъ, зѹ вайстримъ копьемъ.
Загубиѹ ихъ ѣнъ, Бориса копьемъ пробіѹ,
А Хлѣбушка ножомъ заколоѹ.
Борисъ и Хлѣбъ просили брата Полгея:
Ой братецъ мой, брате, святой Полгей,
Ой не узрѣй, не губи насъ людей молодыхъ;
Возьми-жѹ насъ ѹ свай домъ;
Кабъ мы ѹ твоємъ домѣ побывали
И хлѣба и соли покушѣли,
И ойца своего и матеръ поминали.
А ѹражій сынъ ни ойтецкій сынъ,
Ѣнъ тѣя молитвы не слышая,
Садіѹся на лошадей со своими слугами.
Подъ Вышгородъ подѣзжаючи,
Калиновый огонь расклаѹ,
Воронныхъ лошадей отпрѣгъ.
ѹ поли полати пораскинуѹши,
Ѣнъ Бориса копьемъ пробіѹ,
А Хлѣбушка ножомъ заколоѹ.

Ёнъ побиўши, погуляўши
Самъ собѣ утѣшается,
Что ему богатство отстается.
Подъ Вышенгородъ подѣзжаючи,
Подъ нимъ земля зрагнулося,
Ў путь ѣ дорожѣ замѣшалосѣ.
Отрочи съ Хлѣба и Бориса
Лежать мощи всѣ святыя,
Лежать мощи всѣ святыя,
Охъ тридцать лѣтъ и три лѣты,
Ничего мощи не урождаются,
Ни водой-же, ни отъ вѣтра,
Ни отъ таго слонца,
Ни отъ таго лютаго морозу.
Нихто мощи ни спровѣдае,
Только спровѣдае самъ Исусъ Христосъ
И самъ Царь Небесный
Сослѣѣ зъ неба трохъ ангелоѣ.
Тепера надъ святыми мощами располагаючи,
Стоять столбы небескіе
Отъ небесъ ажъ до самѣи земли.
Со строили, сбудовали
Преосвященную камѣнную церкоѣ,
Престолъ надъ имъ величающій.
Какъ заспѣваймо Алилуй, Алилуй,
Слава Тебѣ Боже.

Минской гув. Борисовскаго у.

(Записалъ Г. А. Приневскій),

Пѣсня молодежи.

Я ѣ поли жѣто жѣла,
У мяне ѣ доми шкода стала:
Звалилася свѣкрѣѣ зъ тыну,

Набило ўсю крапиву.
Ни жаль-же мнѣ свякровочки,
Якъ жаль же мнѣ крапивочки.
Я крапивку свиннямъ ссяку,
А свякроўку на огни спяку.

ИЗВЛЕЧЕНІЯ ИЗЪ ПРОТОКоловъ ЗАСѢДАНІЙ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

въ 1889 году.

Доложено, что 28 января въ Москвѣ будетъ праздноваться 50-тилѣтній юбилей члена корреспондента Академіи Наукъ А. А. Шеншина (Фета). Положено въ означенный день привѣтствовать его телеграммою отъ членовъ Отдѣленія, которая и отправлена въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Въ день полулѣтней годовщины литературной дѣятельности своего знаменитаго члена-корреспондента Отдѣленіе русскаго языка и словесности поставляетъ себѣ въ особенное удовольствіе привѣтствовать въ немъ любимаго русскаго поэта, умѣвшаго сочетать съ пылкимъ лирическимъ вдохновеніемъ глубину и свѣжесть чувства, прелесть образовъ и гармонію звуковъ, поэта, еще и на склонѣ лѣтъ сохраняющаго жаръ юности и неустанную энергію, которой литература наша обязана усвоеніемъ ей цѣлаго ряда произведеній классической древности. Отдѣленію при этомъ случаѣ пріятно вспомнить, что оно имѣло возможность увѣнчать одинъ изъ этихъ трудовъ премією великаго русскаго поэта, который самъ сочувственно присоединился бы къ настоящему привѣтствію нашему. Да продлитъ Провидѣніе дни нестарѣющаго Фета».

Читано письмо профессора университета въ Черновцахъ Калужняцкаго, который, препровождая новую библиографическую статью о неизвѣстныхъ произведеніяхъ русской церковной печати, проситъ о напечатаніи этого труда въ Сборникъ Отдѣленія. Поло-

жено просить А. О. Бычкова рассмотреть означенную статью и возвратить ее съ своимъ отзывомъ.

Представлена рукопись г. Хринсанова Лопарева подъ заглавіемъ «Іерусалимская повѣсть XVI вѣка», содержащая текстъ этого памятника и введеніе. Рукопись передана А. Н. Веселовскому съ просьбою рассмотреть ее и доставить о ней свой отзывъ.

Читана и одобрена для представленія въ Общее Собраніе слѣдующая составленная предѣдательствующимъ записка: «Когда Отдѣленіе русскаго языка и словесности вскорѣ послѣ своего учрежденія готовилось къ изданію Словаря, то оно просило конференцію назначить изъ среды ея тѣхъ академиковъ, къ которымъ редакторы Словаря должны будутъ обращаться для предварительнаго разсмотрѣнія и повѣрки объясненій словъ и выраженій, относящихся къ физико-математическимъ и естественнымъ наукамъ. Вслѣдствіе этой просьбы, въ протоколѣ Общаго Собранія было записано, что каждый членъ I Отдѣленія Академіи, по вызову гг. редакторовъ, готовъ содѣйствовать имъ въ ихъ трудѣ. Нынѣ Отдѣленіе русскаго языка и словесности, собираясь приступить къ печатанію перваго выпуска новаго изданія Русскаго Словаря, позволяетъ себѣ выразить надежду, что оно найдетъ такую же радужную помощь со стороны не только физико-математическаго, но и историко-филологическаго Отдѣленія, содѣйствіе котораго признается столь же необходимымъ, особенно по части политической экономіи и восточныхъ языковъ. Тѣмъ гг. академикамъ, которые благоволятъ изъявить на то свое согласіе, будутъ доставляемы, какъ это дѣлалось и при прежнемъ изданіи Словаря, корректурные листы, по мѣрѣ ихъ полученія изъ типографіи».

Читано письмо Н. С. Тихонравова въ отвѣтъ на просьбу Отдѣленія, что въ его собраніи рукописей не находится ни автографовъ Ломоносова, ни какихъ-либо другихъ, касающихся до него бумагъ. Въ его собраніи есть только «Clavis poëtica» Квѣтницкаго, бывшаго учителемъ Ломоносова въ Славяно-греко-латинскихъ школахъ, и копія съ извѣстнаго Сборника «Стиходѣйствъ», принадлежащаго Казанскому университету. Въ московскихъ архивахъ можно найти нѣкоторые матеріалы для предпринятаго Академіею Наукъ изданія сочиненій Ломоносова, и профессоръ Тихонравовъ вызывается исполнить тѣ порученія, которыя Отдѣленіе признаетъ нужнымъ дать ему относительно этихъ архивныхъ матеріаловъ.

Читано письмо А. А. Шеншина на имя предѣдательствующаго

щаго съ изъявленіемъ благодарности за посланное ему по телеграфу въ день его юбилея, 28 января, привѣтствіе, которое, по его словамъ, «приложило свою печать на это 50-тилѣтнее празднованіе придавая ему тѣмъ самымъ законную оправдательную силу».

Читано письмо вдовы Котляревскаго на имя А. Н. Веселовскаго, которымъ она увѣдомляетъ, что вслѣдствіе предложенія Отдѣленія избрать лицо, которое могло бы взять на себя составленіе біографіи покойнаго, она имѣетъ въ виду обратиться съ просьбою о томъ къ А. Н. Пыпину. Положено просить академика Веселовскаго увѣдомить Екатерину Семеновну Котляревскую, что оно предположеніе ея одобряетъ, и лично объясниться съ г. Пыпинымъ касательно степени подробности и размѣра біографіи.

Читано письмо академика Ягича на имя предсѣдательствующаго, въ которомъ онъ, сообщая о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него посланнымъ ему образчикомъ новаго изданія Словаря и изъявляя полную готовность участвовать въ чтеніи корректурныхъ листовъ, выражаетъ желаніе, чтобы при именахъ существительныхъ означено было удареніе множественнаго числа всякій разъ, когда оно не сходно съ удареніемъ единственнаго. Объяснено, что не только это соблюдается постоянно, но и вообще всякое измѣненіе акцента во флексіяхъ указывается какъ при существительныхъ именахъ, такъ и при другихъ частяхъ рѣчи.

При этомъ разсуждаемо было о нѣкоторыхъ словахъ, употребляемыхъ писателями въ двойной формѣ, напр. *мучить, мучу, мучатъ* и *мучать, чаю, чаютъ*, и принято за правило, что хотя одна изъ формъ можетъ считаться нормальной, однакожъ обѣ должны быть указываемы въ Словарѣ, конечно, съ надлежащею оговоркою.

Читанъ и одобренъ составленный предсѣдательствующимъ проектъ правилъ о преміи поручика Андрея Кирѣева.

Предсѣдательствующій доложилъ, что въ виду предстоящей разсылки гг. академикамъ и нѣкоторымъ другимъ лицамъ первыхъ корректурныхъ листовъ Словаря, онъ составилъ объяснительную записку о новомъ изданіи академическаго Словаря, которая затѣмъ и одобрена.

Читанъ Высочайшій указъ 3 мая о назначеніи Президентомъ Императорской Академіи Наукъ великаго князя Константина Константиновича.

Читано и одобрено слѣдующее составленное предсѣдательствующимъ привѣтствіе Его Высочеству Президенту, назначенное для прочтенія въ засѣданіи Общаго Собранія:

«Ваше Императорское Высочество!

«Сознавая въ полной мѣрѣ великую милость, оказанную Государемъ Императоромъ Академіи Наукъ дарованіемъ ей въ президенты Вашего Высочества, Отдѣленіе русскаго языка и словесности имѣетъ еще и особенную причину радостно привѣтствовать въ лицѣ Вашемъ главу нашего учрежденія. Кому не извѣстно, что русская литература, составляющая предметъ занятій второго Отдѣленія, дорогá Вамъ не какъ любителю ея только, но какъ одному изъ ея дѣятелей, какъ автору произведеній, появленіе которыхъ въ печати встрѣчено было съ живымъ сочувствіемъ всею грамотною Россіей?

«Отдѣленію отрадна увѣренность, что Ваше Императорское Высочество примете къ сердцу интересы его наравнѣ съ пользами прочихъ частей Академіи, въ составѣ которой оно хотя и является младшимъ членомъ, но всегда стремилось достойно занимать свое мѣсто, къ чести созданнаго Петромъ Великимъ знаменитаго учрежденія, къ преуспѣянію и славѣ русской науки.

«Желая и впредь дѣйствовать въ томъ-же духѣ, мы твердо надѣемся на просвѣщенную поддержку Вашу и не сомнѣваемся, что Ваше Императорское Высочество, съ любовію посвящая силы свои возложеннымъ на Васъ Монаршею волею новымъ заботамъ, съ блескомъ впишете имя Свое въ лѣтописи русской Академіи Наукъ, во главѣ цѣлаго періода ея исторіи, на продолжительность котораго мы имѣемъ основаніе разсчитывать».

Академики А. О. Бычковъ и Л. Н. Майковъ сообщили замѣчанія свои на доставленные предсѣдательствующимъ новые оттиски первыхъ корректурныхъ листовъ Словаря, при чемъ академикъ Я. К. Гротъ довелъ до свѣдѣнія Отдѣленія, что онъ, по полученіи отъ нѣкоторыхъ лицъ ожидаемыхъ имъ дополнительныхъ замѣчаній, думаетъ въ теченіе вакантнаго времени ограничиться сверсткою перваго листа, окончательную же правку послѣднихъ корректурныхъ формъ, теперь уже набранныхъ, предполагаетъ отложить до осени, въ теченіе же лѣтнихъ мѣсяцевъ будетъ продолжать приготовленіе къ печати и просмотръ въ наборѣ какъ остальныхъ словъ на букву А, такъ и словъ на Б и В. Къ этому онъ присовокупилъ, что на предстоящіе мѣсяцы имъ поручено гг. Шейну, Смирнову и Пѣтухову продолжать составленіе выписокъ изъ писателей, а г. Симони заниматься дальнѣйшею сводкою матеріаловъ для новаго изданія Областного Словаря. Принято къ свѣдѣнію.

Академикъ Ягичъ доложилъ, что ему удалось отыскать по порученію Отдѣленія подлинную рукопись сочиненія Хельчицкаго «Реплика противъ бискупца», которое положено напечатать въ Сборникѣ вслѣдъ за «Сѣтью вѣры» того же автора. Узнавъ, что эта рукопись вмѣстѣ съ другими автографами Хельчицкаго хранится въ Ольмюцѣ, И. В. Ягичъ самъ ѣздилъ въ этотъ городъ и поручилъ переписку этого манускрипта живущему тамъ ученому, доктору Кахнику, викарію при мѣстномъ соборѣ. Отдѣленіе, исполнивъ это распоряженіе, выразило академику Ягичу свою признательность.

Засѣданіе 23 сентября происходило подѣ председательствомъ Августѣйшаго президента Академіи Наукъ. Его Высочество, по осмотрѣ Зоологическаго Музея, прибылъ въ полдень въ малую конференцъ-залу и занялъ мѣсто среди членовъ Отдѣленія.

По прочтеніи протокола засѣданія 16 сентября, академикъ Я. К. Гротъ предложилъ на обсужденіе возбужденный Его Императорскимъ Высочествомъ вопросъ о предпріятіи Академіею Наукъ полнаго критическаго и притомъ роскошнаго изданія сочиненій А. С. Пушкина. Необходимость такого изданія была единогласно признана Отдѣленіемъ, въ виду неудовлетворительности всѣхъ существующихъ въ настоящее время изданій Пушкина, и веденіе приготовительныхъ работъ по этому предпріятію возложено на академика Майкова. Вслѣдъ за тѣмъ Л. Н. Майковъ изложилъ свой взглядъ на распорядокъ предполагаемаго изданія, которое, по его мнѣнію, должно будетъ состоять изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: 1) произведеній вполне законченныхъ или по крайней мѣрѣ такихъ, которыя хотя и не были вполне обработаны поэтомъ, но по степени своей отдѣлки и художественному достоинству могутъ считаться наравнѣ съ законченными, и 2) произведеній, только набросанныхъ вчернѣ или вообще не конченныхъ. По возбужденному вмѣстѣ съ тѣмъ вопросу о стихотвореніяхъ такъ называемаго нецензурнаго содержанія, опредѣлено напечатать ихъ отдѣльною книжкой въ небольшомъ числѣ экземпляровъ (примѣрно отъ 50 до 100) и, не выпуская въ продажу, выдавать только библіотекамъ и нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ. Что касается вопроса, связаннаго съ идеей роскошнаго изданія, именно относительно приложенія къ нему иллюстрацій, то созданіе рисунковъ, которые по достоинству изобрѣтенія и исполненія отвѣчали бы высшимъ художественнымъ требованіямъ, представляло бы такія затрудненія, устраненіе коихъ выходило бы изъ предѣловъ круга дѣятельности и задачъ Отдѣ-

ленія. Поэтому положено ограничиться включеніемъ въ изданіе портретовъ Пушкина и наиболѣе замѣчательныхъ изъ собственныхъ его эскизовъ, въ большомъ числѣ разбросанныхъ въ его рукописяхъ. Другого рода рисунки, воспроизводящіе сюжеты произведеній Пушкина, могутъ составить отдѣльный альбомъ, изготовленіе котораго будетъ предоставлено частной предпріимчивости. Въ заключеніе Л. Н. Майкову поручено письменно изложить съ большою подробностію и представить въ Отдѣленіе проектъ изданія на основаніяхъ, постановленныхъ въ настоящемъ засѣданіи.

Относительно хода приготовительныхъ работъ по предпріятію Отдѣленіемъ изданію сочиненій Ломоносова академикъ М. И. Сухомлиновъ доложилъ слѣдующее: «При изданіи сочиненій Ломоносова существенною основою должны служить собственноручныя рукописи его, а также и то, что напечатано при жизни автора и при его непосредственномъ участіи. Главнымъ хранилищемъ рукописныхъ матеріаловъ справедливо признаются архивы Академіи Наукъ (Конференціи и Канцеляріи). Много сохранилось въ академическихъ архивахъ, но многое и исчезло — безслѣдно или только до поры до времени, объ этомъ еще нельзя сказать ничего положительнаго. Несомнѣнно, что въ рукописяхъ находятся пробѣлы, и притомъ отнюдь не случайные: изъ ряда писемъ, точно указанныхъ въ приложенномъ указателѣ, недостаетъ именно тѣхъ, которыя писаны Ломоносовымъ; даже изъ Ломоносовскихъ писемъ сдѣланъ какъ бы сознательный выборъ, судя по тому, что исчезли самыя любопытныя. Что касается печатныхъ источниковъ, то такъ наз. *editio princeps* нѣкоторыхъ произведеній Ломоносова составляетъ величайшую библиографическую рѣдкость, хотя о существованіи ихъ имѣются въ архивахъ весьма опредѣленные указанія. Въ теченіе почти двадцати лѣтъ со времени начала литературной дѣятельности Ломоносова сочиненія его появлялись въ печати каждое отдѣльно, а нѣкоторыя помѣщаемы были въ тогдашнихъ временныхъ изданіяхъ. Только въ 1751 году Ломоносовъ, вызванный, какъ самъ говоритъ, требованіями читающаго общества, издалъ собраніе своихъ сочиненій. Это первое собраніе, состоящее изъ одного тома, имѣетъ особенную цѣну, не только по времени своего появленія, но главнымъ образомъ потому, что оно печаталось при жизни автора и подъ его самымъ дѣятельнымъ наблюдениемъ. По счастью, уцѣлѣлъ рукописный подлинникъ этого изданія, въ которомъ многое написано собственноручно Ломоносовымъ. Сравненіе собственноручнаго съ написаннымъ чужою рукою даетъ

указаніе для хронологической послѣдовательности произведеній. Черезъ нѣсколько лѣтъ Ломоносовъ приготовилъ къ печати второй и третій томы собранія своихъ сочиненій; но дѣло затормозилось по неизвѣстнымъ причинамъ, и только въ 1757 году появилось, но не продолженіе перваго изданія, а второе изданіе, въ первый томъ котораго вошли произведенія, напечатанныя въ первомъ изданіи, съ прибавленіемъ того, что вышло въ свѣтъ послѣ 1751 года. Второй томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1759 году. Всѣ другія изданія появились уже по смерти Ломоносова. Особеннаго вниманія заслуживаютъ, хотя и не въ одинаковой степени, изданія архимандрита Дамаскина и Козодавлева. Иное явилось здѣсь по рукописнымъ источникамъ. По плану, представленному въ Отдѣленіе и одобренному онымъ, въ первый томъ академическаго изданія должны войти стихотворенія. Поэтому необходимо привести въ извѣстность всѣ стихотворныя произведенія Ломоносова, уцѣлѣвшія частью въ собственноручныхъ рукописяхъ Ломоносова, частью въ первыхъ изданіяхъ, вышедшихъ при жизни автора. Многое уже найдено и собрано, но многое до сихъ поръ остается неизвѣстнымъ и требуетъ самыхъ тщательныхъ разысканій. Избравши основной текстъ для каждаго стихотворенія, я привожу варианты изъ другихъ списковъ и изданій. Стихотворенія Ломоносова, будучи издаваемы отдѣльно, находятся также, въ полномъ ли объемѣ или отрывкахъ, и въ его прозаическихъ сочиненіяхъ. Сличеніе текстовъ приводитъ къ любопытному выводу, показывая, какъ Ломоносовъ работалъ надъ своимъ стихомъ, почти никогда не воспроизводя его съ буквальною точностію и почти всегда дѣлая большія или меньшія измѣненія. Иногда перемѣны такъ велики, что произведеніе получаетъ совершенно новый видъ: въ такомъ случаѣ считаю нужнымъ помѣщать обѣ редакціи вполнѣ. Каждое стихотвореніе предполагаю помѣщать съ объяснительными примѣчаніями, въ которыхъ бы указывались время появленія и поводъ къ написанію. Такъ какъ произведенія должны быть расположены въ хронологическомъ порядкѣ, то опредѣленіе его и занимаетъ меня въ настоящую минуту. Оно сопряженно съ большими трудностями. Первое по времени стихотвореніе Ломоносова — переводъ оды Фенелона — по счастію сохранилось въ собственноручномъ подлинникѣ Ломоносова. Но второе, принадлежащее притомъ къ числу самыхъ важныхъ, повидимому исчезло на всегда въ томъ видѣ, въ какомъ прислалъ его Ломоносовъ изъ Фрейберга. Это — ода на взятіе Хотина. Тщательный переборъ всего архивнаго матеріала, отъ про-

токоловъ ученаго собранія до типографскихъ счетовъ, не далъ ни малѣйшаго указанія на время появленія въ печати оды Ломоносова, хотя о печатаніи двухъ другихъ одъ, написанныхъ разными лицами по тому же поводу, есть въ архивахъ положительныя извѣстія. — Присланное Ломоносовымъ изъ Фрейберга, вмѣстѣ съ одою на взятіе Хотина, «Письмо о правилахъ русскаго стихотворства», имѣющее особенно важное значеніе, также неизвѣстно въ собственноручной рукописи. Оно впервые явилось въ печати въ изданіи Дамаскина (въ 1778 году) по рукописи, присланной изъ Петербурга. Былъ ли это списокъ, или самый подлинникъ, неизвѣстно. Въ разысканіяхъ своихъ я пользуюсь рукописями и печатными изданіями, находящимися въ архивахъ Академіи Наукъ, въ Государственномъ Архивѣ, въ Архивѣ Министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, въ Библіотекѣ Академіи Наукъ, въ Публичной Библіотекѣ и др. Чѣмъ счастливѣе будутъ такіа разысканія въ области первыхъ источниковъ, тѣмъ скорѣе можно будетъ приступить къ печатанію перваго тома».

Предсѣдательствующій доложилъ, что живущій въ Кадниковѣ А. Н. Иваницкій, окончивъ переписку составленнаго имъ Словаря Вологодскаго нарѣчія, доставилъ въ Отдѣленіе чистый, весьма тщательно изготовленный списокъ этого Словаря, и что онъ, академикъ Гротъ, предполагаетъ передать этотъ списокъ, въ дополненіе къ другимъ подобнымъ матеріаламъ, г-ну Симони, занимающемуся подъ его руководствомъ, приготовительными трудами для новаго изданія Областного Словаря. Одобрено.

Доведена до свѣдѣнія Отдѣленія просьба книгопродава Геруда о томъ, чтобы въ основанный имъ въ Петербургѣ «Русско-славянскій книжный складъ» доставляемо было на комиссію по одному экземпляру каждой вновь издаваемой книги и по 10-ти оттисковъ каждой брошюры. Положено сообщить о томъ завѣдующему складомъ изданій Отдѣленія.

Академикъ Майковъ прочелъ составленный имъ, по порученію Отдѣленія, планъ критическаго изданія сочиненій Пушкина на основаніи правилъ, въ общихъ чертахъ уже изложенныхъ въ протоколѣ засѣданія 23 минувшаго сентября. Отдѣленіе, вопли одобливъ этотъ планъ, предоставило Леониду Николаевичу, по окончательной отдѣлкѣ редакціи въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, внести его въ Отдѣленіе для напечатанія, съ обращеніемъ ко всѣмъ лицамъ, имѣющимъ какіе-либо еще не изданные матеріалы для такого изданія, просьбы сообщить ихъ Отдѣленію.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ПРОТОКОЛАМЪ.

I. КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Рѣчь, составленная въ 1876 году по порученію президента Академіи Я. К. Гротомъ и читанная графомъ О. П. Литке 29 декабря того же года по случаю празднованія полуторавѣковаго юбилея Академіи Наукъ въ присутствіи императора Александра Николаевича и Августѣйшаго Семейства ¹⁾).

Первая мысль при настоящемъ торжествѣ Академіи Наукъ невольно обращается къ великому Основателю ея. Ясно сознавая значеніе науки для всѣхъ отраслей государственной жизни, Петръ I давно лелѣялъ въ душѣ своей мечту объ этомъ учрежденіи, но только за годъ до своей кончины успѣлъ онъ положить твердое начало осуществленію ея и тѣмъ увѣнчать свои неуспынные попеченія и труды на благо Россіи. Ему самому не было суждено привести въ дѣйствіе любимую мысль свою, но завѣтъ его былъ свято исполненъ и заботливо хранимъ Августѣйшими его преемниками. Съ чувствомъ благоговѣйной признательности къ Монархамъ, подъ могущественнымъ покровомъ которыхъ наша Академія росла и развивалась, возобновимъ сегодня въ памяти нѣкоторыя черты ея прошлаго.

Первоначально Академія наша, по тогдашнему состоянію просвѣщенія въ Россіи, не могла имѣть цѣлю служеніе чистой наукѣ. Петръ Великій имѣлъ въ виду основать въ ней не ученое общество только, но и разсадникъ преподавателей для будущихъ училищъ; она должна была и сама вмѣщать въ себѣ учебное заведеніе. Для достиженія своей цѣли Петръ прибѣгнулъ къ тому же

¹⁾ См. Записки Академіи Наукъ, т. XXIX, кн. I. Печатается здѣсь по поводу назначенія Президентомъ Императорской Академіи Наукъ Государя Великаго Князя Константина Константиновича, благоволившаго обратить вниманіе на эту рѣчь.

средству, какое употреблялъ для пріобрѣтенія дѣятелей по государственной службѣ, т. е. къ вызову иностранцевъ, которые бы могли сдѣлаться наставниками или образцами природныхъ Русскихъ и приготовить ихъ къ самостоятельной дѣятельности въ будущемъ. Съ этою-то мыслью онъ на докладѣ объ учрежденіи Академіи приписалъ своею рукою: «Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славянскаго народа, дабы могли удобнѣе Русскихъ учить».

Приглашенные Петромъ Великимъ ученые начали съѣзжаться только по кончинѣ его. Посредникомъ при вызовѣ ихъ былъ лейбъ-медики Блументростъ, назначенный вскорѣ первымъ Президентомъ Академіи. Онъ же представилъ новоприбывшихъ Императрицѣ Екатеринѣ I во дворцѣ лѣтнаго сада. Пріемъ имъ былъ самый милостивый, какого, по выраженію современника, могли только ожидать важнѣйшіе изъ посланниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ начались собранія академиковъ въ домѣ Шафирова на Петербургской сторонѣ. Одно изъ засѣданій удостоилось присутствія Императрицы, сидѣвшей на томъ самомъ тронѣ, съ котораго Петръ Великій торжественно принималъ иностранныхъ пословъ и который на этотъ случай былъ нарочно перенесенъ изъ Сената.

Естественно, что первоначальное развитіе Академіи было въ зависимости отъ состоянія тогдашняго русскаго общества. Ей пришлось посвящать значительную долю своей дѣятельности на удовлетвореніе практическихъ нуждъ, на изданіе газетъ и календарей, на обученіе юношества въ академической гимназій, на составленіе проектовъ и рисунковъ иллюминацій, на сочиненіе стиховъ для придворныхъ празднествъ. По послѣднимъ двумъ назначеніямъ Академія имѣла даже особаго специалиста, профессора аллегорій Штелина, бывшаго наставникомъ Великаго Князя Петра Фёдоровича. Тогда же, такъ какъ Академіи Художествъ еще не было, при Академіи Наукъ явились разныя техническія производства и начатки изящныхъ искусствъ въ принадлежавшихъ ей обширныхъ мастерскихъ.

Несмотря на такой смѣшанный характеръ ея дѣятельности и на неизбежное преобладаніе въ тогдашнемъ составѣ ея иностраннаго элемента, Академія Наукъ съ самаго начала не теряла изъ виду своего призванія способствовать къ изученію Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, къ собиранію положительныхъ о ней данныхъ по разнымъ отраслямъ знанія. Съ этою цѣлью, уже черезъ семь лѣтъ послѣ открытія Академіи, снаряжена была ученая экспедиція въ Сибирь, совершенная особенно академиками Гмелиномъ, Миллеромъ, Фишеромъ, Стеллеромъ и студентомъ Крашенинниковымъ, вызваннымъ Академіею изъ Москвы. Эта экспедиція продолжалась десять лѣтъ и обогатила науку множествомъ важныхъ извѣстій и открытій, изданіе которыхъ составило эпоху въ лѣтописяхъ не только Академіи, но и вообще науки.

Наступившее вслѣдъ за тѣмъ царствованіе Елисаветы Петровны ознаменовалось въ нашемъ учрежденіи разностороннею дѣятельностью гениальнаго Ломоносова, перваго русскаго академика и писателя. Вскорѣ мы видимъ между членами Академіи уже и другихъ русскихъ ученыхъ, наприм. Крашенинкова, Попова, Румовскаго. Кромѣ ученыхъ трудовъ, по особенному повелѣнію Государыни, печатались также изготовлявшіеся при Академіи русскіе переводы книгъ для легкаго чтенія. Въ 1754 году исторіографъ Миллеръ основалъ первый на русскомъ языкѣ учено-литературный журналъ «Ежемесячные сочиненія и переводы»; онъ издавался при Академіи тѣмъ же ученымъ десять

лѣтъ и составляетъ въ исторіи русской журналистики весьма замѣчательное явленіе.

Стремленіе примѣнять труды Академіи къ пользамъ Россіи еще усилилось въ царствованіе Екатерины II. Какъ достойная преемница Петра Великаго, она не могла не питать особеннаго сочувствія къ высокимъ цѣлямъ его въ созданіи этого учрежденія. Еще бывъ великою княгиней, Екатерина II не разъ обращалась къ пособіямъ Академіи Наукъ. По вступленіи на престолъ она удостоила своимъ присутствіемъ первое послѣ того торжественное собраніе, приняла Академію въ свое непосредственное вѣдѣніе и, учредивъ для управленія его должность Директора, требовала отъ него ежемѣсячныхъ экономическихъ вѣдомостей. Съ этого времени Академія считаетъ начало новаго періода своего существованія. Она никогда не забудетъ, какое близкое участіе Императрица удостоивала принимать въ ея дѣлахъ, слѣдя за трудами академикомъ, изъ коихъ нѣкоторые были ей лично извѣстны, и иногда возлагая на нихъ ученые работы: такъ напр. академикъ Миллеръ, по ея порученію, написалъ исторію русскаго дворянства; а Палласу ввѣрено было ею окончаніе сравнительныхъ словарей, которыми прежде сама Государыня занималась. Не можетъ быть также забыто, что ей русская исторія обязана удержаніемъ при Академіи Шлецера, оказавшаго этой наукѣ столь незабвенныя услуги. Особенно же памятно, что Императрица, узнавъ о предстоящемъ прохожденіи планеты Венеры передъ солнцемъ, прежде нежели гдѣ-либо въ Европѣ приняты были мѣры для наблюденій надъ этимъ явленіемъ, сама возымѣла мысль снарядить по этому поводу нѣсколько экспедицій въ разные концы Россіи и написала о томъ директору Академіи Графу Владимиру Орлову. Предпріятыя вслѣдствіе того обширныя ученныя путешествія нѣсколькихъ академикомъ и избранныхъ Государынею стороннихъ астрономомъ, а также и результаты этихъ путешествій въ трудахъ Палласа, Лепехина, Георги, Озерецковскаго и др., такъ извѣстны, что излишне было бы распространяться о нихъ. Въ то время число русскихъ членомъ Академіи уже значительно увеличилось: мы находимъ между ними столь знакомыя ученому міру имена Иноходцева, Котельникова, Протасова, Севергина и др. Назначенная директоромъ Академіи княгиня Дашкова исполнила оправдала этотъ необыкновенный выборъ, умѣла своимъ личнымъ участіемъ въ трудахъ академикомъ оживить ихъ дѣятельность, старалась доставить этому учрежденію вліяніе на общество установленіемъ публичныхъ чтеній на рускомъ языкѣ и періодическими изданіями, которыми сама завѣдывала.

Первое пятидесятилѣтіе Академіи совершилось въ счастливый моментъ, когда Россія, послѣ многолѣтней войны съ Турціей и внутреннихъ бѣдствій, начинала оправляться среди благъ мира и спокойствія. Незадолго передъ тѣмъ въ Царскомъ семействѣ отпраздновано было бракосочетаніе Наслѣдника Престола великаго князя Павла Петровича съ великою княгиней Марією Теодоровной. Августѣйшіе новобрачные почтили своимъ присутствіемъ этотъ первый юбилей Академіи. Сама Императрица не могла исполнить своего, передъ тѣмъ ею выраженаго намѣренія также посѣтить по этому случаю Академію. Избранный ею для этого день, 29-е декабря, сдѣлался навсегда знаменательнымъ въ жизни Академіи, служа съ тѣхъ поръ днемъ ея годовыхъ торжественныхъ собраній.

По воцареніи, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Императора Александра

Павловича, президентомъ Академіи Наукъ назначенъ былъ одинъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ Государя, Новосильцовъ. Вскорѣ ей былъ дарованъ новый уставъ, значительно расширившій ея дѣятельность, которая получила еще большее оживленіе съ назначеніемъ въ 1818 г. графа Уварова въ Президенты.

По особенно счастливой для Академіи случайности, столѣтняя годовщина ея основанія совпала съ началомъ достославнаго царствованія Императора Николая Павловича. Никогда еще Академія Наукъ не имѣла счастья привѣтствовать въ своихъ стѣнахъ такого многочисленнаго и блестящаго собранія августѣйшихъ особъ: ее удостоили своимъ посѣщеніемъ Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ Николай Павловичъ, Государыни Императрицы Александра Ѳеодоровна и Марія Ѳеодоровна, Ихъ Императорскія Высочества Государь Наслѣдникъ Великій Князь Александръ Николаевичъ и Великій Князь Михаилъ Павловичъ съ супругою Великою Княгинею Еленою Павловною. Особенно отрадные чувства возбуждало присутствіе вдовствующей Императрицы, которая за полстолѣтія передъ тѣмъ явившись на торжествѣ науки лучезарною звѣздою, во всемъ блескѣ юности и красоты, теперь, на склонѣ дней своихъ, снова посѣтила Академію въ сіяніи неувядаемой славы совершенныхъ ею христіанскихъ подвиговъ. Чтобы увѣковѣчить память столь необыкновенно-радостнаго событія Академія испросила Всемилостивѣйшее дозволеніе выбить особую золотую медаль, которая и была поднесена Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ депутаціею академиковъ въ день рожденія Ея Величества, 14 октября 1827 года.

Столѣтній юбилей Академіи былъ для нея какъ бы свѣтлою зарею послѣдовавшихъ лѣтъ. Благодаря великодушному, постоянно милостивому покровительству Императора Николая, созданіе Петра Великаго скоро достигло цвѣтущаго состоянія и утвердило свое право на общее уваженіе въ Европѣ. Многія монументальныя предпріятія въ области науки совершились, къ славѣ Россіи, подъ скипетромъ Николая I, во вторую четверть нашего вѣка, и значительная часть ихъ совершилась при Академіи Наукъ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ къ приращенію ея средствъ какъ матеріальныхъ, такъ и духовныхъ, къ увеличенію ея научныхъ силъ. Съ дарованіемъ ей новаго Устава въ 30 хъ годахъ, въ ней явились новыя кафедры, музеи обогатились значительными пріобрѣтеніями, зданія обновились и расширились. Вслѣдствіе всѣхъ подобныхъ улучшеній съ одной стороны и успѣховъ общаго образованія съ другой, установилась болѣе тѣсная связь между Академіей и обществомъ.

Развитіе дѣятельности Академіи Наукъ продолжалось, на тѣхъ же основаніяхъ, и въ послѣдній періодъ полуторавѣковаго ея существованія, начавшійся со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора и почти одновременнымъ назначеніемъ, по смерти Графа Уварова, новаго Президента Академіи въ лицѣ просвѣщеннаго сановника и писателя, Графа Блудова. И въ послѣдовавшіе, по кончинѣ его, годы Академія не переставала испытывать, во всѣхъ отправленіяхъ своей жизни, благотворное дѣйствіе Монаршаго вниманія къ нуждамъ своимъ и къ пользамъ науки. Однимъ изъ отличительныхъ явленій въ жизни Академіи за это время былъ рядъ небывалыхъ прежде въ стѣнахъ ея торжественныхъ собраній въ память великихъ русскихъ дѣятелей: Петра Великаго, Ломоносова, Карамзина и Крылова.

Послѣ этого краткаго очерка минувшихъ судебъ Академіи, да будетъ мнѣ позволено обратиться къ настоящей радостной минутѣ. Не видимъ-ли въ ней утѣшительнаго доказательства, что Академія Наукъ и въ наши дни осчастливлена драгоценнымъ благоволеніемъ Августѣйшаго своего Покровителя? не служить-ли прекраснѣйшимъ для нея предзнаменованіемъ вожделѣнное присутствіе возлюбленнаго Монарха при вступленіи ея въ новое полустолѣтіе своего существованія? Этотъ торжественный мигъ переноситъ насъ за 50 лѣтъ назадъ, когда Академія Наукъ въ первый разъ удостоилась привѣтствовать Васъ, Государь, въ своей средѣ. — Между нами нѣтъ уже никого изъ имѣвшихъ тогда счастье присутствовать въ этихъ стѣнахъ; но Академія съ умиленіемъ хранитъ о томъ память; нынѣ же съ неизреченною благодарностью занесетъ въ свои лѣтописи, что чрезъ полвѣка Вашему Императорскому Величеству благоугодно было, среди важнѣйшихъ государственныхъ заботъ вспомнить тотъ незабвенный для насъ день и снова принять милостивое участіе въ скромномъ академическомъ празднествѣ. Осмѣлюсь, въ заключеніе, прочесть строки, напечатанныя въ отчетѣ о тогдашнемъ торжественномъ собраніи: «Сердца всѣхъ исполнились живѣйшею надеждою при возрѣніи на Царственного Отрока, нынѣ радость Отечества составляющаго, а нѣкогда его славу, и Онъ Своимъ присутствіемъ на торжествѣ пробудилъ въ душахъ радостное предчувствіе о Своемъ будущемъ покровительствѣ наукамъ для блага Отечества». — Исполнилось-ли это предчувствіе? Отвѣтъ на то вписанъ неизгладимыми чертами въ сердца всѣхъ насъ, какъ и въ исторію русскаго просвѣщенія.

II. ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА О НОВОМЪ ИЗДАНИИ АКАДЕМИЧЕСКАГО СЛОВАРЯ ¹⁾).

1. Объемъ содержанія.

Прежній академическій словарь обнималъ, какъ выражено и въ заглавіи его, церковнославянскій и русскій языкъ, при чемъ въ составъ послѣдняго входилъ и языкъ древнерусскій, какимъ

¹⁾ Записка эта была разослана при слѣдующемъ циркулярномъ письмѣ председательствующаго въ Отдѣленіи:

Сочувствіе, выраженное какъ гг. членами I-го и III-го Отдѣленій Академіи Наукъ, такъ и нѣкоторыми посторонними учеными къ предпринятому Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности новому изданію академическаго словаря, позволяетъ Отдѣленію разсчитывать на Ваше обязательное содѣйствіе успѣшному ходу этого предпріятія.

Препровождая при семъ корректурный оттискъ начала этого словаря, который предполагается издавать выпусками, и прилагая особую объяснительную записку, II-ое Отдѣленіе Академіи имѣетъ честь обратиться къ Вамъ съ покорнѣйшею просьбой не отказать ему въ просмотрѣ словъ, относящихся къ Вашей спеціальности или вообще интересующихъ Васъ, и при этомъ:

1) Подвергать внимательной критикѣ каждое такое слово, и если оно будетъ сочтено излишнимъ, отмѣчать это.

2) Прибавлять слова, которыя окажутся пропущенными, присоединяя къ нимъ точное, по возможности сжатое, опредѣленіе.

3) Повѣрять и исправлять помѣщенные при словахъ опредѣленія.

4) Дополнять указанная при словахъ значенія, если въ нихъ окажутся пробѣлы.

5) При ботаническихъ, а отчасти и при зоологическихъ названіяхъ рѣшать, какіе изъ приложенныхъ къ нимъ, употребительныхъ въ разныхъ частяхъ Россіи синонимовъ заслуживаютъ сохраненія или исключенія.

6) Вообще сообщать свои замѣчанія, хотя бы они и не относились къ той или другой спеціальной области знанія.

Прилагаемый корректурный оттискъ желательно было бы получить обратно съ Вашими замѣчаніями не позже какъ черезъ недѣлю со дня его присылки.

Вмѣстѣ съ симъ Отдѣленіе испрашиваетъ Вашего позволенія доставлять Вамъ съ тою же цѣлію и на такой же срокъ дальнѣйшіе корректурные листы словаря по мѣрѣ ихъ изготовленія.

онъ является въ лѣтописяхъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Такое соединеніе, съ одной стороны, двухъ разныхъ славянскихъ нарѣчій, а съ другой, совершенно различныхъ періодовъ жизни русскаго языка, представляющихъ каждый свои особенные законы и формы, не можетъ считаться правильнымъ и было бы несвоевременнымъ нынѣ, когда уже имѣются отдѣльные церковнославянскіе словари (Востокова и Миклошича) и когда Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности предпринято изданіе особаго, составленнаго покойнымъ Срезневскимъ, словаря древнерусскаго языка.

Настоящее изданіе имѣетъ предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временъ Ломоносова; изъ церковнославянскаго же и древнерусскаго сохраняетъ оно только слова, либо слившіяся съ русскою рѣчью въ религіи, исторіи и литературѣ, либо представляющія особенный интересъ по связи съ языкомъ современнымъ.

Такъ какъ невозможно установить вполне точныхъ границъ между разными сферами и оттѣнками языка, то въ словарь будутъ занесены кромѣ того и нѣкоторыя областныя слова, именно: частью такія, которыя получили обширное распространеніе, частью мѣстныя слова, встрѣчающіяся у писателей, частью наконецъ слова особенно любопытныя и поучительныя. Въ этомъ отношеніи принято за правило: лучше давать лишнее, нежели опускать то, объ излишествѣ чего могутъ быть разныя мнѣнія.

Изъ *техническихъ* названій по наукамъ и искусствамъ войдутъ въ словарь, по примѣру прежняго изданія, а также по образцу многихъ иностранныхъ словарей, термины болѣе или менѣе употребительные, которые могутъ встрѣчаться какъ во вседневномъ быту, такъ и въ неслишкомъ специальныхъ научныхъ сочиненіяхъ.

При *ботаническихъ* названіяхъ приводится опредѣляющій ихъ латинскій терминъ и кромѣ того (курсивомъ) тѣ названія, подъ которыми одно и то же растеніе извѣстно въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Собственные имена, какъ личныя, такъ и географическія, т. е. имена странъ, городовъ, рѣкъ, озеръ и т. д., въ словарь не вносятся, но имена *этнографическія*, по крайней мѣрѣ крупныхъ этнографическихъ единицъ (какъ напр. русскій, нѣмецъ, австріецъ, англичанинъ, турокъ) помѣщаются, такъ какъ эти имена, имѣющія и множественное число, считаются нарицательными, почему и пишутся они безъ большой буквы. Прилагательныя отъ именъ странъ (напр. азіатскій, австрійскій, турецкій) также не считаются собственными и найдутъ мѣсто въ словарѣ. Они важны и любопытны въ отношеніи къ законамъ словообразованія.

2. Порядокъ занесенія словъ и относительная полнота словаря.

Каждое слово, отдѣльно существующее, составленное по способу словообразованія и употребительное въ языкѣ, хотя бы и заимствованное, заносится особо, въ своей прямой или заглавной формѣ, въ строго алфавитномъ порядкѣ. Слова, встрѣчающіяся у писателей въ двоякомъ видѣ, ставятся каждое отдѣльно на своемъ мѣстѣ, но при неодобряемой формѣ дѣлается ссылка на предпочитаемую. Когда слово во флексіи получаетъ форму, по которой трудно узнать основную, то оно помѣщается и въ первой. Такъ напр. *возьму* приводится отдѣльно отъ *взять* со ссылкой на это неопредѣленное наклоненіе.

Въ предположенныхъ предѣлахъ содержанія словарь стремится къ возможной *полнотѣ номенклатуры*, т. е. *списка словъ*, давая между прочимъ всѣ неологизмы, которыми обогатилась русская рѣчь въ послѣднія десятилѣтія, частію по естественному ходу развитія языка, частію вслѣдствіе многочисленныхъ преобразованій во всѣхъ почти отрасляхъ общественнаго и государственнаго быта.

3. Опредѣленіе значеній словъ.

Для большей наглядности каждое значеніе слова пишется въ особую строку.

Если историческое развитіе значеній ясно, то на первомъ мѣстѣ ставится древнѣйшее значеніе, а затѣмъ постепенныя видоизмѣненія его. Такъ напр. при словѣ *городъ* ставится прежде всего значеніе *ограды*, потомъ: укрѣпленное мѣсто, крѣпостца, и напослѣдокъ уже поселеніе, признанное городомъ, какъ административная единица, и получившее свое особенное управленіе. Переносное значеніе слова отмѣчается, какъ и въ прежнемъ изданіи, звѣздочкою, напр. **горькій* въ его духовномъ смыслѣ, въ отличіе отъ вещественнаго.

4. Оправдательные примѣры.

Примѣры состоятъ: 1) либо только въ пояснительномъ сочетаніи словъ и въ оборотахъ, когда напр. при словѣ *горшокъ* приводятся выраженія: *Кухонный горшокъ. Цвѣточный горшокъ. Фарфоровый горшокъ*, или когда напр. при словѣ *водитъ* помѣщаются примѣры: *водитъ знакомство, водить съ кѣмъ-либо хлѣбъ-соль*; 2) либо въ цѣлыхъ фразахъ. Эти фразы заимствуются: а) изъ *общеупотребительной рѣчи*, и въ этомъ случаѣ находящіеся въ прежнемъ изданіи примѣры, если они удачны, переносятся и въ новое, б) изъ богатаго источника *народныхъ поговорокъ и пословицъ*, в) изъ *писателей*, какъ прозаиковъ, такъ и поэтовъ. Стихи печатаются особымъ мелкимъ шрифтомъ для отличія отъ примѣровъ прозаическихъ, которые приводятся курсивомъ. При выпискахъ изъ писателей означается сокращенно или только имя автора, или и заглавіе произведенія, откуда взять примѣръ, или только заглавіе, если сочиненіе очень извѣстно, напр. *Евг. Он., Горе о. у.* Въ этомъ отношеніи невозможно было соблюсти полного единообразія, потому что выписки дѣлались въ разное время, разными лицами и по различному плану, а жертвовать хорошимъ примѣромъ только ради того, что въ точности не означенъ его источникъ, было бы существенною потерей для словаря. Приводить при нѣкоторыхъ примѣрахъ и страницы книгъ, откуда они заимствованы, казалось излишнимъ, такъ какъ этого нельзя было сдѣлать при *всѣхъ* выпискахъ, и притомъ такія указанія

легко сопровождаются ошибками, затруднительны по множеству разныхъ изданій писателя, и наконецъ ими рѣдко кто пользуется. Если рядомъ помѣщены два примѣра изъ одного и того же источника, то подъ вторымъ ставится: тж. (т. е. тамъ же).

5. Объясненіе чужезычныхъ словъ.

При каждомъ *заимствованномъ* словѣ объясняется его *происхожденіе*. Рѣчь идетъ конечно не о самыхъ древнихъ, не всегда объяснимыхъ заимствованіяхъ, а только о болѣе позднихъ и несомнѣнныхъ. Когда слово взято изъ другого языка въ томъ же или почти томъ же значеніи, какое оно въ немъ имѣетъ, только съ нѣкоторымъ измѣненіемъ формы, то означаетъ только языкъ, которому слово первоначально принадлежитъ или откуда оно явно или по всей вѣроятности заимствовано. При малоизвѣстности же или неясности источника даются болѣе подробныя объясненія. Иногда къ слову присоединяются *особыя примѣчанія*, касающіяся не одной этимологіи, но и разныхъ другихъ вопросовъ, напр. неправильно образовавшейся формы, ошибочнаго употребленія, синонимовъ и т. п.

6. Грамматическія опредѣленія.

А. Имена существительныя. При каждомъ имени приводится его окончаніе въ *родительномъ падежѣ* съ означеніемъ рода: *м., ж., ср.* или *общ.* Этихъ примѣтъ достаточно, чтобы показать, что данное слово есть имя существительное.

На каждомъ словѣ, къ какой бы части рѣчи оно ни принадлежало, ставится его *удареніе*; оно отмѣчается и на *родительномъ падежѣ*, если на него падаетъ акцентъ. Сверхъ того приводится *множественное число*, если оно представляетъ какую нибудь особенность по формѣ своей или по ударенію. Когда слово произносится съ двоякимъ удареніемъ, то знакъ ставится надъ обоими ударяемыми слогами.

Имена *собираательныя, уменьшительныя, увеличительныя, ласкательныя* или *унизительныя*, сопровождаются начальными буквами этихъ названій.

Относительно опредѣленія именъ существительныхъ соблюдается правило, что при тѣхъ изъ нихъ, которыя происходятъ отъ прилагательныхъ и означаютъ названіе качества, свойства, состоянія (напр. *вялость, дикость, полезность, честность, праздность, косность*), ставятся только слова: «качество» или «свойство» или «состояніе» отъ прилагательныхъ: *вялый, дикій, полезный, честный, праздный, косный*. Особыя опредѣленія существительныхъ такого образованія дѣлаются только тогда, когда между значеніями существительнаго и прилагательнаго обнаруживается разность или когда существительное означаетъ не одно только качество, заключающееся въ прилагательномъ, напр. *разность, древность, потребность*.

Такимъ же образомъ при отглагольныхъ существительныхъ въ родѣ: *доставленіе, доставка, горніе, сверленіе* ставятся только слова: «дѣйствіе», «состояніе» отъ гл. *доставить, горть, сверлить*.

Этимъ способомъ избѣгается много лишнихъ опредѣленій, напрасно поглощающихъ мѣсто въ прежнемъ изданіи словаря. Конечно, отъ этой краткости мы отступаемъ всякій разъ, когда это нужно для большей полноты или точности опредѣленія.

Б. Имена прилагательныя. Принадлежность слова къ этой части рѣчи достаточно указывается приведеніемъ окончаній его по тремъ родамъ: *м., ж. и ср.* Когда прилагательное прямо произведено отъ существительнаго и значеніе его по одному этому производству вполне ясно, то для краткости при такомъ прилагательномъ отмѣчается только: отъ такого-то существительнаго напр. *осенній, няя, нее*, отъ *с. осень*. Но и здѣсь отступленіе отъ этого правила дѣлается всякій разъ, когда прилагательное или по различію своихъ суффиксовъ, или по разнообразію своихъ значеній требуетъ особенныхъ опредѣленій, наприм. *земляной, земной, земскій, землястый, землянистый*.

Изъ именъ прилагательныхъ не заносятся въ словарь только лично-притяжательныя на *овъ, ова, ово* (*евъ, ева, ево*), наприм. *жениховъ, сочинителейъ*, и на *инъ, ина, ино* (*ынъ, ына, ыно*), напр. *невъстинъ, кормилицынъ*, потому что, во 1-хъ, всѣ безъ исключенія прилагательныя этого разряда образуются совершенно одинаково, и во 2-хъ, они почти совершенно вышли уже изъ употребленія, особенно окончивающіяся на *овъ, евъ*, кромѣ весьма немногихъ (напр. сердце *царево, государевъ* дворъ). Менѣе устарѣли такія прилагательныя на *инъ, ынъ*, образуемыя отъ именъ съ женск. окончаніемъ (*матушкинъ* сынокъ, *кукушкино* гнѣздо), но и ихъ нѣтъ надобности означать при каждомъ существительномъ имени, отъ котораго они могутъ быть образованы. Приводятся они только въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ подъ существительнымъ именемъ, отъ котораго образованы.

В. Глаголы ставятся особо въ каждомъ изъ такъ называемыхъ *видовъ*, при чемъ за основной или первообразный видъ принимается *видъ несовершенный*, или *длительный*, при которомъ означаются также *виды совершенный* и *однократный*, и примѣры приводятся къ каждому изъ нихъ подъ глаголами вида несовершеннаго. Къ неопредѣленному наклоненію присоединяются: *1-е лицо един. числа*, какъ не всегда легко образуемое, и *3-е множ.*, какъ самое характеристическое для образованія прочихъ. *Глаголы вида совершеннаго*, для наглядности, означаются всегда особымъ шрифтомъ (курсивомъ съ разрядкою). Особенное вниманіе обращается на означеніе какъ ударенія разныхъ глагольных формъ, такъ и управленія глаголовъ въ ихъ разнообразныхъ залогахъ и значеніяхъ. Глаголы, кончающіеся на *ся*, ставятся отдѣльно отъ своей первоначальной формы, не имѣющей этого окончанія.

Г. Нарѣчія. Не считаемъ нужнымъ ставить отдѣльно такія нарѣчія, которыя тождественны съ прилагательными краткой формы въ среднемъ родѣ, напр. *пріятно, прилежно, глупо, внимательно*. Подобныя нарѣчія приводятся подъ прилагательнымъ именемъ только тогда, когда они отличаются отъ него либо значеніемъ,

либо удареніемъ, напр. нарѣчіе *болѣно*, несходное съ прилагательнымъ *болѣно* въ обоихъ отношеніяхъ.

При предлогахъ, какъ само собою разумѣется, мы въ точности означаемъ ихъ разнообразное управленіе.

Остальныя подробности обозначеній при словахъ не требуютъ особенныхъ поясненій.

III. Еще нѣсколько прибавленій къ библіографіи русскихъ церковныхъ изданій. Э. I. Калужняцкаго.

Въ своей статьѣ, озаглавленной: «Къ библіографіи церковно-славянскихъ печатныхъ изданій въ Россіи» и напечатанной по распоряженію Императорской Академіи Наукъ въ Санктпетербургѣ 1886-го г., я позволилъ себѣ обратить вниманіе читателей на книгу, называемую: **Богословія Пракооучительнаа**, и отличающуюся между прочимъ тѣмъ, что, несмотря на большую ея распространенность, въ извѣстныхъ библіографическихъ пособіяхъ имѣлись о ней весьма неудовлетворительныя свѣдѣнія. Съ тѣхъ поръ я успѣлъ познакомиться съ нѣсколькими другими, библіографамъ вовсе неизвѣстными произведеніями русской церковной печати и надѣюсь, что предлагаемое здѣсь описаніе оныхъ не будетъ сочтено излишнимъ. Вотъ эти произведенія:

1. Служебникъ Виленской печати 1691-го года.

Отъ этого служебника, печатаннаго въ листъ обыкновенной величины, извѣстенъ мнѣ одинъ только отрывокъ, состоящій изъ 56 печатныхъ и 30 рукописныхъ листовъ. Но, судя по сохранившемуся къ счастью оглавленію книги, передающему содержаніе оной въ ея первоначальномъ видѣ, мы можемъ принять за фактъ, что служебникъ Виленской печати, о которомъ идетъ рѣчь, содержалъ въ полномъ своемъ составѣ, кромѣ выходнаго и, быть можетъ, нѣсколькихъ вступительныхъ листовъ (посвященіе, предисловіе и пр.) 42+55+1*, въ совокупности 98 листовъ. На первыхъ 42 листахъ помѣщались: проскомидія, литур-

гія св. Іоанна Златоустаго, статья о причащеніи людей мірскихъ и службы праздникамъ господскимъ, богородичнымъ и нѣкоторымъ нарочитымъ святымъ; на слѣдующихъ за сямъ 55 листахъ, имѣющихъ впрочемъ свой особый, отдѣльный отъ предыдущаго счегъ, службы общія святымъ и службы на различные случаи; на листѣ 1*, не имѣющемъ въ подлинникѣ никакой помѣты, выше упомянутое оглавленіе книги. Что же касается заглавія книги, то оно выражено въ подлинникѣ дословно такъ: **ЛИТЪРГІА**¹⁾ ѿже къ стѣхъ ѿца нѣго Іоанна Златоу: Архієппа Константина града. При нѣйже **СЛАВЪЕЫ ПРЯДНИКОМЪ** Гдѣимъ ѿ Бгороднунымъ ѿ нѣкимъ нарочитымъ стѣмъ полагаются и пр. Издаѣа к' обѣтели живоначална Тройци. Трѣніемъ Інокѣвъ уииз стго Васіліа Великаго к' Вѣлики к' лѣто ѿ вопл. ѣна вѣѣа а х у а.

Описанный экземпляръ находится въ церкви мѣстечка Старога Самбора въ Галиціи.

2. Житіе св. Онуфрія, Супрасль 1696-го года.

Это житіе напечатано въ 4-ку средней величины и содержитъ I+29 листовъ. Листъ I не нумерованъ, прочіе помѣчены кирилловскими числами. Расположеніе книги таково:

Л. I^о: Заглавіе, обведенное совсѣмъ обыкновенною рамкою и определяющее содержаніе книги слѣдующими словами: **ЖИТІЕ** Приаго ѿца нѣго Великаго **ОИУФРІА** ЦАРЬВИЧА ПЕРСКАГО Пвстинножитѣла, Списанное перкѣе ѣ: Пафизтѣемъ Інокѣм', нѣе же ѿ многѣхъ извѣдѣ Греческаго, Римскаго. ѿ Италѣскаго, собранное: Смирѣнымъ Оцемъ Іосіфомъ Петкѣкнѣемъ. Уииз ѣ: **ВАСИЛІА** Великаго Совѣтникомъ ѿ Ігѣменомъ Жировицкимъ. во стгой **ЛАВРЪ** **СЪПРАСЛА**СКОЙ Тѣпомъ издадѣа. Рѣкѣ **Бжїе** а х у ѣ.

Л. I^о: Изображеніе св. Онуфрія въ свойственномъ ему типп-

1) Слова и мѣста, печатаемые въ предлагаемомъ здѣсь описаніи большими буквами, печатаны такими же буквами и въ подлинникѣ.

Мнѣ текѣ Мѣи сіе исполнѣмъ

Тебѣ во радѣи въ сѣм' сѣ . . .¹⁾

Прійми донесѣи до Тронъ . . .

Спа и Бѣга и Творца . . .

Л. II^a—XXIII^a: Всенощное, литургія, служба преждеосвященная и пр. по Кіевскому напѣву.

Л. XXIII^b: Изображеніе св. Іоанна Дамаскина съ книгою въ рукахъ, имѣющею надписаніе: **Кеуерналъ наша молитвы и пр.** Внизу изображенія, писанныя вязанною скорописью слова: **ВЪ ЛЬВОВЕ РОКЪ АХЪ Мѣ МАРТА И.** Изъ этихъ словъ мы въ правѣ заключать: во 1-ыхъ, что изображеніе св. Іоанна Дамаскина, о которомъ идетъ рѣчь, исполнено 8-го марта 1645-го года; во 2-хъ, что, равно какъ изображеніе, и первое Львовское изданіе Ирмологіона въ томъ видѣ, какъ подлежащее, исполнено было въ томъ же 1645-мъ или много что въ ближайшемъ 1646-мъ году. А если мы объ Ирмологіонѣ Львовской печати 1645-го или 1646-года въ извѣстныхъ библиографическихъ пособіяхъ не находимъ свѣдѣній, то это не доказываетъ рѣшительно ничего. Это значитъ лишь, что къ числу книгъ церковной печати вышедшихъ, но теперь утраченныхъ или пока неприведенныхъ въ извѣстность, слѣдуетъ прибавить еще одинъ нумеръ.

Л. I^a—160^a: Собственный Ирмологіонъ или такъ называемый пѣснословъ.

Л. 160^b—167^a: **ПОДОБНЫ** на восемь гласовъ.

Л. 167^b—209^a: **СТІХИРЫ. ПРАЗДНИКОМЪ ГДѢ-ВИМЪ, и Бѣгородичнымъ, и Нарочитымъ Сѣтымъ.**

Л. 209^b—11*: **РѢСТРЪ, ІРМОСОВЪ** на коды Днѣ.

Л. 12^a—13^b: **Сѣго Амвросіа Сѣпка Меднѣлѣскаго Твореніе.**

Заставки и заглавныя буквы, тоже надписанія главнѣйшихъ частей Ирмологіона исполнены во вкусѣ XVII вѣка. На нѣкоторыхъ заставкахъ (ср. для примѣра л. 167^b и др.) и изображе-

1) Конечныя слова трехъ послѣднихъ стиховъ въ описываемомъ экземплярѣ вырваны.

ніяхъ праздниковъ (ср. для примѣра листъ 189^a) помѣщены внизу буквы N и Z, означающія безъ сомнѣнія имя и фамилію гравѣра. Въ концѣ реестра на оборотѣ листа 11*-го прибавлено: **Конѣцъ съ Бѣгомъ Іермологію**, и на томъ же листѣ подъ виньетой, изображающею ангела со щитомъ, справа, приписано: **Василій Стѣ: Майстеръ**, что читать надо: **Василій Ставропигійскій майстеръ**.

Описываемый экземпляръ находится въ церкви села Туринска въ Галиціи.

4. Возслѣдованія праздникомъ св. тайны евхаристіи, состраданія богородицы и пр., Почаевъ 1741-го года.

Книга печатана въ листъ обыкновенной величины и содержитъ I—25 помѣченныхъ кирилловскими числами листовъ. Эти листы расположены слѣдующимъ образомъ:

Л. I^a: Заглавіе книги, подлинныя слова котораго таковы: **ВОСЛѢДОВАНІА ПРАЗДНИКОМЪ ПЕРТОЙ ТАЙНЫ ЕВХАРИСТІИ. СОСТРАДАНІА ПРТИА БЦЫ. И БЛАЖЕННАГО СПІЕННОМЪЧЕННИКА ІОСАФАТА ѠСВАТАГО БОГОРА, ЗАМОЙСКАГО ПРЕПОДАНІИМЪ. ТѢЛО ПЪДЪАША ВЪ МОНАСТІРѢ ПОЧАЕВСКОМЪ. УНИВЪ СЪАГО КАСІАНА ВЕЛИКАГО. РОКЪ ГДНА. Д Ѡ МЪ.**

Л. 1^a—12^b: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА ПРЪСВЯТОЙ ТАЙНЫ ЕВХАРИСТІИ**, Совершаемое вЪ Четверъ по Недѣли Всѣхъ Сѣхъ. Начало: **Вѣлікое таинство твоего коулькѣніа** и пр.

Л. 13—18^a: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА СОСТРАДАНІА ПРЪСВЯТЫА БОГОРОДИЦЫ**. Совершаемое вЪ Пѣтокъ второй Седмици по Пѣли всѣ Сѣмъ. Начало: **Всѣмъ Прѣстѣленицѣмъ ѡбѣщаніемъ** и пр.

Л. 18^b—25^b: **ВОСЛѢДОВАНІЕ ПРАЗДНИКА БЛАЖЕННАГО ОСВАЩЕННОМЪЧЕННИКА ІОСАФАТА**, совершаемое вЪ 3и дѣнь мѣся септемвриа. Начало: **Мѣстныескими кровми, сѣщенію рызъ обагрікъ** и пр.

Кстати должно еще прибавить, что въ заглавной рамкѣ, въ

правомъ ея углу, помѣщено имя: **Гонимъ**, въ заставкѣ на л. 1^а изображеніе распятія Христова, въ заставкѣ на л. 18^а монограмма имени **ИСОУСЪ ХРИСТОСЪ**, въ заставкѣ на листѣ 21^а монограмма имени **МАРІА**. Что же касается до виньетъ, то виньета въ концѣ Вослѣдованія празднику пресв. тайны евхаристіи изображаетъ ангела съ вѣтвію оливною въ каждой рукѣ, а виньета въ концѣ Вослѣдованія празднику бл. Иосафата столпъ сіяющій въ облакѣ. Прочія винеты не представляютъ ничего особеннаго.

Описанный экземпляръ находится тоже въ церкви села Туринска въ Галиціи и былъ, равно какъ и предыдущее изданіе, сообщенъ мнѣ тамошнимъ приходскимъ священникомъ, моимъ шуриномъ, Г. А. Полянскимъ.

5. Полууставъ, Уневъ 1741-го года.

Печатанъ въ 16-ую долю листа и содержитъ VI не нумерованныхъ и 892 помѣченныя кирилловскими числами страницы. Эти страницы распределены слѣдующимъ образомъ:

Стр. I: Заглавіе, украшенное изображеніемъ коронаціи Матері Божіей и выраженное дословно такъ: **ПОЛѢСТѢВЪ** в' немѣже **Уинъ Уасокъ Црковныхъ**, и проуинъ спсительныхъ моленій съ Уаси Цркнми. Тропарн и Кондаки на весь годъ. Первое Типомъ изданъ в' Монастырѣ Оуневскомъ **Инокъ Уинъ Стаго ВАСИЛІИ** Вели: Рокъ, аѣмъ. Внизу заглавнаго изображеніе выгравировано: *M. Fuglewicz sculpsit.*

Стр. III: Утвердительная грамота Аѳанасія Шептицкаго, подлинныя слова которой таковы: **ПОЛѢСТѢВЪ**, в' немѣже **Уинъ Уасокъ Црковныхъ** и проуинъ спсительныхъ мленій ѡбрътаеться; ꙗко нѣтъже Кѣръ стонъ Кѡволинѣской и оуставомъ Церковнымъ протѣвно в' себѣ имѣющъ, но всакому Ёерееви Кѡтопотребенъ, Типомъ издѣти повелѣваемъ: ѡзнѣстѣишаго же рѣди оуѡвреніа, сіе повелѣніе наше Рѣкою клѣсною при зѡклои Печѣти пѡписѣмъ. Данъ в' Оуневѣ Архимадріи нѣдой, Днѣ нѣ. Мѣа Мѣрта, аѣмъ. Рокъ. **Аѳанасій Архїепископъ Мѣтрополїта В. Р.**

Стр. 160—168: **ЧАСТЬ ДѢВЯТЫЙ.**

Стр. 168^b: Изображеніе чаши, окруженной орудіями страсти Христовой. Внизу таблица, на которой вырѣзаны слова: **И́дѣ мою плѣ и пѣла мою Крѣ** и пр. На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начинающаяся словами: **Гдѣ И́сѣ премно́га ра́ди твоѣа бл҃гѣи** и пр.

Стр. 169—177: **ЧИНЪ ОБЪЯВЛЕНІЯ.**

Стр. 177^b: Изображеніе снятія Христова съ креста. На нижнемъ полѣ подлежащей страницы молитва, начало которой: **Гдѣ И́сѣ и́же Вечѣрнаго часа съ Крѣта сна** и пр.

Стр. 178—206: **ЧИНЪ ВЕЧЕРНІЙ.**

Стр. 206^b: Изображеніе положенія Христова въ гробѣ. Внизу молитва: **Гдѣ И́сѣ и́же часа совершенія къ грѣбѣ оупокоеній** и пр.

Стр. 207—229: **ПЪВѢЧЕРНИЦА ВЕЛИКАЯ.** Пѣвѣмъ к' Великій Постѣ.

Стр. 229^b: Изображеніе Матери Божіей съ Младенцемъ. Внизу, слѣва, годъ 1738-ый, справа имя рѣзчика: **Юсиф.** На нижнемъ полѣ подлежащей страницы двустипіе:

А́нна Мѣ Мѣти, и та Мѣ Мѣнна.

А́нна Пѣта Ма; ѿ Мѣти Пѣнна.

Стр. 230—231: **ЧЕСТНЫЙ ПЪРЯВЛЕНІЕ ПРЕСВѢТЪЙ БОГОРОДИЦЫ.** Пѣвѣмъ за всѣко прошеніе.

Стр. 231—245: **КАНОНЪ МОЛѢБНЫЙ** Престѣи Бгѣо-ро́дѣи.

Стр. 245—256: **ЕКТЕНІЙ БЛАГОПОТРЕБЕНІЙ.** Пѣжд-нѣишнѣмъ прислашѣицѣмъ к' Молѣбнѣмъ слѣзѣмъ.

Стр. 257—260: **ПЪВѢЧЕРНИЦА МАЛАЯ.**

Стр. 260^b: Изображеніе воскресенія Христова съ молитвою внизу: **Гдѣ И́сѣ воскресѣи ѿз' мѣртвѣхъ** и пр.

Стр. 261—285: **СЛАЖЕА ВОСКРЕСЕНІА ПЪВѢМАА В' НЕДЕЛЮ.**

Стр. 286—302: **СЛАЖЕА ПОВСЕДНЕВНАА.** или Пра-вило Покаянное, къ Гдѣз на́шемъ И́сѣз Хрѣтѣ.

Стр. 303—340: **ІВАНІСТЪ. СЛАДЧАЙШЕМЪ ГДЪ**
нашемъ **Ісѣ Хртѣ.**

Стр. 341—351: **ТРОПАРІ ВОСКРЪНЫ.** Бѣгороднѣны,
Кондакѣ, Упакѣи. На **Ѧсмъ Гласовъ.**

Стр. 352—356: **ТРОПАРІ ДНѢВНІЙ.** Бѣгороднѣны и
Кондакѣ.

Стр. 357—360: **БОГОРОДИЧНЫ** и Кресто-Богороднѣны.
На **Ѧсмъ Гласовъ.**

Стр. 361—373: **ПОСЛѢДОВАНІЕ СВАТЫА ЧѢТИ-**
РІДѢСАТНІЦІ.

Стр. 373^b: Изображеніе Благовѣщенія пресв. Богородицы.
Внизу, справа, годъ 1737-ый, а на нижнемъ полѣ подлежащей
страницы четверостишіе:

Гавріїлъ тайнъ кѣлю върастъ.

Дхъ стѣй совѣтъ совершасть.

Тобою Дѣо Бгъ намъ прїимръса.

Ѧгда ѡ крокей твоихъ воплотїса.

Стр. 374—413: **ІВАНІСТЪ ПРЕСВАТЫЙ БОГОРО-**
ДИЦІ.

Стр. 414—420: Конецъ послѣдованія святой чотыредесат-
ницы.

Стр. 421—477: **ПОСЛѢДОВАНІЕ ЧАСОВЪ ЦЪР-**
КВІХЪ.

Стр. 478—495: Служба на святую недѣлю пасхи подъ за-
главіемъ: **СВАТА ВЕЛИКАА НЕДѢЛА ПАСХІ.**

Стр. 495—504: Чпнъ святой пятьдесятницы безъ особаго
заглавія.

Стр. 504^b: Изображеніе небесъ въ видѣ зодїака, вверху ко-
тораго солнечный кругъ и ликъ Бога Создателя.

Стр. 505—875: **СОБОРНІКЪ ДВАНДѢСАТИ МѢ-**
САЦЕИ.

Стр. 876—887: **МОЛИТВЫ** къ Кратцѣ. къ Стомъ Прѣта-
ченїю Іерееки.

Стр. 882—885: **МОЛІТВЫ** по сѣомъ Причащеніи.

Стр. 886—887: **ПѢСНЬ** Благодарственнаѧ. Иже въ сѣыхъ
Оца нашего Імѣрѣіа, епіа Медіоланскаго.

Стр. 888—889: **КРАТКОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ** ВОДІ.

Стр. 890: **МОЛІТВА** на ѡсѡщеніе всѧкоѧ вѣри.

Стр. 891: **КРАТКОЕ СОБРАНІЕ**. О Гдней Пасцы, Грѣ-
уеской и Рїмской, когда бѣдетъ Равно сѣ нами, когдаже нѣ равно.

Стр. 892: Послѣсловіе, подлинныя слова котораго таковы:
Дѧкнемъ намъ наугати и совершити Полѣставъ сѣй. Бгѣ въ Трѣици
скатѣи єдиномъ, Оцъ и Сїѣ и сѣомъ Дѣхъ: да бѣдетъ слава, чѣсть
и поклоненіе нѣѣ и прѣно и къ вѣки вѣковъ: ѧминъ.

Описанный экземпляръ находился въ частномъ обладаніи быв-
шаго священника села Флоринки, о. Рыдзая, въ Галиціи.

6. Окружное посланіе епископа Львовскаго, Аѡанасія Шептиц- каго, изданное въ половинѣ 1744-го года.

Это посланіе напечатано въ 8-ю долю листа меньшей величины
и содержитъ 34 помѣченные кирилловскими числами листа. Оно
начинается прямо словами: **ІѡАНАСІЙ НА ШЕПТИЦАХЪ**
ШЕПТИЦКІЙ Бжїею и ѣ: аплакаго прѣтола блгѣно, **Ірхїеїпъ**
Метрополита Кїевскїй и всѧ Рѣссїи, Єїпкъ, Лѡвскїй, Галицкїй и
Кѧменца Подѡлскаго, **Ірхїмандрїта** Кїевопечерскїй и Оуїевскїй и
переходитъ послѣ, сообщивъ предварительно Пречестнымъ О-
цемъ Протопрескѣтерѣмъ, Честнымъ Прескѣтерѣмъ Парохїальнымъ,
Црквей вдовствѣющихъ Адмїнїстраторѣмъ и пр. архїерейское
благословеніе, къ поясненію причинъ, по которымъ посланіе из-
дано. Подлежащее поясненіе выражено дословно такъ: **О** на-
угала за приколѣніемъ Бжїїнымъ возведенїа нашего ко пѣрвымъ на
Єїпствъ Лѡвскаго, Галицкаго, и Кѧменецкаго, посѣмъ на Мн-
трополїи Кїевской и всѧ Рѣссїи достѣннство, ѡ сѣмъ наипѣче
нїѣхомъ попеуенїе, да въ Протопрескѣтерехъ смотрѣлївно бдѣнїе,
Оустѡвокъ такъ сѣѣхъ собѣровъ вселѣнскихъ, и замѣйскаго, ѧкѡ
и нѣнїхъ дїецеѧлнмъ хранѣнїе; къ Прескѣтерехъ тїхже Оустѡ-
ковъ исполненїе, смиренѣмѣдрїе, крѣтѣсть трѣзвенїе, Црквей строе-

ніе, и утѣнію прилѣжаніе; во всѣхъ кѣрныхъ Паствъ нашої порз-
уѣнныхъ вещей ко спасенію блгопотрѣбныхъ скидніе, и къ добро-
дѣтелихъ прѣвахъ дѣшеполѣзное оубѣднѣніе и скъшеніе. Но поуже
съ немалюю Оутѣскаго сѣца нашого жалостію извѣстїхомся, ѣко
сѣа не по желанію нашемъ содѣваются, и мнозы наипаче ѿ Уѣ-
стныхъ Прескѣтерѣхъ невѣждествомъ изданїи к' соблюденію Оу-
стаковъ. Книмоклаюся. Того ради да посѣмъ всѣ сѣа, ѣже на стѣмъ
Синодѣ Замойскомъ, и на цѣрѣхъ Діецецалнхъ Протопрескѣтерскїхъ
собѣрахъ, нашихъ сѣтъ оустановленїа, коемѣждо извѣстїа бѣдѣтъ:
тажде всѣа, ѣже наипаче ѿ Преуѣстныхъ Протопрескѣтерей, и
уѣстныхъ Прескѣтерей хранѣна быти мають; къ кратцѣ собраниа, и
дїалѣктомъ Рѣскимъ к' лѣушемъ коемѣждо оуразумѣнію испїсана,
Тѣпомъ издѣти пожелѣхомъ. За сѣмъ поясненіемъ слѣдуютъ на
листахъ 2^а—21^б всего прежде **ОУСТАВЫ СѢАГО СОВОРУ
ЗАМОЙСКАГО**, а послѣ на листахъ 21^б—34^а **ОУСТАВЫ
ДІЕЦЕЗАЛНІЕ**. Первые изъ нихъ содержатъ предписанїе ѿ
кѣрѣ Клоолїтеской, и проповѣданїи слѣва бжїа; ѿ **САКРА-
МЕНТАХЪ**, и ихъ Адмїнїстраціи; ѿ **КРЕЩЕНІИ**, и
МУРОПОМАЗАНІИ; ѿ **ТАИНЪ ЕУХАРИСТІИ** и слѣжѣ,
Бжїи; ѿ **ПОКѢТЪ** и **БЛЕПОМАЗАНІИ**; ѿ **КАПАН-
СТЕЪ**; ѿ **МАЛЖЕНСТЕЪ**; ѿ **ПРОТОПРЕСКУТЕ-
РЕХЪ**; ѿ **ПАРОХАХЪ**, и **ПАРОХІАХЪ**; ѿ **ЦЕРКВАХЪ**,
и ихъ амїтїи неразграбленїю; ѿ **СІМОНІИ** сіестъ **СВѢТО-
КѢПСТЕЪ**; ѿ **ПОСТѢХЪ**, и **СВѢТАХЪ** — вторые же
предписанїа ѿ Протопрескѣтере и ихъ Оурадѣ; ѿ **ПАРОХАХЪ**,
и **ПАРОХІАХЪ**; ѿ **ЕЗАМИНАТОРАХЪ СІНОДАЛ-
НЫХЪ**; ѿ **ВРЕМЕНАХЪ СѢДОГЪ**. Посланїе оканчивается
такимъ образомъ: Сѣа всѣа предписанїе Оуставы да бѣ ѿ сѣмъ
коемѣждо Протопрескѣтерѣхъ и Прескѣтерѣхъ кѣдомн бнлѣ, Тѣпомъ
изданїе раздѣти пожелѣхомъ. Извѣстїишаго же ради оубѣренїа
тажде при обѣунои Неуѣти Рѣкою Класною подпїсывемъ. Дѣиѣ
въ Лвовѣ, Днѣ д, Мѣа Априлїа. Рѣкѣ Бжїа, да ф іа д. **АѢАНІСІИ,
АРХІЕПІШЪ МЕТРОПОЛИТА**. **Антѣнїи** Левїтскїи, **Аплскїи**
и ѣго Преосцѣенства, **Актохъ** Надѣорныхъ **Консїсторскїхъ** **Метро-**

политанскій и Еѵпскихъ Писаръ. Мѣсто и годъ печати не показаны, но, судя по черенкамъ и соображаясь съ другими, относящимися сюда обстоятельствами, допустить надо, что это посланіе печатано было во Львовѣ, въ такъ называемой Ставропигійской типографіи, въ выше сказанномъ 1744-мъ году.

Описываемый экземпляръ находится въ библіотекѣ «Народнаго Дома» во Львовѣ.

7. Другое изданіе того же посланія.

Кромѣ изданія, выше описаннаго, существуетъ однако еще изданіе того же окружнаго посланія. На первый взглядъ оно почти не отличается отъ предыдущаго, но, всматриваясь въ него ближе, мы не можемъ не убѣдиться, что между предыдущимъ и подлежащимъ здѣсь изданіемъ «посланія» есть и своего рода различія. Вотъ нѣсколько такихъ различій: Въ выше описанномъ изданіи на л. 13^a-мъ напечатано: **Ѡ ПОКѢТѢ Й ЄЛЕѠПО-МАЗАНІИ**, а въ подлежащемъ читаемъ: **Ѡ ПОКѢТѢ Й ЄЛЕѠПОМАЗАНІИ**; въ выше описанномъ на листѣ 19^a напечатано: **Ѡ ЄІМОНИ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **Ѡ ЄІМОНІЙ**; въ выше описанномъ на листѣ 20^a напечатано: **Ѡ ПОСТѢХЪ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **Ѡ ПОСТѢХЪ**; въ выше описанномъ на л. 22^b напечатано: **ѠСТАВЫ ДІЄЦЕЗІАНІЄ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **ОѠСТАВЫ ДІЄЦЕЗІАНІЄ**; въ выше описанномъ на томъ же листѣ напечатано: **Ѡ Протопрескѹтерѣ**, а въ подлежащемъ на томъ же мѣстѣ читаемъ: **Ѡ Протопрескѹтерехъ** и т. д. На основаніи всѣхъ тѣхъ и тѣмъ подобныхъ различій мы, слѣдовательно, вправѣ утверждать, что окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шептицкаго, вышло въ свѣтъ не разъ, а по крайней мѣрѣ два раза, и что затѣмъ кромѣ перваго существовало и второе онаго изданіе. Которое однако изъ этихъ изданій первое, а которое второе, это при отсутствіи какихъ нибудь сюда относящихся достовѣрныхъ данныхъ, опредѣлить трудно, впрочемъ и не такъ важно. Достаточно знать, что

окружное посланіе епископа Львовскаго, Афанасія Шептицкаго, дождалось двухъ отдѣльныхъ изданій, и что, если первое изъ этихъ изданій, по свидѣтельству конечныхъ словъ самого же посланія, появилось не раньше 9-го апрѣля 1744-го года, то второе изъ нихъ, судя по тому обстоятельству, что авторъ посланія, епископъ Львовскій Афанасій Шептицкій, дня 11-го декабря 1746-го года уже простился съ этимъ міромъ, могло появиться не позже 11-го декабря сказаннаго 1746-го года. Такимъ образомъ между выходомъ перваго и вторымъ изданіемъ было всего годъ или много два года различія.

Экземпляръ описываемаго изданія, къ сожалѣнію, неполный, ибо содержащій только листъ 9-ый и листы 11-ый по 25-ый, находится въ моей собственной библіотекѣ.

8. Анафистъ непорочноу зачатію пресв. дѣвы Богородицы, вышедшій по всей вѣроятности во Львовѣ между 1740-мъ и 1759-мъ годами.

Предлежащій Акафистъ печатанъ въ 12-ую долю листа и содержитъ 46 помѣченныхъ кирилловскими числами страницъ. Выходнаго листа нѣтъ, и книжечка начинается прямо со словъ: **ЇКАѠИСТЪ Ѡ НепорѠчноу зачѠтіи Дѣѣ Мѣре. ѲздѠнѣ. Ѳ. К. У. С. К. В. І. Д.** Послѣ этихъ словъ, относительно послѣ этихъ буквъ, изъ которыхъ первыя двѣ означаютъ безъ сомнѣнія имя и фамилію издателя, прочія шесть его достоинства и должны читаться такъ: **У**(нноу) **С**(ватаго) **В**(асиліа) **В**(еликаго) **І**(еро) **Д**(іакономъ), — слѣдуетъ самый же акаѠистъ, который, начиная съ стр. 1-ой, продолжается непрерывно, обычнымъ порядкомъ, по стр. 43-юю. На стр. 43-ей по 45-ую мы находимъ **пѣніе ПОХВАЛНОЕ**, начинающееся со словъ: **Тееѣ Дѣѣ хвалнмъ. Тееѣ Бѣѣмѣтеръ испокѣдзекъ и пр.,** а на стр. 45-ой по 46-ую **Врзѣніе самаго себѣ Дѣѣ Мѣре,** начинающееся со словъ: **Сѣла Мѣре Мѣти Бѣѣ, Ѳ Дѣѣ; Ѳизъ (Ѳѣжъ:) тѣ нѣмъ вѣ Гѣѣѣѣ, ходѣтѣнцѣ Ѳ покровѣтѣнцѣ мою Ѳзѣнѣю себѣ.** На стр. 46-ой помѣщена впрочемъ еще и краткая молитва, состоящая изъ словъ: **Да**

оублажитса. Бѣди бѣгословенно стое и непорочное зачатіе бѣгословенныа Дѣи **МАРИИ**, а къ молитвѣ этой прибавлено слѣдующее, служащее какъ нельзя лучше къ опредѣленію уніятскаго происхожденія книжицы примѣчаніе: Григорій їи. Папа Рокъ аха. надакъ, р. мѣтъ ѿпѣстъ, за кождымъ сѣа молитовки повтореніемъ.

Мѣсто и годъ печатанія не показаны, но судя по черенкамъ и другимъ обстоятельствамъ, мы едва ошибемся, если скажемъ, что Акаѳистъ, о которомъ идетъ рѣчь, вышелъ изъ Ставропигійской типографіи во Львовѣ между 1740-мъ и 1750-мъ годомъ.

Описанный экземпляръ находится въ моей собственной бібліотекѣ.

9. Давида царя псалмы на церковно-славянскомъ и польскомъ языкахъ, Почаевъ 1774-го года.

Эта книга печатана въ 8-ую д. л. и содержитъ I+261 помѣченныхъ кирилловскими числами листовъ.

Л. I^о: Заглавіе книги, подлинныя слова котораго таковы: Давида Пророка и Царя Пѣснй рекше **УІАММІ** со преложеніемъ на собѣщій намъ и бѣгуный азыкъ, изъ Вѣлгаты дакиѡ преведѣннихъ фалмовъ: то же ко оубѣдомленіе нѣкоторыхъ Славенскихъ реуеній здѣшнымъ невдѡбъ развѣмѣльныхъ: къ полѣзъ же сѣи бѣгословѣннѡ унѣати бѣгунимъ. **ИЗДАНИ** Къ Сѣой Лѣуръ Поуѣвской **У. С. В. В. Рокъ Гѣна а ф ѡ д.**

Л. I^о: Оубѣцаніе. Это Оубѣцаніе поясняетъ читателю причины, по которымъ церковно-славянскій текстъ псалтири не вездѣ сходенъ съ прилагаемымъ польскимъ текстомъ, и гласитъ дословно такъ: **Ўкрѣтаіи** по нѣкоторыхъ мѣстахъ несходно быти славенскомъ полское, семѣ не уѣдѣса, но кѣдла бѣди вниѣ сѣго тѣю: утѡ нѣшъ по седмѣдесѣтъ, ѡ ѣврейскаѡ на Грѣческій, Толковѣкъ ѣсть прекѡдъ славенскій: Полскій же изъ Римскаѡ, по исправленію сѣаѡ Іеронѣма.

Л. 1—261: Самая псалтирь, имѣющая надъ церковно-славянскимъ текстомъ надписаніе: **Дѣда Пророка и Царя Пѣснй**, а надъ польскимъ текстомъ надписаніе: **KSIĘSI PSALMOW.**

Описываемый экземпляръ находится въ библіотекѣ Народнаго Дома во Львовѣ.

Къ описаннымъ здѣсь, библіографамъ вовсе неизвѣстнымъ произведеніямъ русской церковной печати я позволяю себѣ прибавить еще одну книгу, которая хотя и извѣстна библіографамъ, но по своей величайшей рѣдкости и по другимъ обстоятельствамъ заслуживаетъ быть обстоятельно описанною. Эта книга есть Тріодъ цвѣтная, появившаяся въ типографіи Михаила Сліозки, во Львовѣ 1666-го года. Вотъ нѣсколько о ней подробностей¹⁾:

Тріодъ цвѣтная 1666-го года печатана въ листъ обыкновенной величины и содержитъ II—442—1*, затѣмъ²⁾ въ совокупности 245 листовъ. Первые II листа и листъ 1* безъ помѣты, прочіе помѣчены кирилловскими числами, идущими непрерывно отъ ѿ — ѿѿѿ. На нижнихъ поляхъ листовъ, по срединѣ, замѣтна кромѣ того другая еще сигнатура, начинающаяся съ буквы а и продолжающаяся по буквы ЮюѢ. Книга расположена слѣдующимъ образомъ:

Л. Г^а: Заглавная надпись, украшенная изображеніями, заимствованными изъ жизни Христовой, и выраженная дословно такъ: **ТРИШДИОН, сѣ ѣсть: ТРИПѢЕНЕЦЪ. ЕТОИ ВЕЛИКОИ ПИТДЕСЯТНИЦИ ѿ Ёлліискаго ѿсзѣдоканъ. За прики: Ё: КО: МЛ: ѿ за КЛѣніемъ ЕТАРШИХЪ. КЪ ЛЮОВЪ. К**

¹⁾ Въ изданномъ А. Н. Поповымъ Каталогѣ книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова помѣщено подъ номеромъ 237-мъ о Тріодѣ цвѣтной 1666-го года всего лишь слѣдующее, до сихъ поръ не дополненное никѣмъ извѣстіе: «Тріодъ цвѣтная», напеч. во Львовѣ, въ типографіи Михаила Слезки, 1666-го года., въ листъ 442 л. Книга чрезвычайно рѣдкая. Въ концѣ: Напечатана бысть сія книга глаголемая Тріодъ цвѣтная при державѣ короля его милости Казимѣра... въ богоспасаемомъ градѣ Львовѣ, въ типографіи Михаила Сліозки. Второе издадеса въ лѣто отъ сзѣданія міра 7104, а отъ воплощенія Бога слова 1666 г. мѣсяца Декемврія 19 дня.

²⁾ У Попова показано всего 442 листа.

Дръка́рини Миха́йла Сліо́кн. в' Рокъ, а́хъз. Мѣа, Декѣ: ѿѣ. Между упомянутыми изображеніями важны въ особенності слѣдующія два: 1) изображеніе Иисуса и Самаритянки; 2) изображеніе съ подписью: нѣ ѣ по пѣ. Въ первомъ изъ нихъ вырѣзаны числа: а́ х́ м́, а во второмъ числа: а́ х́ м́ ѓ и буквы: К Θ Ζ.

Л. Г^в: Изображеніе св. Іоанна Дамаскина съ надписью греческою вокругъ головы его: 'Ο Ἄ. 'ΙΩΑΝ. ΔΑΜΑΣΚΙΝΟΣ. Вверху изображенія напечатано двустипіе:

Іо́аннъ Дамаскі́нъ теплѣ Кѣры поборѣтель,
Пастырь словесны́ овце́въ, вѣдны́ оутѣшитель

а внизу изображенія приведенъ тропарь въ честь святителя, начинающійся словами: Пѣснопи́сца ѿ у́стнаго бѣговѣ́ателя, цр́ковнаго наказѣ́теля, ѿ оутѣ́теля, ѿ вразго́мъ сопроти́воборца Іо́анна воепо́мнъ и пр. У ногъ св. Іоанна Дамаскина замѣчаются кромѣ того кирилловскія числа, чередующіяся слѣдующимъ образомъ:
а́. х́. м́. ѿ. ѣ́з. а́. ќ.

Л. II^{а-в}: Предисловіе типографа къ читателю, озаглавленное:
ПРАВОСЛАВНОМУЪ И ЛЮБОВНОМУЪ ЧИТАТЕЛЮ.
Благловѣ́ніа, спѣ́ніа, здра́віа ѿ многоде́нствіа ѿ Кѣ́шнаго Десни́ци. Тупогра́фъ оу́сѣрдне желаетъ. Начало: Тако́вое оу́строѣ́ніе имѣ́аше Ску́ніа Вѣ́хаго За́вѣта, Унѣ́телю бл҃гѣ́и: ꙗ́ко не то́кмо свѣ́тлыи мно́зи свѣ́чїа ми́ исполни́тъ бѣ́ тамо и пр. Конецъ: Но по́нѣже сѣ́а Трѣ́одѣ цѣ́кнѣла за ѿсвѣ́щеніемъ е́и. Бл҃года́тію Же́ннѣа Х́а, ѿ Млѣ́ткѣми пребл҃гословѣ́ныа Влѣ́ци на́шеа Кѣ́ла, ѿ всѣ́хъ Прѣ́бны ѿцѣ́ на́ши, Бл҃гословѣ́ніемъ же к' Кѣ́з зѣ́шлого стѣ́и Па́мѣти, Бл҃голю́бѣаго Ё́пкѣа Авѣ́кского, Йо́диасѣ́а Же́лѣбо́рского, з' Тупогра́фѣи моѣ́и ѿзда́на бѣ́ Ктѣ́рое, Бл҃года́реніе ꙗ́ко перстъ Созда́телю во́снѣлаю, ѿже бл҃гоизво́ли нах́ати ѿ совер́шити, ѿ на́хъ на ли́цѣ землѣ́, ѿ покѣ́ргъ себѣ́ прѣ́ е́го Вели́чествѣ́ съ оу́мнѣ́ніе ѿ сле́зѣми, мо́ла ѿне́го грѣ́хѣ́ прѣ́жде прощѣ́ніа, та́же ѿ ѿпогрѣ́шеніи к' Кни́зѣ сей. п́зради́те же да преосѣ́р: Мнѣ́рополи́та ѿ Ё́пкопѣ́о Пракосла́вны, здра́вы долголе́тны, стѣ́и своѣ́и Цр́кви да́рѣтъ, ѿ на про́уеетъ си́чѣкое тѣ́рѣніе, ѣ́же не то́кмо Кни́ги Пра́вѣдны, но ѿ

ЖУИТЕНЬ, не то́кмо бесѣдована нѣе ѣже къ БГ҃у, но и ѣже БГ҃ и на бесѣдовати ѡбмые; къ свѣтѣ Т҃упо на слѣжез скою оустроѣ. Тебѣ же Уи́тателю бл҃гѣи молю, да простиши ми погрѣшенїа утѣше сію Б҃гѡдѣхновѣнїю Кни́гз; ѣже кіа к' ней ѡбращеши: Та́коже и поймаишиа ѡ миѣ ѡблѣнїѡ и грѣшном' Г҃ѣз БГ҃з: да ма и къ проуе дѣло оукрѣпїтъ, и здравїе дарѣтъ. Здравствѣи ѡ Г҃ѣ : Ксѣхъ бл҃гъ рауи́тель и ѡ Хр҃тѣ Брат'. Михайлъ Слѡзка.

Л. 1^a—441^b: Стихиры, пѣсни, чтенїа, молитвы, синаксары и прочїа матерїи, составляющїя Трїодь цвѣтную. Начало: **БГ҃ ПАТО ШЕСТЫИ НАИ СТО ВЕЛИКОГО ПОСТА. НА ВЕЧЕРНИ**, Каѡ: Къ Г҃ѣз ѡнегда скорбѣх' и пр.

Л. 442^a: Два слѣдующїа другъ за другомъ послѣсловїа типографа. Первое изъ этихъ послѣсловїи озаглавлено: **СЛОВО КЪ ЧИТАТЕЛЕМЪ** и выражено дословно такъ: КѢзмовѣннѡ ѡ Хѣ Братїе, и уѣстннѡ Господїе. Проуи́татюи́и сію Кни́гз, ѣже у́то ѡбращете поползновѣно ѣли ве́мѣстнѡ быти, БГ҃а ра́ди мо́лимъ покрѣпѣи́и прѡстїю и испрѣвите, ѣкоже васъ оумѣдри́и стѣи́и Параклїтъ. Насъ же потрѣдїкши́хсѧ к' дѣлѣ семъ дїшесїи́и стѣи́и бѣл҃гѣнїа сподобїтѣсѧ ѡ Вседержителя БГ҃а, ѣго́же поспѣшествомъ и сіа Кни́га Па́гаса и съверши́хсѧ: ѣмѣ́же у́тъ сла́ва и держа́ва, къ безконѣу́ннѡ вѣки вѣкомъ, **ѢМИНЪ**. Второе послѣсловїе, сообщающее о времени напечатанїа и другихъ обстоятельствахъ книги, выражено слѣдующими словами: Напеу́атана бы́сть сіа Кни́га, глѣ́маа ТР҃ИОДЪ ЦЕВТНѢА, при Державѣ Коро́лѧ ѣго́ МѢти Іѡ́ѢннѢ ВѢЗІМѢРѢ: за Бл҃гѣнїемъ же Стѣи́и́хъ Па́трїѧрховѣ, и Преѡсѣ́еннѡхъ Ѣрхїе́пкоповѣ: К' Б҃госпасѣ́и́емъ Гра́дѣ ЛВОВѢ. к' Тѣпографїи, Михай́ла Слѡзкѣ. Кторѡе ѣздѣ́сѧ. к' Мѣто ѡ Създанїа мїра, зрѡд. Ѣ ѡ Вѣпло́щенїа БГ҃а Слѡ́ва, дхѣ́з. Мѣа. Дека́врїа, ѡі, днѧ : Это второе послѣсловїе важно въ особеннѡсти потому, что подтверждаетъ въ свою очередь еще разъ то, о чемъ было уже въ предисловіи упомянуто, а именно, что Трїодь цвѣтная 1666-го года была вторымъ той же книги въ той же типографїи изданїемъ. Что же касается до перваго ея у Михай́ла Слѡзкѣ изданїа, то это изданїе появилось въ 1642-мъ

году. Ср. Каратаева Описание славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами I, стр. 495, н-ръ 538.

Въ библиографическомъ, а отчасти и въ культурно-историческомъ отношеніи важны въ этой книгѣ впрочемъ еще и нѣкоторыя находящіяся въ ней изображенія, въ числѣ ихъ слѣдующія: 1) на листѣ 14^a воскресеніе Лазаря съ годомъ 1662-мъ внизу; 2) на листѣ 20^a вѣздъ Иисуса Христа въ Іерусалимъ съ буквами латинскими I и G, означающими безъ сомнѣнія имя и фамилію гравёра, Іоанна Глинскаго; 3) на л. 36^a Іосифъ, бѣгущій отъ Путифары; 4) на л. 48^b пять дѣвицъ мудрыхъ, входящихъ въ чертогъ славы, и пять дѣвицъ буйхъ, стучащихся напрасно въ затворенную дверь чертога, съ буквами латинскими I и G внизу, слѣва; 5) на л. 57^b блудница, помазующая ноги Иисусу въ домѣ Симона прокаженнаго, съ слѣдующею припискою внизу изображенія: *Іоанъ Глинскій 1667 18 februа*; 6) на л. 98^a распятіе Христово, рѣзанное какимъ то Иліею 1632-го года, какъ это заключать можно изъ слова *Иліа* помѣщеннаго внизу, направо отъ креста, и скорописныхъ буквъ *ахѣк*, помѣщенныхъ тамъ же, налѣво отъ креста; 7) на л. 116^a тоже распятіе съ тѣми же подробностями, что и предыдущее; 8) на л. 338^a Вознесеніе Христово съ буквами *ЗВѠ* внизу, слѣва; 9) на л. 387^a Сошествіе св. Духа, совмѣщающее и Матерь Божию, сѣдящую на престолѣ среди раздѣленныхъ на двѣ группы апостоловъ.

Къ числу изображеній, достойныхъ вниманія, принадлежатъ впрочемъ и нѣкоторыя находящіяся въ книгѣ заставки, а именно:

1) Заставка на листѣ 1^a и такая же на л. 418^a. Эта заставка изображаетъ преподобныхъ Антонія и Θεодосія печерскихъ, держащихъ церковь. Вверху ихъ главъ видна Матерь Божія съ воздѣтыми вверхъ руками и съ младенцемъ Иисусомъ въ складахъ ея одежды. Въ верхнихъ углахъ заставки, но только той, что на л. 418^a, замѣчается кромѣ того по красному кресту.

2) Заставка на л. 29^a. Эта заставка изображаетъ ликъ ангеловъ, съ архангелами Гавріиломъ, Михаиломъ и Рафаиломъ во

главѣ. Упомянутые архангелы снабжены щитами, а щиты ихъ греческою буквою Σ съ титлою надъ нею. Внизу выгравированы буквы **К Θ**, но въ обратномъ направленіи, а затѣмъ такъ: **Θ Я**,

3) Заставка на л. 70^a. Эта заставка изображаетъ тайную вечерю и снабжена внизу буквами **К Θ Z** (послѣдняя буква латинская) и числами $\overline{x} \overline{m}$. Я полагаю, что буквы **К Θ Z** означаютъ имя и фамилію гравера, а числа $\overline{x} \overline{m}$ годъ составленія гравюры съ опущеніемъ, конечно, числа *д*, какъ такого, которое въ данномъ случаѣ разумѣется само собою.

4) Заставка на л. 88^a и такая же заставка на листахъ 119^b, 123^a, 224^a и 256^a. Эта заставка изображаетъ распятіе Христово съ стоящими возлѣ креста Матерью Божіею и св. Іоанномъ. Внизу, при находящейся у ногъ креста мертвой головѣ, помѣщены буквы **К Θ**.

5) Заставка на л. 140^a и такая же на л. 170^a. Эта заставка раздѣлена на три поля и содержитъ въ среднемъ полѣ Воскресеніе Христово, по латинскому способу представленія; въ полѣ, налѣво отъ зрителя, распятіе Христово; въ полѣ, на право отъ зрителя, сложеніе въ гробъ Христово. Внизу середняго поля, слѣва, вырѣзаны, кромѣ того, молотокъ и замокъ; справа, имя гравера, которое гласитъ: *Iana*.

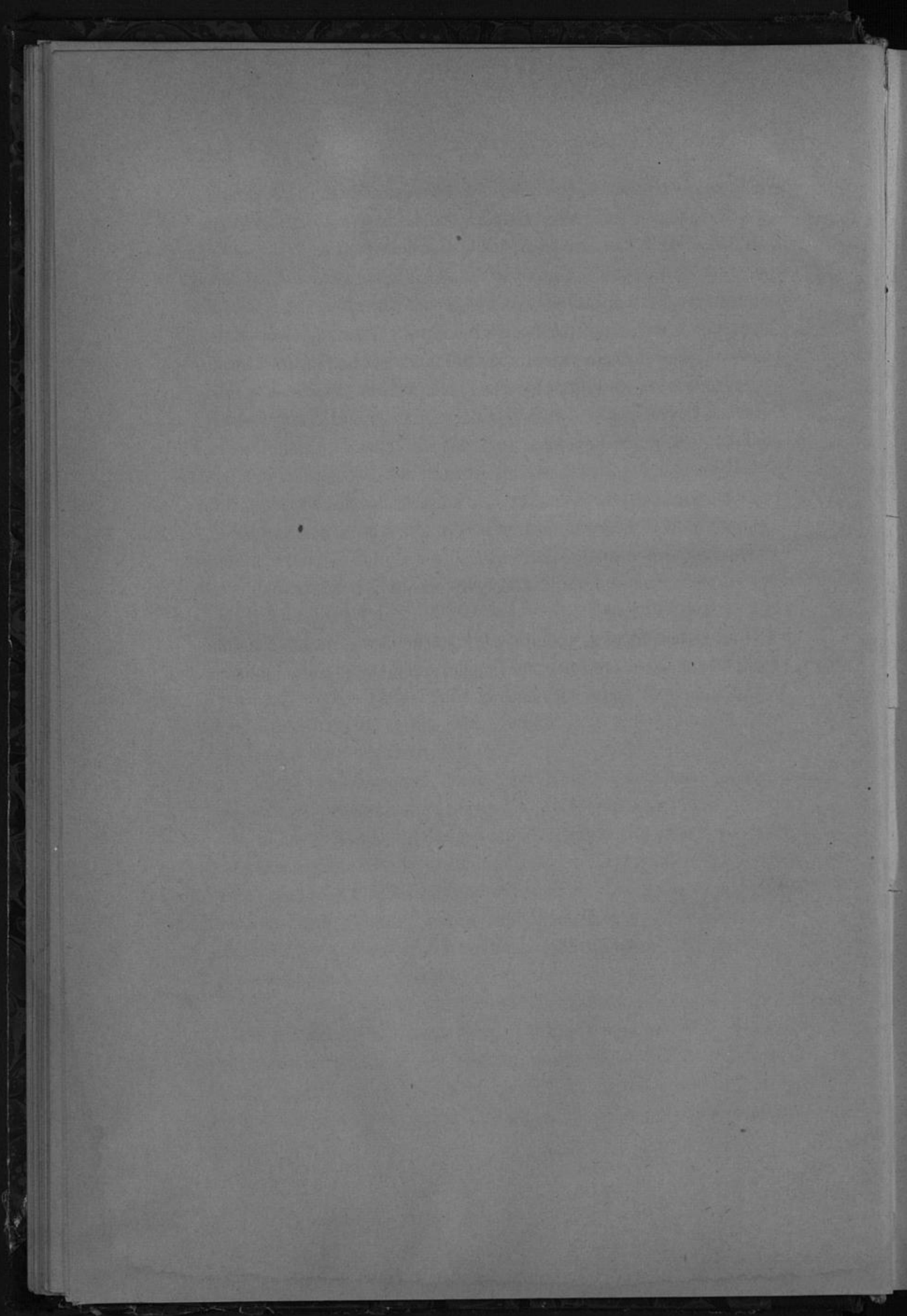
Какъ любопытный библиографическій признакъ, важный именно при опредѣленіи неполныхъ экземпляровъ тріоди цвѣтной отъ 1666-го года, я позволю себѣ отмѣтить впрочемъ и то еще обстоятельство, что на крайнемъ полѣ л. 204^a того изданія противу стиха: **Въ беззаконїихъ зачатъ ѣсмь азъ владный и пр.**, и также противу стиха: **Стрїїа похвалою, ѡ вниѣуною поустїю и пр.** сдѣлано замѣчаніе: **Тѣ стїхѣ к' ѣлїйско нїст', ѡбїауе оупотрєбленїа рїдн ѡстївїхѣ ѡ.**

Описанный экземпляръ находится, начиная съ самаго 1669-го года, въ обладаніи церкви села Святковой въ Галиціи, какъ свидѣтельствуешь объ этомъ запись, помѣщенная на нижнихъ поляхъ листовъ 1^b—21^b и рассказывающая дословно, что слѣдуетъ: **Рокоў ѡ народженїа Хѣл ѡ. ѡ. ѡ. ѡ. сню книгоў, глаголемою**

триодѣ цѣтныою, коупіи раба божіи Стефанъ Корнѣйко изъ жонь-
кою своею Фенькою за телѣное здоровіе свое и за спасеніе доу-
шѣное, то есть за злотыхъ лѣ. и вѣ. (другою рукою и другими чер-
нилами: оу Иѡанна Шайдаковнѣ Воробницкого). А кто сию книгоу
боудеть унѣтати, повинень гѣпода бѣ просити за раба бѣго книжнѣ
Стефана и за рабоу божію Фенькоу и за родителю ихъ. И далъ
ен до церкки Святковскѣ до храмоу сѣго архистратига Михаила
вѣтуннымъ уасн. А кто би са кажѣ сию книгоу ѡ церккѣ Святъ-
ковскѣ ѡтдалити... (слѣдуетъ обычная формула проклинанія).
Упомянутое въ этой записи достоинство «князя» должно принять
не въ обычномъ, а въ томъ значеніи, какое оно имѣло въ селахъ
прикарпатскихъ, основанныхъ на такъ называемомъ волоскомъ
правѣ. Ср. объ этомъ предметѣ между прочимъ данныя, сообщен-
ныя мною въ статьѣ Миклошича, Ueber die Wanderungen der
Rumunen in den dalmatinischen Alpen und den Karpathen, Wien
1879, стр. 39 слѣд.

Кстати прибавлю еще, что возможностью пользоваться опи-
санныю книгою я обязанъ настоящему приходскому священнику
Святковой, о. Іосифу Юрчакевичу.

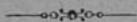

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
ТОМЪ XLVI, № 1.

Пров. 50

ЧЕТВЕРТОЕ ПРИСУЖДЕНІЕ
ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лпн., № 12.
1888.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Октябрь 1888 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Вессловскій*.

ОТЧЕТЪ

0

ЧЕТВЕРТОМЪ ПРИСУЖДЕНІИ ПУШКИНСКИХЪ ПРЕМІЙ въ 1888 году

(Читанный въ публичномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 19-го октября предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи русскаго языка и словесности, ординарнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ.)

Въ нынѣшнемъ году, по соисканію пушкинскихъ премій подлежали оцѣнкѣ: два труда въ прозѣ, два сборника стихотвореній и два стихотворные перевода поэтическихъ произведеній.

На основаніи правилъ о названныхъ преміяхъ, къ участію въ разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ трудовъ приглашены были Отдѣленіемъ русскаго языка и словесности три постороннихъ литератора, именно: профессоръ Казанскаго университета Н. Н. Буличъ, приватъ-доцентъ Московскаго университета Алексѣй Н. Веселовскій и извѣстный нашъ критикъ Н. Н. Страховъ.

По полученіи въ назначенный срокъ ожидавшихся рецензій образована была, согласно съ правилами, комиссія, состоявшая, сверхъ четырехъ членовъ Отдѣленія, изъ слѣдующихъ лицъ: К. Н. Бестужева, А. Д. Галахова, графа А. А. Голенищева-Кутузова и Д. В. Григоровича.

По прочтеніи доставленныхъ гг. рецензентами разборовъ и устномъ обсужденіи подлежавшихъ оцѣнкѣ трудовъ, произведена была закрытая баллотировка, давшая слѣдующіе результаты: трудъ Л. Н. Майкова по изданію сочиненій Батюшкова удостоенъ единогласно *полной преміи въ 1000 р.*; сотруднику г. Майкова по составленію примѣчаній въ этомъ изданіи В. И. Саитову присуждена *поощрительная премія въ 300 р.*; автору рассказовъ, изданныхъ подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», А. П. Чехову *половинная премія въ 500 р.*, и наконецъ переводчикъ Мольерова Тартюфа В. С. Лихачевъ признанъ заслуживающимъ *почетнаго отзыва*.

Послужившіе основаніемъ для рѣшеній комиссіи рецензіи, читанныя въ извлеченіяхъ въ публичномъ засѣданіи 19-го октября, помѣщаются здѣсь въ полномъ видѣ.

I.

Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданныя П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Тома I—III. Спб. 1887. (Разборъ Н. Н. Булича).

Въ маѣ мѣсяцѣ прошлаго 1887 года, ко дню столѣтняго воспоминанія рожденія Батюшкова, этого симпатичнаго поэта—предшественника Пушкина, появилось такое изданіе его сочинсній, какое по всей справедливости можетъ быть названо лучшимъ памятникомъ его творческой дѣятельности. Три тома въ почтенныхъ и широкихъ размѣрахъ столь извѣстнаго академическаго изданія Державина, обставленные доступно только столицѣ типографскою роскошью, на прекрасной бумагѣ, украшенные портретами поэта и нѣкоторыми рисунками, имѣющими отношеніе къ его личности и къ его произведеніямъ (Спб. 1885—1887), даютъ читателю всѣ произведенія, какія только сохранились въ настоящее время отъ рано погибшаго поэта, все

что удалось собрать до сихъ поръ остававшегося неизвѣстнымъ изъ имъ написаннаго и наконецъ все, что только можетъ служить къ объясненію какъ мало извѣстной до сихъ поръ личности поэта, такъ и его произведеній. Если это монументальное изданіе есть «дань признательности къ дорогой памяти брата», по выраженію издателя, то нельзя не порадоваться, что такая высокая, благородная родственная pietas нашла выраженіе въ дѣлѣ столь близкомъ и дорогомъ для всякаго образованнаго русскаго чело-вѣка, какъ исторія нашей родной словесности. Нельзя не порадоваться глубоко, что это родственное чувство умѣло воспользо-ваться, для сооруженія прекраснаго памятника признательности, такими достойными научными силами, которыя сумѣли выпол-нить дѣло изданія такъ, что едва ли можно сдѣлать имъ хотя самый незначительный упрекъ, если не раздѣлять мнѣнія, ука-зывающія на чрезмѣрную роскошь комментарія и на сообщеніе въ печати *всѣхъ*, какія только возможно было собрать, писемъ Батюшкова. Мы не раздѣляемъ такихъ мнѣній, особенно по отношенію къ письмамъ: они даютъ возможность наблюдателю со стороны услѣдить совершенно неуловимыя прежде черты ха-рактера поэта и подмѣтить особенности его духовнаго міра, ускользавшія отъ вниманія. «Изданіе сочиненій Батюшкова содержитъ въ себѣ *по возможности полное собраніе его произве-деній*» (предисловіе издателя), и слова эти надобно понимать та-кимъ образомъ, что въ него вошло все то, что только возможно было собрать изъ этихъ произведеній при внимательномъ и упор-номъ трудѣ редакторовъ. Не попали въ собраніе сочиненій Ба-тюшкова исключительно только такія, которыя никогда не были напечатаны (на нихъ существуютъ только указанія—I, XVIII—и можетъ быть со временемъ они будутъ найдены), или такія, ко-торыя уже погибли вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій жизни поэта (I, XVII). По крайней мѣрѣ въ изданіи нѣтъ ни малѣй-шаго намека на то, что остались еще въ рукописи такія произ-веденія Батюшкова, которыя не могутъ быть напечатаны по тѣмъ или инымъ соображеніямъ. Сравнивая это послѣднее изда-

ніе съ предшествовавшими (1834 и 1850 годовъ), мы находимъ въ немъ 25 стихотвореній, не помѣщенныхъ прежде; изъ нихъ 18 перепечатаны изъ разныхъ періодическихъ изданій и сборниковъ и были извѣстны только лицамъ, специально изучавшимъ Батюшкова; семь стихотвореній напечатаны въ первый разъ по вновь открытымъ рукописямъ. Изъ прозаическихъ статей помѣщены въ новомъ собраніи 10 произведеній, большею частью перепечатанныхъ и первоначальная редакція одного, печатаннаго и прежде. Самымъ важнымъ приобрѣтеніемъ для всесторонняго изученія Батюшкова, какъ человѣка и писателя, въ этомъ изданіи является собраніе въ одинъ очень большой томъ всѣхъ писемъ его; изъ нихъ цѣлая половина является въ первый разъ и даетъ, особенно письма къ сестрѣ поэта Александрѣ Николаевнѣ, совершенно новый матеріалъ для изученія Батюшкова. Множество тщательно собранныхъ варіантовъ къ первоначальному печатному тексту, представляютъ возможность изслѣдователю слѣдить за измѣняющимся вмѣстѣ съ временемъ настроеніемъ поэта, за развитіемъ его творчества въ малѣйшихъ подробностяхъ. Такова внѣшняя сторона этого замѣчательнаго изданія.

Если съ этой внѣшней стороны издатель и редакторъ сдѣлали все то, что только возможно было сдѣлать, то и для внутренней исторіи самаго поэта, для его характеристики, для полного изученія его творческой дѣятельности въ связи съ историческимъ содержаніемъ времени, для опредѣленія мѣста Батюшкова, какъ выдающагося поэта въ общемъ развитіи русской литературы, настоящее собраніе сочиненій Батюшкова не оставляетъ желать ничего лучшаго. Это изданіе смѣло можно поставить рядомъ съ академическимъ изданіемъ Державина, которое, повидимому и послужило ему образцомъ. Нельзя не пожалѣть только, что между этими двумя изданіями легъ промежутокъ времени почти въ четверть вѣка и что въ русскомъ обществѣ такъ рѣдко встрѣчаются осязательныя доказательства той родственной сердечной памяти, которая была поводомъ и

причиною въ настоящее время важнаго явленія въ русской словесности.

Главный и самый существенный трудъ, употребленный на это изданіе, принадлежитъ редактору его Л. Н. Майкову. На этотъ трудъ, сколько мы можемъ судить по словамъ предисловія издателя и по означенію годовъ печатанія на заглавныхъ листахъ всѣхъ трехъ томовъ, посвящено было имъ отъ трехъ до четырехъ лѣтъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что многоуважаемый редакторъ изданія, столь извѣстный и столь опытный литераторъ, взявшійся, кромѣ того, за трудъ съ полнымъ увлеченіемъ и любовью, снабженный всевозможными пособіями и источниками, которыми такъ богатъ Петербургъ и Императорская Публичная бібліотека, долженъ былъ выполнить его достойнымъ образомъ, и дѣйствительно мы получили отъ него полнаго Батюшкова, притомъ до такой степени уясненнаго богатыми комментаріями, что дѣятельность поэта, ея содержаніе и ея значеніе едва ли когда либо потребуютъ новыхъ дополненій. Самымъ главнымъ вкладомъ въ это изданіе является большая вводная статья г. Майкова (I, 1 — 316) «О жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова». Въ ней, въ изящномъ изложеніи, рассказана весьма подробно несчастная судьба русскаго поэта, все его внутреннее развитіе, его отношенія къ событіямъ и людямъ эпохи и опредѣляется въ заключеніе мѣсто и значеніе Батюшкова въ исторіи нашего литературнаго развитія. Позволяемъ себѣ остановиться нѣсколько подробнѣе на этой капитальной статьѣ.

Сколько-нибудь замѣтный писатель, будь онъ прозаикъ или поэтъ, но если онъ только заслужилъ сочувствіе современниковъ и память въ потомствѣ, является, мы глубоко убѣждены въ томъ, ничѣмъ инымъ, какъ только памятникомъ времени. Неумолимо оставляетъ оно на немъ свой могучій слѣдъ, онъ неразрывно связанъ съ временемъ, какъ растеніе съ условіями почвы и климата; онъ въ состояніи дать читателю только то, что онъ самъ получилъ отъ времени. Конечно появленіе таланта и внутреннія условія творчества составляютъ необъяснимую тайну, но

мы не можемъ отказаться отъ убѣжденія, что даже интенсивность и сила этого таланта зависать отъ времени и его обстоятельствъ, посреди которыхъ онъ развивается. Думаемъ, что этой мысли не станетъ противорѣчить и самъ уважаемый редакторъ сочиненій Батюшкова. «Нравственное значеніе этихъ войнъ (12-го г. и въ Европѣ) для русскаго общества, говоритъ онъ (1—4), смутное разумѣніе національныхъ задачъ, имъ предшествовавшее, и въ связи съ нимъ *неопредѣленный характеръ нашего просвѣщенія* въ первые годы текущаго столѣтія, а затѣмъ, послѣ торжества надъ Наполеономъ, *крупные успѣхи національнаго сознанія*, и вслѣдъ за ними *народженіе новыхъ существеннѣйшихъ вопросовъ въ нашей внутренней жизни*, — находятъ себѣ замѣтное отраженіе въ развитіи образа мыслей Батюшкова». Л. Н. Майковъ дѣлаетъ общее опредѣленіе дѣятельности Батюшкова. По его словамъ «это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и характерныхъ представителей своего времени въ нашемъ отечествѣ». Повидимому эти слова, опредѣляющія историко-литературное значеніе Батюшкова, должны относиться ко второй половинѣ его слишкомъ кратковременной сознательной жизни, къ годамъ послѣ европейскихъ походовъ, ко времени послѣ 1815 года, когда дѣйствительно поэтический талантъ Батюшкова, на короткое время, лѣтъ на пять или шесть, значительно окрѣпъ. Но едва ли, какъ писатель, онъ можетъ служить типическимъ представителемъ духовныхъ стремленій и общественныхъ ожиданій этой замѣчательной эпохи русской жизни, начало которой совпадаетъ съ возвращеніемъ нашей побѣдоносной арміи изъ Европы въ 1815 году, а конецъ съ окончательнымъ развитіемъ психической болѣзни несчастнаго писателя. Г. Майковъ совершенно вѣрно говоритъ о Батюшковѣ, что онъ «всею болѣе любилъ созерцательную жизнь», что онъ не искалъ практическаго дѣла, но мы не можемъ согласиться съ нимъ, что эта созерцательная жизнь «по преимуществу питаетъ творчество». Последнее должно питаться жизнью и временемъ, сочувственнымъ, живымъ отношеніемъ къ нимъ, наблюденіемъ надъ ними, внутреннимъ разви-

тіемъ самого писателя, его образованіемъ: чѣмъ шире послѣднее, тѣмъ шире горизонты его наблюденій, тѣмъ больше явленій захватываетъ онъ. Для Батюшкова выше всего былъ міръ мечты, а не дѣйствительности. Его поэтическая дѣятельность начинается стихотвореніемъ «Мечта» (I, 1—4), написаннымъ имъ, когда ему было шестнадцать лѣтъ. Онъ убѣжденъ, что мы «стократъ счастливы мечтаньемъ скоротечнымъ». Дары мечты для него дороже свѣта, дороже славы; поэтъ считаетъ свою хижину дворцомъ и счастливъ: «онъ мечтаетъ». Конечно это представленіе о мечтѣ выражаетъ юношу, но годы идутъ, а Батюшковъ остается неизмѣняемымъ:

«Что въ истинѣ пустой? Она лишь умъ сушитъ,
Мечта все въ мірѣ золотитъ,
И отъ печали злыя

Мечта намъ щитъ» (I, 26) — повторяетъ онъ чрезъ нѣсколько лѣтъ. «А дни мечтой позолотимъ» говоритъ онъ Гнѣдичу въ 1809 году (I, 67). «Мечты» для Батюшкова — верхъ счастья; правда для него несносна: ея свѣтъ заставляетъ разстаться съ мечтой (I, 29); мечты устилаютъ ему цвѣтами мрачный путь жизни (I, 87). Замѣчательно, что въ годы наибольшей зрѣлости своего таланта, именно въ 1817 году, Батюшковъ снова передѣлываетъ и распространяетъ свое первоначальное стихотвореніе «Мечта». Эгогъ «неба даръ благой», эта «волшебница», эта «посланица небесъ» составляетъ все его счастье (I, 263—269).

Изучая внимательно обширную и прекрасную біографію Батюшкова, мы невольно приходимъ къ убѣжденію, что случайный даръ поэзіи, выпавшій ему на долю, не могъ пойти иною дорогою, что не откуда было ему взять содержанія для своего поэтического творчества, пробудившагося въ немъ рано подъ вліяніемъ разныхъ обстоятельствъ. Не думаемъ, чтобъ въ дворянской семьѣ Батюшковыхъ даже въ первой половинѣ прошедшаго вѣка существовали «книжные интересы», какъ это доказываетъ біографъ тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣды поэта

воспитывались въ шляхетномъ сухопутномъ корпусѣ (I, 6). Со временъ Петра В. необходимо было учиться дворянину — для службы. Если можетъ-быть отецъ и является «большимъ любителемъ французской литературы и почитателемъ философіи XVIII вѣка», то онъ, какъ это видно изъ изданія, не имѣлъ вовсе вліянія на внутреннее развитіе сына. Съ десятилѣтняго возраста Батюшковъ уже учился въ иностранномъ пансіонѣ въ Петербургѣ. Четырнадцать лѣтъ Батюшковъ уже видитъ напечатаннымъ свой первый переводный литературный опытъ и съ тѣхъ поръ не перестаетъ писать. О содержаніи свѣдѣній, пріобрѣтенныхъ поэтомъ въ пансіонахъ, кромѣ знанія нѣкоторыхъ европейскихъ языковъ, біографъ не говоритъ. Свѣдѣнія эти были незначительны. Кругъ чтенія Батюшкова, по его словамъ, «былъ очень не великъ», а между тѣмъ все образованіе того времени давалось исключительно чтеніемъ. Поэтому вполне вѣрно подробно развитое въ біографіи Батюшкова указаніе Л. Н. Майкова, что всѣмъ своимъ умственнымъ образованіемъ, содержаніемъ и направленіемъ поэтической дѣятельности, внутреннею работою надъ самимъ собою и «установленіемъ нравственнаго идеала» поэтъ обязанъ былъ родственнику его отца М. Н. Муравьеву, сочиненія котораго и были изданы имъ. Съ пятнадцатилѣтняго возраста въ теченіе пяти лѣтъ Батюшковъ пользуется благотворнымъ вліяніемъ Муравьева, человека, «котораго память будетъ мнѣ драгоцѣнна до позднихъ дней жизни и украситъ ихъ горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспоминаніемъ протекшаго» (II, 86), какъ онъ самъ говоритъ о немъ. Батюшковъ сознается въ другомъ мѣстѣ, что «онъ обязанъ ему всѣмъ» (III, 305). По прекрасному выраженію біографа Батюшкова — Муравьевъ, бывшій воспитанникъ Московскаго университета, «былъ для Батюшкова своего рода университетомъ» (I, 18). Черезъ Муравьева доходили до него широкія вѣянія университета, нѣкоторое знакомство съ классическою латинскою литературою, очень важное въ томъ отношеніи, что способствовало развитію формы стиха и красотѣ выраженія и наконецъ, любовь къ нѣкоторымъ

поэтамъ итальянскаго возрожденія, знакомство съ которыми составляетъ оригинальную черту поэтической дѣятельности Батюшкова. Муравьевъ былъ конечно дилеттантъ въ литературѣ; сочиненія его, состоятъ большею частію изъ мелкихъ статей чрезвычайно общаго содержанія; въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, но они даютъ намъ достаточное представленіе о той общей гуманитарной школѣ идей, въ которой воспитывался молодой поэтъ. Въ этихъ статьяхъ не было ничего рѣзкаго, ничего опредѣленнаго; Муравьевъ не былъ послѣдователемъ ни Руссо, ни Вольтера; онъ воспитался почти въ той же литературной школѣ, что и Карамзинъ, хотя былъ старше его шестью годами. Намъ кажется, что сочиненія Батюшкова, особенно прозаическія, не принимая въ расчетъ силу таланта, являются какъ бы продолженіемъ литературной дѣятельности М. Муравьева.

Въ ту пору, когда началась поэтическая дѣятельность Батюшкова, общество, съ воцареніемъ Императора Александра I, нѣсколько оживилось; въ немъ стало замѣчаться нѣкоторое движеніе; появилось нѣсколько журналовъ, до издателей которыхъ доходили слухи о различныхъ реформахъ, предпринимаемыхъ правительствомъ, хотя реформы эти обсуждались гдѣ-то очень далеко, въ самомъ интимномъ кругу, посреди людей, близкихъ къ государю. Основывались университеты въ провинціальныхъ городахъ, но профессорами въ нихъ являлись почти исключительно иностранцы; свои ученые были крайне рѣдки, да и тѣ были весьма мало подготовлены для профессорской дѣятельности. Жизнь и отраженіе ея, литература — были вполне ничтожны. Отношенія ихъ другъ къ другу почти неуловимы и особеннаго оживленія литературы мы не замѣчаемъ. Въ ней еще въ полной силѣ господствовали преданія XVIII вѣка. Новостью въ ея области была развѣ только та «легкая поэзія», о которой Батюшковъ написалъ въ послѣдствіи времени особенную статью. Въ біографіи поэта Л. Н. Майковъ прекрасно объяснилъ возможность появленія этого новаго поэтическаго рода, возникшаго подъ влія-

ніемъ развитія общественной жизни, участія женщинъ и того сентиментализма, который переходилъ къ намъ все же съ европейскаго Запада. Этому роду поэтической дѣятельности Батюшковъ оставался вѣренъ все время, пока писалъ стихи, но онъ выражалъ въ нихъ только самого себя, свое внутреннее настроеніе, а никакъ не общую жизнь. Современность отражается въ нихъ чрезвычайно рѣдко. При этомъ рецензентъ выставляетъ весьма характерное на его взглядъ явленіе, свидѣтельствующее съ своей стороны о ничтожности внутренняго содержанія поэзіи Батюшкова, о пустотѣ тогдашней жизни, что даже его интимныя стихотворенія, которыя должны бы были выражать собственный внутренній міръ поэта, почти всѣ написаны на чужія темы. Батюшковъ беретъ чужое стихотвореніе, изъ римскихъ классиковъ, напр. Горація или Тибулла, изъ французовъ Вольтера, Парни, Грессе или Мильвуа, изъ итальянцевъ—Петрарки, Касты, и передѣлываетъ ихъ по-своему, такъ что многія его стихотворенія суть не что иное, какъ только *вольные переводы* — терминъ весьма хорошо извѣстный въ нашей литературѣ. Надобно удивляться тому внимательному кропотливому труду, съ какимъ біографъ и редакторъ сочиненій Батюшкова слѣдилъ за такими подражательными стихотвореніями его. Укажемъ для примѣра его разборъ III Тибулловой элегіи, передѣланной Батюшковымъ и примѣненной имъ къ обстоятельствамъ собственной жизни (I, 324—325), сравненіе перевода пьесы LIII изъ антологіи съ переложеніемъ Вольтера и греческимъ подлинникомъ (I, 340), стихотвореній «Радость», «Счастливецъ», взятыхъ изъ Касты (I, 343, 344), или «Мои Пенаты», заимствованнаго изъ французскаго поэта Дюси (I, 351—352) и проч. Цѣлью изслѣдователя было показать какіе самостоятельные мотивы прибавилъ Батюшковъ къ чужимъ, заимствованнымъ темамъ.

Въ тѣ годы, когда очень еще молодой Батюшковъ, начавшій служебную дѣятельность подъ начальствомъ своего дяди М. Н. Муравьева, находился подъ его исключительнымъ ум-

ственнымъ вліяніемъ, онъ былъ и членомъ основаннаго въ 1801 году «Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ». Членами его были нѣсколько молодыхъ, начинающихъ петербургскихъ литераторовъ, не очень выдающихся по своимъ талантамъ литературнымъ, но безъ сомнѣнія дышавшихъ уже тѣмъ болѣе свободнымъ для груди воздухомъ, которымъ повѣяло въ русской жизни въ первые годы нашего вѣка, съ воцареніемъ Александра I. Л. Н. Майковъ дѣлаетъ обзоръ дѣятельности этого общества и представляетъ вѣрное о ней сужденіе (I, 37—43), находя по всей справедливости, что въ этомъ обществѣ воспиталась та любовь къ Карамзину, къ новому направленію литературы, имъ указанному, къ реформѣ слога и языка, которая вооружила почти всѣхъ членовъ Вольнаго общества, а вслѣдъ за ними и Батюшкова, на борьбу съ партіей «старого слога» или «Бесѣдою» съ Шишковымъ во главѣ.

Вполнѣ вѣрно біографъ въ скромной дѣятельности Вольнаго общества, рядомъ съ оттѣнкомъ или струею собственно литературной, видитъ и струю, какъ онъ выражается, «соціально-политическую». Но струя эта была такъ ничтожна, что могла течь только капля по каплѣ: «Члены читали въ своихъ собраніяхъ, говоритъ онъ, переводы изъ Беккаріи, Филанджіери, Мабли, Рейналя, Вольнея и другихъ свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII вѣка, а иногда и свои собственныя статьи на такія темы: о вліяніи просвѣщенія на законы и правленія, о феодальномъ правѣ, о раздѣленіи властей человѣческаго тѣла и т. п. Все это было конечно весьма невинно, да и не могло появляться въ печати, а если и появлялось, то очень скоро задерживалось цензурою, какъ это и было съ книгою самаго дѣятельнаго и самаго привлекательнаго члена общества Пнина, несмотря на всю скромность ея содержанія. Любопытно, что въ стихотвореніи Батюшкова, написанномъ на смерть этого Пнина (1, 31—32) мы не нашли ни малѣйшаго намека на безспорно существовавшія гражданскія убѣжденія его. Со смертью Пнина въ 1805 году дѣятельность общества падаетъ, «соціально-поли-

тическая струя» перестаетъ капать и связи Батюшкова съ обществомъ постепенно прерываются.

Извѣстно, что въ обществѣ этомъ, между молодыми его членами, было распространено глубокое уваженіе къ Радищеву, прощенному императоромъ Александромъ и не только возвращенному изъ деревенской ссылки (изъ Сибири онъ возвращенъ былъ при Павлѣ), но даже занявшему довольно видное служебное положеніе въ Комиссіи составленія законовъ, что служило какъ бы нагляднымъ доказательствомъ нѣкотораго признанія со стороны власти тѣхъ идей его, за которыя онъ такъ жестоко пострадалъ при Екатеринѣ. Это отношеніе власти къ Радищеву и дало, кажется намъ, возможность членамъ общества, между которыми былъ и сынъ Радищева, выразить печатно свое сочувствіе этому писателю по поводу его трагической смерти и даже напечатать въ одномъ изъ тогдашнихъ журналовъ главу изъ его знаменитаго «Путешествія» (надобно замѣтить, что глава эта принадлежитъ къ самымъ невиннымъ во всей книгѣ и не даетъ никакого понятія о томъ, что составляло главное содержаніе сочиненія Радищева). Мы не станемъ спорить съ біографомъ, что Батюшковъ «до послѣднихъ лѣтъ своей литературной дѣятельности сохранялъ особый интересъ къ этому писателю»; очень можетъ быть, что съ своими литературными сверстниками, для которыхъ Радищевъ былъ окруженъ ореоломъ страданія, онъ и «раздѣлялъ уваженіе къ этому смѣлому представителю освободительныхъ идей XVIII вѣка въ русской литературѣ» (I, 42—43), но нѣтъ никакихъ данныхъ для увѣренности, что Батюшковъ когда-либо раздѣлялъ убѣжденія и взгляды Радищева до желанія практическаго ихъ осуществленія. Ни въ сочиненіяхъ его, ни въ письмахъ мы не найдемъ на это ни малѣйшаго указанія. Правда, князь Вяземскій (Соч. VII, 418) говоритъ, что Батюшковъ, «мало занимавшійся политическими вопросами», написалъ въ 1814 году прекрасное четверостишіе, обращенное къ императору, въ которомъ говорилъ, что его призваніе «довершить славу свою и обезсмертить свое царствованіе

освобожденіемъ русскаго народа». Самъ Вяземскій называетъ это четверостишіе «летучимъ вдохновеніемъ» Батюшкова; очевидно, онъ не придавалъ этому стихотворенію никакого значенія, а потому оно утратилось и не сохранилось въ памяти современниковъ. Идея освобожденія крѣпостныхъ, если только о ней шла рѣчь въ утраченномъ стихотвореніи, была дѣйствительно плодомъ освободительныхъ идей XVIII вѣка, пробивавшихъ застарѣлую кору и проникавшихъ въ нашу затвердѣлую почву, но ни изъ чего не слѣдуетъ, чтобъ поэтъ нашъ былъ воспитанъ этими идеями и сочувствовалъ имъ. Напротивъ, мы находимъ доказательства совершенно противоположнаго. Онъ не вѣрилъ въ идеи, въ силу человѣческаго разума. «Мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, говорилъ онъ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина» (II, 129). Разбирая въ письмѣ къ А. И. Тургеневу столь извѣстное посланіе Жуковскаго къ императору Александру, написанное въ 1814 г. (III, 302) Батюшковъ упрекаетъ Жуковскаго за то, что въ изображеніи историческихъ событій во Франціи со временъ революціи онъ не упомянулъ о главной причинѣ бѣдствій: «Какъ ни слова не сказать о *философахъ, которые приготовили зло!*» Къ этимъ философамъ глубокою ненавистью проникнуты были всѣ практическіе и теоретическіе дѣятели реакціи, начавшейся вслѣдъ за освободительными войнами. Насмѣшливо повторялъ ихъ крики нѣмецкій поэтъ Гейне: «An Allen ist Schuld Jean-Jacques Rousseau, Voltaire und die Guillotine». Нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ Батюшковъ думалъ или говорилъ иначе, но онъ вообще былъ далекъ отъ практической жизни и по неподготовленности къ ней и по никогда не покидавшему его эгоизму, и потому что ему дороже была мечта и поэзія, далекая отъ жизни. Наконецъ, сколько мы можемъ судить по подробнымъ объясненіямъ Л. Н. Майкова (I, 88—89), Батюшковъ былъ весьма поверхностно знакомъ даже съ главными по вліянію представителями освободительной философской мысли XVIII вѣка: Вольтеромъ и Руссо.

Такимъ образомъ мы не можемъ себѣ представить, чтобы поэтъ когда-либо думалъ серьезно объ освобожденіи крестьянъ, тѣмъ болѣе, что всѣ жизненные его ресурсы заключались именно въ крѣпостныхъ. Біографъ на деревенскихъ отношеніяхъ Батюшкова останавливается въ началѣ IV главы своего труда (I, 82—86). Изъ приведенныхъ имъ выписокъ изъ его словъ мы имѣемъ полное право вывести заключеніе о совершенно гуманнхъ отношеніяхъ поэта къ своимъ крестьянамъ. Ничего иного, при его мягкой, нѣжной натурѣ, воспитанной въ школѣ Муравьева, смотрѣвшаго на крѣпостныя отношенія какъ на несчастіе, и нельзя ожидать: Батюшковъ «не мудрилъ въ деревенскомъ хозяйствѣ, не отвлекалъ крестьянъ отъ тѣхъ занятій и промысловъ, на которые указывала имъ природа ихъ края, и напротивъ того, осуждалъ затѣи отца устраивать какой-то заводъ въ Даниловскомъ» — говоритъ Л. Н. Майковъ (1, 83). Но самая сила вещей была такова, что поэту приходилось путаться въ этихъ отношеніяхъ, почти непонятныхъ намъ теперь, людямъ другой исторической эпохи. Письма поэта къ старшей сестрѣ его, Александрѣ Николаевнѣ, даютъ намъ множество указаній, какъ печальны были эти отношенія. Невольно проникается читатель жалостью къ несчастному поэту, которому приходилось почти непосредственно переходить отъ поэтическихъ идеаловъ къ грязи такой дѣйствительности, съ какою теперь было бы невозможно помириться.

Въ 1807 году, когда поэту было уже 20 лѣтъ, а двѣ сестры были значительно старше его, отецъ вступилъ во второй бракъ, что было весьма непріятно дѣтямъ отъ перваго. Двумъ сестрамъ и брату пришлось существовать съ доходовъ имѣнія, составлявшаго материнское приданое и переселиться въ него, разставшись съ отцомъ. Всѣ хозяйственныя распоряженія и хлопоты тяжелымъ бременемъ легли на старшую сестру и переписка съ нею полна исключительно требованіемъ денегъ. Крестьяне были давно на оброкѣ. Эта болѣе легкая форма крѣпостныхъ отношеній возникла не по доброй волѣ помѣщика, а чисто изъ экономическихъ

соображеній: въ Вологодской губерніи барщина была бы невыгодна помѣщику. Онъ завелъ оброкъ не такъ, какъ герой поэтического романа Пушкина:

«Яремъ онъ барщины старинной
Оброкомъ легкимъ замѣнилъ»,

не изъ гуманности, а изъ выгоды. Имѣніе было давно заложено, какъ почти у всѣхъ помѣщиковъ и сроки уплаты процентовъ стояли всегда грознымъ призракомъ, и безъ сомнѣнія должны были смущать и эпикурейское наслажденіе жизнью и вдохновеніе творчества, когда оно посѣщало поэта, владѣющаго заложеннымъ въ ломбардъ и сохранную казну имѣніемъ. У Батюшкова былъ вѣчный недостатокъ денегъ. Съ самыхъ первыхъ, напечатанныхъ въ изданіи писемъ, мы читаемъ заботы его о деньгахъ. То Гнѣдичъ выкупаетъ на деньги, взятые у сестры, заложенные часы поэта (III, 6), то проситъ онъ самъ у сестры триста рублей, несмотря на тутъ же высказываемое имъ убѣжденіе: «вамъ деньги нужныѣ моего» (III, 20); въ слѣдующемъ году уже 500 рублей (III, 28). Особенно настоятельны просьбы о деньгахъ въ 1810 году, когда Батюшковъ жилъ въ Москвѣ и, обращаясь въ высшемъ свѣтѣ столицы и между московскими писателями, долженъ былъ проживать много, хотя, по его словамъ, онъ только убивалъ время (III, 95). «Ты себѣ вообразить не можешь, сколько денегъ я здѣсь издерживаю — куда? Богъ знаетъ! А все безъ пользы, безъ удовольствія. Правда, онъ сознается, что все это «у меня истинно лежитъ на совѣсти», но требованій не прекращаетъ. Они повторяются изъ года въ годъ, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, безъ оговорокъ выше приведенныхъ нами, только размѣръ просимой суммы увеличивается. Приходилось конечно, несмотря на гуманность, тревожить крестьянъ оброкомъ и не въ урочное время: «Крайне сожалѣю, пишетъ къ сестрѣ поэтъ, что мужиковъ долженъ я тревожить въ такое трудное время: весной и въ рекрутство! Напиши имъ приказъ поласковѣе» (III, 180). Сошлемся на многія другія

мѣста его писемъ, гдѣ мы читаемъ тѣ же просьбы о деньгахъ, которыя повторяются даже и на службѣ въ Италіи (III, 119, 175, 289, 375, 397, 398, 546). Даже князю Вяземскому Батюшковъ жалуется на безденежье; жалобы эти идутъ изъ деревни, куда онъ повидимому уѣзжалъ при безденежьи, чтобъ собрать деньги: «Чохотка въ карманѣ. Въ виду — ни гроша почти на весь годъ, если не удадутся мнѣ нѣкоторые обороты. А жить надобно, какъ говорить Шатобріанъ (III, 427). Обороты эти заключались въ предполагаемомъ изданіи сборника итальянскихъ переводовъ, съ котораго онъ рассчитывалъ выручить двѣ тысячи рублей. При такихъ условіяхъ полученія денегъ въ сроки крайне неопредѣленные, Батюшковъ необходимо долженъ былъ входить въ долги; на силу расплатился съ тѣмъ, который сдѣланъ былъ имъ въ Парижѣ, во время «освободительнаго» похода. Жаль очень, что у насъ нѣтъ ни одного отвѣтнаго письма сестры на всѣ эти безконечныя просьбы брата о деньгахъ. Батюшковъ писалъ къ ней только дѣловыя письма; весьма рѣдко проскользнетъ въ нихъ выраженіе нѣжнаго братскаго чувства. А какой безотвѣтной глубоко преданной натурой, должно быть, была она! Исполняя требованія брата, посылая деньги на его прихотливую жизнь въ столицахъ, на поддержаніе его великосвѣтскихъ связей и отношеній, повидимому она не обмолвилась ни разу укоромъ; иначе братъ отвѣтилъ бы ей въ этомъ смыслѣ или постарался бы оправдаться.

Доходовъ съ материнскаго имѣнія такимъ образомъ никакъ не доставало на жизнь. Женитьба отца и дѣти отъ новаго брака лишали возможности получать что-либо отъ него. «Богъ тому свидѣтель, пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ, что я не хочу наследовать послѣ батюшки вовсе не изъ великодушія, но потому, что у него есть дѣти. Я желаю отъ всего сердца, чтобъ они имѣли кусокъ хлѣба и для собственнаго моего спокойствія. Съ тѣмъ, что мы имѣемъ, благодаря Бога не умремъ съ голоду, а лишнее желаніе богатствъ отложимъ въ сторону» (III, 286). Да и дѣла отца были, по словамъ сына, «такъ плохи, такъ безобразны, что

я и сестра, мой вѣрный товарищъ въ горести, съ ума сходимъ. И есть отъ чего. А ты требуешь стиховъ, пишетъ онъ къ другу своему Гнѣдичу. Выть въ стихахъ не умѣю; а другіе писаться не будутъ» (III, 487).

Въ особенности много хлопотъ и огорченій приносило Батюшкову то обстоятельство, что имѣніе было заложено. Все хочется устроить какъ было бы выгоднѣе; то кажется хорошо разсчитаться съ приказомъ и заложить души въ Опекунскій совѣтъ (III, 79); то нужно употреблять много времени «для хожденія по закладной» (Ib. 197); то кажется выгодно «заложить имѣніе въ приказъ Вологодскій на годъ, на сумму въ 3000 рублей, для уплаты въ ломбардъ» (Ib. 363); то закладываются 50 душъ въ ломбардъ московскомъ, чтобъ уплатить немедленно деньги въ ломбардъ петербургскій (Ib. 377 — 379); то приходится платить лишнія деньги за просрочку уплаты процентовъ (Ib. 441), то находятъ страхъ, что имѣніе опишутъ для продажи. «Дайте мнѣ рѣшительный, Бога ради рѣшительный отвѣтъ! — пишетъ Батюшковъ къ сестрѣ. Если есть еще души не въ закладѣ, то пришлите свидѣтельство, заплатите за него что угодно, но пришлите только немедленно» (Ib. 443). Сколько мучительныхъ помѣщичьихъ волненій долженъ былъ переживать нашъ поэтъ отъ безденежья, особенно въ сроки платежа процентовъ. Приходилось прибѣгать къ экстраординарнымъ средствамъ для добыванія денегъ. Пустошь, на продажу которой разсчитывалъ поэтъ, не продается или по неимѣнію покупателей, или потому, что очень дешево даютъ за нее, а «деньги весьма нужны въ арміи» (III, 233). Абрамъ Ильичъ не платитъ за Платона и Батюшковъ беспокоится о томъ (Ib. 173). «Прошу немедленно собрать оброкъ и переслать ко мнѣ сюда: у меня ни гроша нѣтъ» — пишетъ онъ сестрѣ. «Другая просьба: проси и умоляй, чтобы продали Захарова; мнѣ этотъ негодяй тягость совершенная, и долги требуютъ безпрестанно» (Ib. 349). Выручаютъ порой и дѣвки. Такъ со старосты Мѣниковой деревни ожидаютъ за нихъ 150 руб. (Ib. 350). «Нельзя ли выпустить дѣвокъ на волю (конечно за деньги) безъ

разстройки имѣнія» — сообщаетъ онъ также сестрѣ (Ів. 476). Въ другой разъ Батюшковъ «согласенъ отдать Павлу Алексѣевичу столяра за тысячу рублей. Тысячу рублей цѣна настоящая» (Ів. 507): это было необходимо, чтобъ уплатить по векселю, и продажу оправдываетъ поэтъ тѣмъ, что продаетъ родственнику. Справедливость требуетъ однако упомянуть, что Батюшковъ заботится о судьбѣ и прокормленіи своихъ крѣпостныхъ стариковъ (по всей вѣроятности дворовыхъ): «Инвалидовъ всѣхъ перевести на Углу, распоряжается онъ чрезъ сестру, къ родственникамъ ихъ, и вотчинѣ кормить по смерти, а я за нихъ ежегодно платить стану, о чемъ посоветуюсь со старостою» Люди, домашними услугами которыхъ пользовался Батюшковъ, были крѣпостные, и, какъ это всегда бывало въ то время, поведеніемъ ихъ онъ былъ недоволенъ. Такого рода сѣтованія мы часто встрѣчаемъ въ его письмахъ къ сестрѣ, особенно, когда одинъ слуга захвораетъ, а на его мѣсто нужно выписывать другого изъ деревни и долго приучать къ его обязанностямъ (III, 30—31): «Митьку на третій день пріѣзда я отдалъ въ рабочій домъ за пьянство. Не медля выбери мнѣ мальчика 15 или 17 лѣтъ, не старѣе, въ кучера и возьми во дворъ, пока я не велю прислать его» (Ів. 285—286). Отправляя, вѣроятно послѣ не достигшаго цѣли исправленія въ рабочемъ домѣ, этого Митьку въ деревню, поэтъ пишетъ сестрѣ: «Заставь его быть при себѣ безотлучно; а если хоть разъ напьется, то, не говоря ни слова, пошли за ущицкимъ старостой и вели отвезти въ Вологду въ рекруты за ущицкую вотчину. Вотъ лучший способъ избавиться отъ пьяницъ» (Ів. 290). Но и старый слуга его Яковъ, сопровождавшій его въ походахъ Финляндскомъ и заграничномъ, оказался не лучше Митьки. «Яковъ сошелъ съ ума отъ пьянства, и я принужденъ былъ посадить его въ рабочій домъ. Съ мальчикомъ однимъ не справлюсь. И онъ поведенія не отличнаго. Приготовьте мнѣ другого мальчика для меня, но хорошаго поведенія и не глупаго» (Ів. 443). Безъ сомнѣнія, Батюшковъ не всегда же былъ недоволенъ своими крѣпостными слугами; иногда они

могли доставлять ему даже эстетическое удовольствіе. Такъ въ 1811 году онъ пишетъ кн. Вяземскому: «Сдѣлай одолженіе, любезный князь, пришли мнѣ музыку на мой романсъ; ты меня очень одолжишь: я ее велю сыграть *моему* музыканту на фоготѣ». (Пб. 155).

Дѣлая эти довольно многочисленныя выписки изъ писемъ нашего поэта, мы должны однако заявить, что не имѣли въ виду никакой другой цѣли, кромѣ той, чтобъ уяснить себѣ положеніе Батюшкова въ условіяхъ окружавшей его современности. Последнее изданіе его сочиненій даетъ для того много матеріаловъ, и странно было бы не воспользоваться ими. Не знаемъ, съ какимъ чувствомъ мягко-сердечный, мечтательный, гуманный поэтъ, какъ онъ рисуется передъ нами въ своихъ правда немногочисленныхъ произведеніяхъ, поэтъ глубокаго и нѣжнаго самоотверженія, для котораго свобода должна была являться отраднымъ представленіемъ, писалъ свои деревенскія, помѣщичьи распоряженія. Намъ онъ представляется очень жалкимъ и нельзя не пожалѣть его въ этихъ затягивающихъ его путяхъ. Какая глубокая бездна между идеалами и дѣйствительностью! Какъ мало послѣдняя давала содержанія для поэтическаго вдохновенія, а между тѣмъ никакой поэтъ не въ состояніи отдѣлаться отъ дѣйствительности: вся сила его таланта только въ ней одной. И приходилось Батюшкову прислушиваться къ чужимъ, весьма отдаленнымъ пѣснямъ, ими вдохновляться, уходя въ созерцаніе образовъ и представленій столь далекихъ отъ насъ итальянскихъ поэтовъ XVI, XVII вѣковъ, которые ничего не говорятъ ни сердцу ни уму, и на чужія темы настраивать свой внутренней міръ, какъ это и дѣлалъ постоянно Батюшковъ. Мы не имѣемъ никакого права винить его за это: онъ только сынъ времени и жизни, его окружавшей. Пусть извинитъ насъ высокоуважаемый біографъ Батюшкова, который и не могъ касаться этого вопроса, но намъ кажется, что даже въ семейныхъ отношеніяхъ поэта сказываются печальныя стороны тѣхъ отношеній, которыя окружали его. Съ старшею сестрою, частью по зимамъ въ Вологдѣ, но больше

всего въ деревнѣ, жила младшая сестра, въ возрастѣ «на выданьи». Заботы о ней ближе всего лежали на обязанности старшаго брата. Безъ сомнѣнія, гуманный поэтъ, для котораго не чужды были освободительныя идеи XVIII вѣка, читавшій Новую Элоизу, былъ на сторонѣ свободы чувства, а между тѣмъ сколько хлопотъ о томъ, чтобъ поскорѣе выдать сестру замужъ, съ видимою цѣлью отъ нея отдѣлаться. «Постарайся *пристроить* ее всѣми силами, просить онъ сестру. Не упускай случая, Бога ради, если оный представится. Что разбирать чины и богатство? Былъ бы честный и не совсѣмъ убогій человѣкъ и ей нравился: вотъ главное. Вотъ моя молитва передъ Господомъ! Да будетъ на ней Его святое Провидѣніе и молитвы покойной незабвенной нашей матери» (III, 91—92). «Одна мысль меня беспокоитъ и огорчала даже на походахъ: участь Вареньки. Я назову тотъ день счастливымъ, когда она выйдетъ замужъ, и заклинаю васъ всѣхъ именемъ Неба не пропустить случая» (Ib. 287). Но случай не представляется и Батюшковъ начинаетъ беспокоиться, предполагая, что недостаточно употребляются мѣры для желанной цѣли. Онъ входитъ въ роль комической матери зрѣлой невѣсты: «Я удивляюсь, что никто за Вареньку не сватается. Нѣтъ ли въ томъ и вашей вины? Надобно ласкать людей, надобно со всѣми жить въ мирѣ. Il faut faire des avances. Такъ свѣтъ созданъ; мое замѣчаніе основано на опытности. Надобно внушить и сестрѣ, что ей надобно стараться нравиться. Il faut avoir des formes agréables, стараться угождать въ обществѣ каждому: гордость и хладнокровіе ни къ чему не ведутъ. Надобно болѣе: казаться веселою, снисходительною. Конечно, и у васъ есть женихи, есть хорошіе люди, ибо я не могу вѣрить, чтобъ ихъ не было и въ губернскомъ городѣ. Но мы ихъ или не знаемъ, или чуждаемся» (Ib. 297). Судьба сестры сильно беспокоитъ брата: «Со всѣхъ сторонъ огорченія, а болѣе всѣхъ забота о судьбѣ Вареньки. Боже мой, если бы я могъ быть ей полезенъ хоть чѣмъ-нибудь, если бы Господь услышалъ мою молитву о перемѣнѣ ея участи, но къ лучшему, разумѣется! Но время еще не ушло. Впрочемъ,

то, что у васъ судьбою называется, весьма неразумительно. Вѣтеръ не заноситъ жениховъ; это извѣстно съ давняго времени: надобно самимъ сдѣлать половину дороги» (Ib. 358). Только въ 1818 году прекратились эти заботы поэта, хотя и тутъ, когда судьба сестры была рѣшена, на него находить симніе: «Радуюсь, что дѣло Вареньки будетъ имѣть какой-нибудь конецъ: ихъ дѣло быть счастливыми, наше — не допустить дурачиться и вредить себѣ. Если будутъ счастливы, то я первый порадуюсь отъ души: можетъ быть и будутъ» (Ib. 489).

Жизнь въ деревнѣ, куда Батюшковъ уѣзжалъ, вслѣдствіе безденежья, собирать оброкъ, никогда не приносила ему радости; она нагоняла на него только скуку. Любви къ ней у него не было и онъ не зналъ чѣмъ наполнить въ ней свое время. Во всѣхъ стихотвореніяхъ его мы не найдемъ ни одной картинки, списанной съ родной природы. Какая безконечная разница съ позднѣйшимъ Пушкинымъ, связаннымъ какъ бы органически съ природою русскою, на котораго деревня дѣйствовала и отрезвляющимъ и возбуждающимъ вліяніемъ. Никомъ образомъ Батюшковъ не могъ бы сказать вмѣстѣ съ Пушкинымъ эти отъ сердца вылившіеся стихи:

«Я былъ рожденъ для жизни мирной,
Для деревенской тишины;
Въ глуши звучиѣ голосъ лирный,
Свѣтлѣ творческіе сны».

Напротивъ, для Батюшкова деревня была «безмолвною, дикою пустынею, жилищемъ волковъ и поповъ» (III, 90). Скука одолѣвала его, и въ одномъ изъ писемъ его сохранилось подробное расписаніе ничего недѣланія деревенскаго въ теченіе всѣхъ 24 часовъ сутокъ (Ib. 102—103). Я умираю отъ скуки, пишетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и говорю тихонько самъ себѣ: не приведи Богъ честному челоѣку жить въ провинціи» (Ib. 109), а жить необходимо, «пока не соберу тысячи четыре денегъ, pour faire tête à la fortune» (Ib. 134). Время въ деревнѣ идетъ «и скучно

и глупо. Я живу въ лѣсахъ, засыпанъ снѣгомъ, окруженъ попами и раскольниками, заваленъ дѣлами» (Ib. 146). Дѣла эти заключались въ собираніи оброка. И въ деревнѣ онъ только и живетъ мечтою, которая переноситъ его въ Москву и Петербургъ, въ общество знакомыхъ литераторовъ. «Еслибъ зналъ, что здѣсь время за вещь, что крылья его свинцовыя, что убить нечѣмъ» — пишетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 42). «Въ деревнѣ скучно, грустно и глупо» (Ib. 419). «Жить дома и садить капусту я умѣю, но у меня нѣтъ ни дома, ни капусты: я живу у сестеръ въ гостяхъ, и домашнія дѣла меня замучили, не только меня — и ихъ» (Ib. 438). Въ самомъ дѣлѣ, въ имѣніи, доставшемся ему съ сестрами отъ матери, не было порядочнаго дома, жили въ какомъ-то старомъ флигелѣ, и Батюшковъ, проживая оброкъ своей, конечно въ львиной сравнительно съ сестрами долѣ, самъ выстроить домъ не могъ, а заставлялъ сдѣлать это сестру. «Бога ради строй домъ! Что нужды, что у тебя будетъ долгъ? Ты можешь заложить имѣніе вмѣстѣ съ Варенькой, для уплаты. Какъ жить безъ дома, какъ не имѣть пристанища, какъ не стараться удвоить доходовъ посредствомъ экономіи, покупкою скота и проч. У тебя это было бы занятіемъ. Жить день за день безъ пользы осудительно. Стоитъ только рѣшиться. Ты же имѣешь довольно характера» (Ib. 296). Въ 1815 году, кажется, домъ былъ выстроенъ, съ залогомъ имѣнія или безъ залога — не знаемъ и Батюшковъ общается изъ Каменца-Подольскаго прислать сестрѣ диванъ въ этотъ новый домъ, «если будутъ лишнія деньги» (Ib. 354). Впрочемъ и братъ принималъ нѣкоторую долю участія въ устройствѣ общаго деревенскаго пристанища. «Я убралъ въ саду бесѣдку по моему вкусу, въ первый разъ въ жизни. Это меня такъ веселитъ, что я не отхожу отъ письменнаго столика, и вѣришь-ли? цѣлые часы, цѣлые сутки просиживаю, руки сложа на крестъ — сообщаетъ онъ Гнѣдичу (Ib. 441). Самъ Крыловъ позавидовалъ бы моему положенію, особливо когда я считаю мухъ, которыя садятся ко мнѣ на письменный столъ. Вѣришь ли, что очень трудно отличить одну отъ другой. Такимъ

образомъ созерцаніе природы доставляетъ истинныя, прочныя и паче всего полезныя удовольствія и вѣщее вождельніе (зри Труды Озерецковскаго, ч. 3). Если въ словахъ этихъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ Гнѣдичъ могъ находить остроумную иронию, то къ стыду нашему мы должны признаться, что теперь никакъ ее не понимаемъ.

Таковы были отношенія поэта къ деревнѣ. Должны были притти другія условія жизни общественной, воспитанія и образованія, чтобъ полюбить ее. Мы конечно не ставимъ этого въ вину Батюшкову: онъ развивался еще въ условіяхъ русскаго XVIII вѣка, хотя его поэтическое творчество значительно ушло отъ нихъ впередъ. Чувствуемъ, что мы увлеклись нѣсколько въ сторону отъ задачи, но желая уяснить себѣ Батюшкова, какъ поэта, мы естественно пожелали познакомиться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ въ его житейскихъ отношеніяхъ, а для этого разбираемое нами изданіе представляетъ такъ много новаго, совершенно неизвѣстнаго до сихъ поръ матеріала. Подъ конецъ своей сознательной жизни онъ рѣшился продать свою часть имѣнія, и заботы о продажѣ занимали его до самаго отъѣзда въ Италію. Продажа казалась необходимою для устройства «ломбарднаго дѣла». Жить было не чѣмъ. «Четыреста руб. въ годъ не забавны» (III, 472). Продажа давала поэту и свободу и полагала «конецъ огорченіямъ» (Ib. 475). А какъ разъ въ это время должно было продаваться съ торговъ, за неплатежъ процентовъ, и отцовское имѣніе и естественно желалось помочь (478). Въ деревнѣ случился пожаръ. «Скажи старостѣ, пишетъ онъ сестрѣ, чтобы міромъ помогли погорѣлымъ въ Соболевѣ» (помѣщики, если крестьяне были на барщинѣ, а не на оброкѣ, обыкновенно обстраивали погорѣльцевъ на свой счетъ), «а потомъ я что-нибудь имъ дамъ: этой мой долгъ» (479). Смерть отца, дѣлами котораго занялись опекуны, пріостановившіе продажу, а затѣмъ назначеніе на службу въ миссію въ Неаполь, заставили поэта отказаться отъ намѣренія продать имѣніе, дававшее вѣрный доходъ. «Имѣнія теперь не продамъ: надѣюсь, что крестьяне ис-

правно будутъ платить оброкъ — шесть тысячъ въ годъ» — пишетъ онъ сестрѣ (Ib. 526).

Но какъ ни вѣренъ былъ этотъ доходъ съ оброчныхъ крестьянъ, однако, особенно съ годами, Батюшковъ долженъ былъ смотрѣть и на службу; какъ на доходную статью. Служба была необходимостью въ то время: она давала чины и отличія, слѣдовательно доставляла вѣсь въ обществѣ; нашему поэту она должна была дать и занятія; литературные труды его были случайны; они не могли избавить его отъ скуки, на которую онъ постоянно жаловался въ своихъ письмахъ. Не даромъ Гнѣдичъ и другіе литературные друзья его упрекали Батюшкова въ праздности. Не станемъ однако останавливаться на служебной карьерѣ Батюшкова. Біографія поэта, написанная Л. Н. Майковымъ, такъ подробно говоритъ о жизни его, о тѣхъ родахъ службы, за которые онъ брался, такое полное представленіе даетъ объ этой сторонѣ его дѣятельности, что все, что мы могли бы сказать, явилось бы повтореніемъ. Но насъ интересуютъ теперь не историческіе факты (въ этомъ отношеніи біографу Батюшкова и книги въ руки), насъ интересуетъ человекъ, и для этого чрезвычайно важенъ тотъ же 3-й томъ его сочиненій, заключающій въ себѣ собраніе его писемъ, на который мы уже много разъ ссылались. Онъ и даетъ свѣдѣнія о томъ, какъ самъ Батюшковъ смотрѣлъ на службу. Первая — военная, въ теченіе только двухъ лѣтъ, начатая имъ, когда ему исполнилось только 20 лѣтъ, не удовлетворила его. «Служилъ всегда честно: это засвидѣлствуетъ тебѣ совѣсть моя» — жалуется онъ Гнѣдичу (III, 50). Служилъ несчастливо: ты самъ знаешь; служилъ изъ креста, и того не получилъ, и упустилъ все, даже время, невозвратное время! Теперь, *съ совершенной пустотой душевной*, пагубной для меня, я рѣшился: если не пойду служить по этой части (это была служба въ иностранной коллегіи, доступная только аристократамъ, невозможная, какъ онъ самъ говоритъ, безъ сильной протекціи), то поѣду путешествовать, хотя бы это стоило десяти тысячъ, что меня разоритъ совершенно; но *нѣтъ въ ничтоже-*

стен не могу. Это было въ 1809 г. и тогда уже поэтъ сталъ мечтать о службѣ въ итальянской миссіи: «я бы согласился и безъ жалованья въ Италію» — говоритъ онъ. «И я что-нибудь да стою, то есть могу быть полезнымъ, ибо знаю языки». Узнавъ въ Москвѣ, что великая княгиня Екатерина Павловна (въ Твери) покровительствуетъ русскимъ писателямъ (Карамзинъ читалъ ей отрывки своей исторіи), онъ разсчитываетъ черезъ нее достигнуть своей цѣли. «Если бъ я съѣздили туда съ первою пѣснею Тасса? (переводъ ея впрочемъ не дошелъ до насъ) — пишетъ онъ къ Гнѣдичу. Еслибъ великая княгиня приняла ее милостиво? Еслибъ она дала мнѣ письмо къ министру иностранныхъ дѣлъ, съ тѣмъ чтобъ меня помѣстили на первое открывшееся мѣсто въ иностранной коллегіи? Какъ думаешь?» (72). Извѣстно, что Батюшковъ началъ свою служебную дѣятельность подъ крыломъ дяди Муравьева; служба эта не требовала вовсе труда и поэтъ самъ сознается, что онъ былъ избалованъ ею (67), но никакъ однако не можетъ представить этого труда для себя въ будущемъ. О службѣ онъ много мечтаетъ, надѣется на своихъ друзей, родныхъ, пишетъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ, особенно къ тѣмъ, которые упрекаютъ его въ праздности, но большею частью ждетъ счастья, мечтая о немъ, что служебная дѣятельность спадетъ къ нему съ неба (103). По совѣту Гнѣдича Батюшковъ рѣшается наконецъ поступить на службу въ только что открывшуюся тогда Императорскую Публичную библіотеку, директоромъ которой былъ Оленинъ, всегда къ нему расположенный, но боится того, что «тамъ должно работать» (115). Въ то время однако тамъ не работали. Очевидно, служба представлялась Батюшкову какимъ-то лѣкарствомъ отъ пожирающей его скуки и ничего недѣланія, но онъ не могъ ясно представить, что могла дать ему эта служба и что онъ самъ принесетъ ей. Въ то же время онъ пишетъ: «Признаюсь я желалъ бы быть членомъ какого-либо (?) общества, затѣмъ что это пробудило бы мою лѣность, которою я и самъ начинаю гнушаться. Но ни московскіе, ни питерскіе собратія не могутъ имѣть сильнаго влія-

нія на мой духъ: «и тѣ, и другіе вялы, и тѣ, и другіе слѣпотствуютъ во мглѣ» (132—133). Требованія его лично для себя отъ службы не малы; свободу свою онъ не желаетъ продать дешево; тысяча рублей жалованья не соблазнительны, и впереди все мечтается «дипломатика». Ему все кажется, что именно на этой службѣ онъ можетъ быть полезенъ, но гдѣ служить: въ Америкѣ ли, въ Стокгольмѣ ли, въ Испаніи — ему все равно (148—149), только не служить «у министровъ или въ канцеляріяхъ, между челяди, ханжей и подьячихъ». Ему нужно «мѣсто и выгодное и спокойное, гдѣ бы онъ могъ ничего не дѣлать и не кланяться подьячимъ, людямъ ничтожнымъ»; «а служить изъ тысячи рублей жалованья титулярнымъ совѣтникомъ, служить и готовиться къ экзамену» (въ силу указа 6 авг. 1809 г.), подобно Митрофану твердя: «Азъ же есмь червь, а не человѣкъ» и проч., повторять зады и набивать себѣ голову римскимъ кодексомъ, поэтическими подробностями изъ Зябловскаго, аксіомами изъ Эвклида, служить писцомъ, скрибомъ въ столицѣ, гдѣ можно пить, гдѣ я пилъ изъ чаши наслажденій и горестей, радость и печаль, — нѣтъ, нѣтъ, это все выше меня» (157—158).

Отечественная война скоро заставила его оставить службу въ библіотекѣ, на которой онъ также скучалъ, какъ и въ деревнѣ. Уже въ августѣ 1812 г., когда Наполеонъ шелъ отъ Смоленска къ Москвѣ, Батюшковъ пишетъ изъ Петербурга къ Дашкову: «Я очень скучаю и надѣюсь только на войну: она разсѣетъ мою скуку, ибо шпага побѣдитъ тогу, и я надѣну мундиръ, и я поскачу маршировать, если... если это будетъ возможно» (200). Батюшковъ не разъ жаловался на «бѣдность въ живыхъ ощущеніяхъ»; онъ искалъ ихъ; его натура была такъ же мало глубока и мало содержательна, какъ и жизнь, его окружавшая. Но событія 12 года дали ему очень много этихъ «живыхъ ощущеній». Провожая вдову своего благодѣтеля Е. Ѳ. Муравьеву изъ Москвы въ Нижній, куда бѣжали московскіе изгнанники, Батюшковъ видѣлъ то «море зла», о которомъ онъ писалъ къ Дашкову (I, 151):

«Враговъ неистовыхъ дѣла,
Войну и гибельны пожары».

Въ эту эпоху онъ усомнился даже въ смыслѣ своихъ прежнихъ стихотвореній и на совѣты Дашкова разсѣять одолѣвающую его скуку бесѣдою съ столь благосклонными ему музами, онъ, какъ гражданинъ, отвѣчалъ:

«Мнѣ пѣть коварныя забавы,
Армидъ и вѣтреныхъ Цирцей
Среди могилъ моихъ друзей,
Утраченныхъ на полѣ славы!..
Нѣтъ, нѣтъ, талантъ погибни мой
И лира, дружбѣ драгоцѣнна,
Когда ты будешь мной забвенна,
Москва, отчизны край златой!»

Это былъ дѣйствительно тотъ моментъ, когда талантъ поэта выражалъ общее чувство, когда стихи его звучали глубоко-искренно. Тогда, бросая свою неопредѣленную службу въ Публичной библіотекѣ, Батюшковъ «рѣшился и твердо рѣшился отправиться въ армію, куда и долгъ призываетъ, и разсудокъ, и сердце, сердце, лишенное покоя ужасными происшествіями нашего времени» (205). Въ армію поэта «влечетъ физически», по его словамъ, тамъ онъ надѣется излѣчиться отъ грусти. Въ первый разъ кажется Батюшковъ сталъ лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью: «Не думай, любезный другъ, чтобъ я по старому *предался моему воображенію*, пишетъ онъ къ Гнѣдичу, нѣтъ, я вижу, разсуждаю и страдаю» (208). Пожаръ и грабежъ Москвы, которые современники приписывали французамъ, совершенно измѣнили взглядъ Батюшкова на этотъ народъ, съ литературою котораго онъ былъ знакомъ лучше чѣмъ съ какою-либо другою. «Мщенія, мщенія! Варвары! Вандалы! И этотъ народъ изверговъ осмѣлился говорить о свободѣ, о философін, о челоуѣколюбіи! И мы до того ослѣплены были, что подражали имъ, какъ

обезьяны!» (210). Батюшковъ говоритъ теперь въ своихъ письмахъ почти то же самое, что говорилъ около того же времени Шишковъ въ своихъ запискахъ. Онъ и употребляетъ тѣ же выраженія. «Сердце не лежитъ у меня къ этой сторонѣ, пишетъ онъ только что перейдя французскую границу: революція, всемірная война, пожаръ Москвы и опустошенія Россіи меня навсегда поссорили съ отчизной Генриха IV, великаго Расина и Монтаня» (247). Но это новое, зародившееся въ Батюшковѣ чувство ненависти къ французамъ и нелюбви къ ихъ литературѣ, было, какъ все въ немъ, мимолетнаго свойства, и не было глубоко и сознательно. Такъ на походѣ въ Германіи онъ начинаетъ любить нѣмцевъ, знакомится съ ихъ литературою, «примирился съ Шиллеромъ» (239), «сходитъ съ ума на Фоссовой Луизѣ» (240), читаетъ исключительно нѣмецкія книги. Но прошло четыре года, и вотъ какое мнѣніе высказываетъ онъ о нѣмецкой литературѣ въ письмѣ къ кн. Вяземскому (1817 г.) по поводу переводовъ Жуковскаго: «Къ чему переводы нѣмецкіе? Добро—философовъ. Но ихъ-то у насъ читать и не будутъ. Что касается до литературы ихъ, собственно литературы, то я начинаю презирать ее. (Не сказывай этого). У нихъ все коряченье и судороги» (427). Такъ мѣнялся Батюшковъ, такъ непрочно были его мнѣнія и сужденія, такъ мало было въ немъ сколько-нибудь устойчиваго содержанія. Только что было имъ написано страстное посланіе къ Дашкову, подъ живыми впечатлѣніями московскаго разоренія и толпы бѣглецовъ, видѣнныхъ имъ по Владимиркѣ: онъ собирается въ походъ противъ ненавистнаго врага, сердце его дрожитъ отъ негодованія и однако, въ то же время онъ находитъ возможнымъ писать длинное стихотвореніе, совершенно далекое отъ современности и отъ того, что наполняло его сердце. Батюшковъ пародируетъ «Пѣвца въ станѣ» — Жуковскаго и пишетъ своего «Пѣвца въ Бесѣдѣ Славяноруссовъ», (I, LXXIV), нападая на Шишкова и его партію, состоявшую изъ почти никому неизвѣстныхъ стихотворцевъ. Какъ объяснить эту аномалію — мы не знаемъ, и невольно приходитъ въ голову, что

между стихами Батюшкова и тою жизнью, которая окружала его, — а какъ разъ въ это время жизнь-то именно и приковывала къ себѣ вниманіе: страна такъ тяжело дышала, — не было ничего общаго. Любопытно, что въ эту тяжелую пору, съ мая 1812 по февраль 1813 г., въ письмахъ Батюшкова къ разнымъ лицамъ мы не нашли почти вовсе упоминаній о войнѣ, за то насчитали девять мѣстъ, въ которыхъ довольно подробно говорится о томъ, что дѣлалось въ Бесѣдѣ. Какъ ни внимательно изучаешь этого поэта, предложеннаго намъ въ великолѣпномъ изданіи, — никакъ не можешь уяснить себѣ его натуру и ея содержаніе. Съ усиленіемъ ищешь въ трехъ большихъ томахъ черты времени, выразителемъ котораго долженъ быть писатель, и — не находишь. Батюшковъ исключительно занятъ только собою, своими довольно однообразными заботами и огорченіями, и почти на всякомъ шагу противорѣчитъ себѣ. Не станемъ останавливаться на заграничномъ походѣ 1814—1815 годовъ, сдѣланномъ Батюшковымъ. Восьмая глава біографіи подробно говоритъ объ этомъ эпизодѣ жизни поэта. Перечитывая письма его, нельзя не видѣть, что Батюшковъ вполне доволенъ этою заграничною жизнью, несмотря на потерю друга, убитаго подъ Лейпцигомъ. Его, какъ и всѣхъ его современниковъ, окружало множество могучихъ, совершенно неожиданныхъ впечатлѣній. Для него, какъ и для многихъ, казалось, что на знамени нашихъ войскъ ярко написано освобожденіе народовъ отъ самовластия французскаго властителя. Насъ встрѣчали восторженно, какъ освободителей. Съ нашей стороны въ сердцѣ присутствовало и удовлетворенное чувство праведной мести за народную обиду. Батюшковъ поитъ своего коня историческою волною Рейна. Его стихотвореніе «Переходъ черезъ Рейнъ» (I, LXXV) исполнено воспоминаній и образовъ изъ всемірной исторіи. Величавыя тѣни римлянъ, древнихъ германцевъ, рыцарей встаютъ передъ этими «сынами свѣговъ», пришедшихъ издалека «подъ знаменемъ Москвы, съ свободой и громами». Всѣ эти всемірно-историческія воспоминанія и въ параллель съ ними сознаніе ве-

личія настоящаго «придаютъ душѣ и силу новую и крылья». Въ самомъ дѣлѣ этотъ «освободительный» походъ имѣлъ для тогдашняго, въ особенности для болѣе молодого поколѣнія, глубокое образовательное значеніе. Люди сражались и вмѣстѣ съ тѣмъ учились въ Европѣ. Ея политическія и образовательныя начала дѣйствовали на побѣдителей. Даже Батюшковъ, какъ мы видѣли, учится по-нѣмецки. Онъ забываетъ свою недавнюю ненависть къ французской литературѣ и набожнымъ пилигриммомъ отправляется въ замокъ въ Эльзасѣ, гдѣ ищетъ благоговѣйно слѣдовъ когда-то тамъ жившаго Вольтера. Входъ въ Парижъ — для него «славная минута». Несмотря на «шумъ въ головѣ», Батюшковъ въ длинныхъ письмахъ къ друзьямъ, полный довольства, описываетъ свое пребываніе въ Парижѣ и свои впечатлѣнія. Въ то время люди были въ самомъ дѣлѣ какъ бы въ чадѣ отъ событій, быстро слѣдовавшихъ другъ за другомъ, могучихъ и подавляющихъ.

Что же принесъ для Батюшкова этотъ эпическій походъ, какъ онъ представлялся ему въ торжественныя минуты? Доволенъ ли онъ своею службою? Каковы были результаты ея для него лично? Повидимому, послѣ восторговъ Парижемъ скоро появилось разочарованіе. Не станемъ останавливаться на любопытныхъ мѣстахъ писемъ его къ Гнѣдичу насчетъ ожидаемыхъ имъ или уже полученныхъ крестовъ (III, 234, 241, 248). Эти награды Батюшковъ считалъ выгодными для штатской службы, если онъ принужденъ будетъ перейти въ нее изъ военной, но ожидаемаго владимирскаго креста онъ не получилъ и въ отставку уволенъ былъ коллежскимъ ассесоромъ, что очень огорчило его (386). Трудно сказать, почему никакой родъ служебной дѣятельности не удавался Батюшкову, но кажется намъ, что главная причина заключалась въ томъ, что онъ ни въ какомъ родѣ службы не проявлялъ того, что составляетъ главное ея требованіе — дѣятельности. Такъ было и на томъ послѣднемъ мѣстѣ, о которомъ онъ такъ горячо мечталъ, въ миссіи въ Неаполь. Кажется, что его собственныя требованія лично для себя

отъ службы были велики. Противорѣчія въ желаніяхъ у него на каждомъ шагу. То онъ мечтаетъ о переходѣ изъ армейскаго полка въ гвардію для выгодъ служебныхъ, то, когда это желаніе исполнилось, онъ высказываетъ недовольство. То соблазняется высокимъ положеніемъ: «Я почелъ бы себя счастливымъ быть полезнымъ человѣкомъ *при братѣ нашего царя*, пишетъ онъ въ 1816 году къ Муравьевой, у которой были большія связи (Батюшковъ высказывалъ постоянно убѣжденіе, что безъ протекціи нельзя служить), но не имѣя протекціи, состоянія и дерзости, не осмѣлюсь приносить одно усердіе и объявлять мои требованія: одинъ отказъ и промахъ сдѣлали бы меня несчастнымъ на долго» (368). Между тѣмъ служить надобно, служба для Батюшкова — необходимость: «Мое положеніе безъ службы право не забавно; нельзя ли меня причислить куда-нибудь безъ жалованья по службѣ?» пишетъ онъ Гнѣдичу (419) и просится снова, «какъ блудный сынъ» въ библіотеку, которую онъ оставилъ въ 1813 г. (425). Уваровъ въ 1817 году предлагаетъ Батюшкову мѣсто съ окладомъ жалованья въ двѣ тысячи руб., и поэтъ отказывается: «Благодари Уварова за предложеніе. Умѣю чувствовать снисхожденіе и попечительность его о талантахъ въ землѣ клюквы и брусники. Но я не могу рѣшиться взять мѣсто, и что мнѣ въ двухъ тысячахъ? Корпѣть надъ экстрактами! Потерять послѣднія искры таланта и время, и малое здоровье! Человѣку, который три войны подставлялъ лобъ подъ пули, сидѣть надъ нумерами изъ-за двухъ тысячъ и пить по каплѣ всѣ непріятности канцелярской службы?.. Изъ-за двухъ тысячъ!!!. Но скажу рѣшительно: если обстоятельства занесутъ меня въ Петербургъ, то мѣсто, если можетъ быть такое, немного свойственное, приличное моимъ занятіямъ и охотѣ къ словесности, было бы пріятно» (438). Нерѣшительность, не ясное представленіе о себѣ, о своихъ силахъ и способностяхъ составляютъ все содержаніе непрерывныхъ письменныхъ заявленій Батюшкова о возможной для него службѣ. Когда друзья его: А. Тургеневъ и Жуковский убѣдили его написать прямо на имя государя импера-

тора прошеніе о поступленіи на службу въ одно изъ нашихъ посольствъ въ Италіи (самое прошеніе было составлено Жуковскимъ, и Батюшковъ только переписалъ), онъ, пославъ это прошеніе изъ Москвы, самъ уѣхалъ въ Одессу (I, 262), вполне положившись на нихъ: «Вы устройте все къ лучшему: теперь и сердце общаетъ успѣхъ — пишетъ онъ Тургеневу. Какъ хотите, опредѣляйте. Чинъ мнѣ по совѣсти слѣдуетъ (по его расчету онъ долженъ бы былъ быть полковникомъ). Но Богъ съ нимъ, съ чиномъ!.. Лучше для чужихъ краевъ званіе камеръ-юнкера, если можно... *Жалованье всего нужнее, и чѣмъ больше, тѣмъ лучше.* Досугъ, свобода: вотъ еще важное дѣло!» (II, 501). Справедливость требуетъ замѣтить, что поэтъ спѣшилъ оговориться предъ своими друзьями относительно нѣкоторыхъ требованій своихъ. «Не потеряйте и вы ко мнѣ уваженія, пишетъ онъ, что я желаю быть названъ камеръ-юнкеромъ: не суетность это, а расчетъ, можетъ быть и вздорный. Это званіе при миссіи дастъ мнѣ нѣкоторое уваженіе, на которое въ маломъ чинѣ я не имѣю права. Въ Италіи это не будетъ для меня смѣшно: здѣсь смѣшно и глупо, ибо я не суетенъ, не знатенъ и не богатъ... я чины не уважаю для себя; я вовсе безъ честолюбія и твердо увѣренъ, что чинъ не украситъ ни прозы моей, ни стиховъ. Еще разъ повторяю: я всѣмъ буду доволенъ; имѣю въ виду одну Италію. Въ этомъ словѣ заключается для меня многое: независимость, здоровье, стихи и проза. Шесть тысячъ или около того жалованья и шесть тысячъ своего дохода дадутъ мнѣ способъ поддержать себя довольно пристойно» (II, 503—504). Условія его будущей службы въ Италіи, даже и въ матеріальномъ отношеніи, были вполне удовлетворительны, не говоря уже о томъ, что Италія была любимую страню его поэтической мечты, хотя, можетъ быть онъ вовсе не имѣлъ яснаго представленія объ этой странѣ, особенно въ политическомъ отношеніи, о современном ея положеніи. Италію онъ зналъ по стихамъ Петрарки, Тассо и Аріосто и только передъ самымъ отъѣздомъ онъ проситъ Никиту Муравьева «снарядить его умомъ» и доставить ему сочи-

ненія, касающіяся Италіи, которыхъ даже названія ему неизвѣстны. Но завѣтное желаніе его сердца, долго лелѣемое, наконецъ исполнилось, и тѣмъ не менѣе вмѣсто радости, совершенно понятной и объяснимой при исполненіи желанія, мы читаемъ грустное заявленіе его: «Я знаю Италію (?), не побывавъ въ ней, пишетъ онъ къ А. Тургеневу. Тамъ не найду счастья: его нигдѣ нѣтъ; увѣренъ даже, что буду грустить о снѣгахъ родины и о людяхъ мнѣ драгоцѣнныхъ» (531). Такимъ образомъ Батюшковъ высказываетъ ту же мысль, какую высказалъ почти наканунѣ своей смерти Пушкинъ: «На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля» — но въ этихъ покоѣ и волѣ слышится бодрое сознаніе силы и увѣренность въ могучемъ творчествѣ. Въ чемъ же для Батюшкова состоялъ идеалъ счастья? Что искалъ онъ? Съ грустью должны мы признаться, что какъ внимательно ни перечитывали мы изданіе его сочиненій, но яснаго представленія объ этомъ идеалѣ дать не можемъ.

Мотивъ, до крайности однообразный, но до безконечности повторяемый во всѣхъ многочисленныхъ письмахъ Батюшкова — это — *жалобы на скуку*. Онъ скучаетъ въ Петербургѣ, какъ пишетъ о томъ сестрѣ (III 37): «еслибъ ты зналъ какъ мнѣ скучно» (въ деревнѣ, по письму къ Гнѣдичу (48); «право жить скучно; ничто не утѣшаетъ. Если я проживу еще лѣтъ десять, то сойду съ ума» (51). «Ты спросишь меня: весело ли мнѣ? — пишетъ онъ къ нему же изъ Москвы. Нѣтъ, увѣряю тебя... Да и гдѣ весело быть можетъ?» (71). «Я иногда такъ скучаю, что мѣста отъ грусти сыскать не могу» (оттуда же, 90). «Я живу въ Москвѣ. Живу... нѣтъ, дышу... нѣтъ, веществу, то есть ни то, ни сѣ. Умираю отъ скуки. Занимайся! Легко сказать!... Дѣло дѣлай!... Да какое?... И книга изъ рукъ выпадаетъ. При томъ же боленъ, чуть дышу. Словомъ, если это состояніе продолжится, то я сойду съ ума» (92 — 93). И это написано было въ то самое время, когда онъ въ первый разъ былъ въ Москвѣ, перезнакомился съ представителями въ ней литературной дѣятельности, начиная съ Карамзина, и въ длинномъ письмѣ къ Гнѣдичу нѣсколько проницательно опи-

сывалъ Москву, ея жизнь и общество. Во время военной службы, во время походовъ мы не встрѣчаемъ однако этихъ вѣчныхъ жалобъ на скуку. Очевидно практическая дѣятельность, физическое передвиженіе и множество новыхъ явленій и впечатлѣній заглушали ихъ. Но какъ только Батюшковъ воротился изъ «освободительнаго» похода, какъ только исчезли живыя впечатлѣнія, снова скука, въ эпическомъ образѣ древней Немезиды, преслѣдуетъ его. «Мы теперь подобны Гомеровымъ воинамъ, разсѣянными по лицу земному, пишетъ онъ къ Жуковскому. Каждого изъ насъ гонитъ какой-нибудь мститель богъ: кого Марсъ, кого Аполлонъ, кого Венера, кого Фуріи, а меня скука» (III, 303 — 304). Откуда эта скука, это недовольство жизнью и всѣмъ окружающимъ? Біографъ видитъ въ этихъ чувствахъ отраженіе чужого литературнаго вліянія. Это «смутное состояніе души, порожденное разладомъ между идеаломъ и дѣйствительностью» Батюшковъ «испыталъ не одинъ и не первый изъ людей своего вѣка». Біографъ указываетъ, какъ на прототипъ этихъ безыменныхъ страданій Батюшкова на героя Шатобріанова романа — Рене. Безспорно есть что-то общее въ жалобахъ Рене и Батюшкова, тѣмъ болѣе, что послѣдній просто переводитъ на русскій языкъ излюбленные фразы Рене о томъ, что въ жизни нѣтъ счастья, о скукѣ, преслѣдующей его вездѣ (*un profond sentiment d'ennui*) и проч. Но не было ли домашнихъ, внутреннихъ причинъ для того, чтобы Батюшковъ походилъ на Рене? Типъ Рене дѣйствительно носитъ на себѣ печать того *Weltschmerz'a*, которымъ страдало современное человѣчество, почему и книга Шатобріана сдѣлалась любимымъ чтеніемъ людей того времени. Въ чемъ однако заключался идеалъ Рене — неизвѣстно. Онъ самъ говорилъ, что это для него «*un bien inconnu, dont l'instinct me poursuit*»; отъ этой неизвѣстности, неясности стремленій можетъ-быть и происходило то *dégoût de la vie*, отъ котораго онъ страдалъ. Но Рене такъ много пережилъ и испыталъ, позади его лежалъ въ развалинахъ цѣлый міръ и кровавая борьба; въ новомъ мірѣ Рене нѣтъ мѣста, а между тѣмъ его самолюбіе

развито до крайнихъ предѣловъ; его скука есть выраженіе самолюбія, не находящаго удовлетворенія. Онъ слишкомъ любитъ себя; онъ ставитъ себя выше окружающихъ; онъ желаетъ слишкомъ многого, но самъ онъ ничего не приноситъ, ни къ чему себя не обязываетъ. Батюшковъ въ своихъ письмахъ не разъ вводитъ насъ въ свой внутренній міръ, и слова его тѣмъ болѣе интересны, что, являются случайно, записаны необдуманно. И онъ говоритъ о «бездѣйствіи душевномъ», о «какой-то ни къ чему непривязанности» (III, 78). Онъ «потерялъ даже способность наслаждаться», становится «скученъ и лѣнивъ, даже немного мизантропъ». «Есть ли у меня желанія? Есть ли надежда? Я часто себя спрашиваю, и отвѣчаю нѣтъ!» (Ib. 136—137). Правда, Батюшковъ додумывается иногда до убѣжденія, что есть еще утѣшеніе—«исполнять долгъ», но въ чемъ заключается этотъ долгъ—неизвѣстно, на счастье же онъ «не имѣетъ права» (317—318).—То сознается, и совершенно вѣрно, въ большемъ преобладаніи въ немъ эгоизма (248); то высказываетъ чрезвычайно невысокое мнѣніе о своемъ дарованіи. «Самое маленькое дарованіе мое, которымъ подарила меня судьба, конечно — въ гнѣвѣ своемъ, сдѣлалось моимъ мучителемъ. *Я вижу его бесполезность для общества и для себя...* Скажи мнѣ, къ чему прибѣгнуть, обращается онъ къ Жуковскому, чѣмъ занять пустоту душевную; скажи мнѣ, какъ могу быть полезенъ обществу, себѣ, друзьямъ?... Писать стихъ? Но для того нужна сила душевная, спокойствіе, тысячу надеждъ, тысячу очарованій и въ себѣ, и кругомъ себя, и твое дарованіе безцѣнное» (304). Иногда онъ доказываетъ, что посреди своей «бурной и непостоянной жизни» онъ и не въ состояніи написать что-либо совершенное, «не въ силахъ кончить продолжительнаго дѣла» (448 — 449). О частыхъ жалобахъ на нездоровье, даже изъ Италіи, мы уже не станемъ говорить; ихъ столько же, сколько и на скуку. Но не высоко оцѣнивая свой поэтическій талантъ, онъ ищетъ какъ бы помощи вокругъ себя, проситъ друзей не переставать любить его, дарить его «одобрительной улыбкой дружества», «пожелѣвать» его (453).

Слишкомъ мало было въ Батюшковѣ внутренняго содержанія и силы душевной, а самолюбіе, развитое пропорціонально размѣрамъ таланта, доставляло ему тѣ страданія, на которыя онъ жаловался. «Я теперь-то чувствую, что *дарованію нужно побужденіе и одобреніе*; бѣда, если самолюбіе заснетъ» (III, 48). Эту мысль поэтъ возводитъ и въ общій принципъ: «Правленіе должно лелѣять и баловать музъ: иначе онѣ будутъ безплодны» (Ib. 268). Видно, Батюшковъ недалеко ушелъ отъ представленій вѣка Людовика XIV.

Нельзя не пожалѣть, что современники Батюшкова, друзья его, а ихъ было у него довольно въ литературныхъ сферахъ, такъ мало оставили о немъ воспоминаній. Это общій недостатокъ времени, безъ сомнѣнія находящійся въ связи съ тѣмъ подчиненнымъ состояніемъ литературы нашей, въ какомъ она находилась въ то время. Даже біографію величайшаго русскаго поэта, Пушкина, нѣсколько позднѣйшаго, чѣмъ Батюшковъ, приходится составлять мозаически, при чемъ свидѣтельства современниковъ весьма недостаточны. Благодаря трудолюбивому біографу поэта, мы имѣемъ о немъ одно, довольно полное свидѣтельство, принадлежащее перу женщины, его современницы, Е. Г. Пушкиной, но оно слишкомъ общаго характера, хотя и изображаетъ поэта въ лучшую пору его жизни (I, 2—3). По этому изображенію Батюшковъ страдалъ «оскорбленнымъ честолюбіемъ», потому что былъ «обойденъ при производствѣ». Такой источникъ внутренняго непріятнаго чувства въ поэтѣ конечно рисуетъ время, но негодованіе Батюшкова могло относиться развѣ къ его батальонному и полковому командирамъ и никакъ не сдѣлаться общимъ характеромъ его міросозерцанія. «Я любила его бесѣду, говорить свидѣтельница, *и еще болѣе любила его молчаніе*». Это нѣсколько двусмысленно и конечно не много даетъ для характеристики поэта. Въ многочисленныхъ письмахъ своихъ онъ конечно не молчалъ, но при всѣхъ нашихъ усиліяхъ воспользоваться ими для опредѣленія личности Батюшкова, опасаясь можетъ-быть рѣзкаго и неправильнаго сужденія, мы не въ состояніи уяснить

себѣ противорѣчія его мыслей и сужденій. Невольно приходитъ на мысль, что съ первыхъ молодыхъ лѣтъ его жизни въ немъ уже были зародыши той страшной наслѣдственной болѣзни, которая окружила его мрачною ночью безумія. Но чтобъ услѣдить эти ранніе признаки приближающагося душевнаго недуга, надобно бы было, чтобъ между современниками были тонкіе и развитые психіатры, которые бы наблюдали за нимъ съ заранѣе составленнымъ намѣреніемъ изслѣдованія. Вполнѣ вѣрно почтенный біографъ поэта признаетъ причиною недуга наслѣдственность; всѣ остальные причины, приводимыя современниками, а въ ихъ числѣ и «оскорбленное самолюбіе», были болѣе или менѣе только поводами, иногда можетъ-быть и вполнѣ ничтожными, которые могли способствовать или ускорить развитіе болѣзни.

Изъ жизни многихъ поэтовъ извѣстно, какое большое мѣсто занимаетъ въ ихъ поэтическомъ творествѣ *чувство любви*; любовь и поэзія часто сливаются въ одно, и чѣмъ глубже, искреннѣе чувство, тѣмъ реальнѣе и роскошнѣе выраженіе его въ поэтическихъ образахъ. Два раза Батюшковъ переживалъ это чувство, но оба раза оно осталось неудовлетвореннымъ. Въ первый разъ, въ Ригѣ, гдѣ онъ лѣчился отъ раны, когда ему было 20 лѣтъ, можно еще замѣтить по стихамъ его нѣкоторое довольство чувствомъ. Таковы его стихотворенія: «Выздоровленіе» (I, 49), «Посланіе графу Велеурскому» (I, 65—66), «Воспоминаніе» (I, 89), но уже въ последнемъ чувство отодвинуто въ прошедшее; только окрыленный воспоминаніями, онъ улетаетъ въ глубь этого прошедшаго; предметъ страсти является тѣнью, мечтою. Дальше, въ слѣдующіе годы, эта тѣнь уже не появляется. Біографъ говоритъ, что «самыя условія этой любви» дѣлали бракъ неосуществимымъ, но у насъ нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, что онъ думалъ о бракѣ. Просто — то было мимолетное и неглубокое чувство, оставившее самый слабый слѣдъ въ стихахъ. Въ другой разъ мы видимъ нѣчто болѣе серьезное. Но за то и неудовлетворенность этого чувства оставила болѣе глубокий слѣдъ. Повидимому, въ рѣшительную минуту онъ не нашелъ

сочувствія, «ударъ былъ нанесенъ ему прямо въ сердце и тяжело отозвался на всемъ его существѣ» (Біографія, 193). Почему Батюшковъ не нашелъ сочувствія, изъ біографіи не ясно, но сердце любимой дѣвушки было свободно и она только черезъ восемь лѣтъ послѣ исканій поэта вышла замужъ за другого. Эта вторая любовь, повидимому отвергнутая, внушила поэту нѣсколько стихотвореній, полныхъ болѣе глубокаго чувства, и, что любопытно, именно въ это время его стихъ, выраженіе крѣпнуть, присутствіе таланта становится ощутительнѣе. Таковы его стихотворенія: «Таврида» (I, 221), которую онъ не видалъ еще, но куда зоветъ свою возлюбленную, «Разлука» (223), «Воспоминанія» (226), въ особенности полное тоскою любви, «Мой геній» (230) и «Пѣснь Гаральда Смѣлаго» (238), сдѣлавшаяся впоследствии весьма распространеннымъ и моднымъ романсомъ. Но за то — ни одного реального образа, такъ что нельзя составить яснаго и опредѣленнаго понятія о чувствѣ поэта. Это нераздѣленное чувство легло послѣднею скорбною тѣнью на жизнь поэта. Весьма можетъ быть, что оно было источникомъ религіознаго чувства, которое до тѣхъ поръ не проявлялось въ его стихахъ, хотя и въ этомъ случаѣ онъ беретъ чужіе мотивы. Такова его «Надежда» (I, 233) — явное подражаніе Жуковскому. Съ этого времени въ стихахъ его чаще проявляется желаніе смерти, мечта о гробѣ,

«Когда жъ струей небесныхъ благъ
Я утолю любви желанье,
Земную ризу брошу въ прахъ
И обновлю существованье?»

Таково его посланіе «Къ другу» (I, 235), проникнутое тѣмъ же скорбнымъ чувствомъ, передъ которымъ исчезаетъ прахомъ вся радость жизни:

«Минутны странники, мы ходимъ по гробамъ,
Всѣ дни утратами считаемъ,

На крыльяхъ радости летимъ къ своимъ друзьямъ
И что жъ?... Ихъ урны обнимаемъ!»

Рядомъ съ этимъ чувствомъ, слышится и сожалѣніе объ утратѣ таланта (I, 273—274) и вмѣстѣ съ тѣмъ то самолюбіе, которое составляло главное свойство внутренняго человѣка въ Батюшковѣ:

«Не можешь, гражданинъ, какъ пальма, дать плода?
Такъ буди съ кипарисомъ сходенъ:
Какъ онъ уединенъ, осанистъ и свободенъ!» (I, 297).

Это отрывокъ одного изъ самыхъ послѣднихъ стихотвореній Батюшкова. Здѣсь любопытно употребленное имъ слово: *гражданинъ*. Въ тѣ годы оно начинало только входить въ употребленіе, особенно между болѣе молодымъ поколѣніемъ. Слово занесено было къ намъ изъ Франціи, и понятіе, соединенное съ нимъ, выражало новое направленіе мысли общественной. Понятіе было плодомъ нашей «освободительной» войны и пребыванія во Франціи. «Болѣе просвѣщенные (офицеры) или тѣ, въ которыхъ таилось особое дарованіе, успѣвали вынести отсюда новые залоги для своего развитія и дальнѣйшей дѣятельности. Въ такомъ положеніи оказался и Константинъ Николаевичъ» (слова біографіи, 177). Батюшковъ говорилъ о себѣ: «лучшимъ возвращаюсь»; по біографіи онъ не остался вполне чуждымъ и социальнымъ вопросамъ. Въ Парижѣ онъ встрѣтился съ Н. Тургеневымъ и «провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ дней», но у насъ нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, насколько Батюшковъ раздѣлялъ убѣжденія и мысли о будущемъ отечества, которыя соединяли тогда лучшихъ, болѣе образованныхъ и талантливыхъ представителей молодого поколѣнія. Связей и общенія у него съ ними или не было вовсе, или доказательства ихъ существованія истреблены. Если переводъ извѣстнаго стихотворенія Шиллера «Судьба Одиссея» (I, 193), какъ всѣ переводы и подражанія Батюшкова, имѣетъ, какъ

это вполне вѣрно доказываетъ Л. Н. Майковъ, близкое отношеніе къ его собственному настроенію, то намъ непонятно, почему русскій Одиссей «не позналъ отчизны». Напротивъ, онъ былъ въ полномъ восторгѣ и на родинѣ ничего не измѣнилось, какъ и онъ самъ остался тѣмъ же чѣмъ былъ, нисколько не тронутый новымъ. Этого нельзя не видѣть изъ нѣкоторыхъ мѣстъ его стихотвореній и изъ отношеній его къ Никитѣ Муравьеву, сыну его благодѣтеля, единственному представителю молодого поколѣнія, знакомому ему съ дѣтства. Л. Н. Майковъ справедливо, по хронологическимъ соображеніямъ, отвергаетъ свидѣтельство Греча, что Батюшковъ, воротясь изъ Неаполя въ 1821 г., «узналъ отъ Никиты Муравьева о существованіи *тайныхъ замысловъ*» (а ихъ и вовсе не существовало до 1825 года, сколько можно судить по историческимъ даннымъ); «можетъ-быть ему и предложено было вступить въ союзъ... Онъ ужаснулся и сошелъ съ ума» (Записки, 406). Батюшковъ очень любилъ Муравьева и очень высокаго былъ о немъ мнѣнія: «Молодой Муравьевъ будетъ украшеніемъ Россіи, писалъ онъ къ Гнѣдичу, если пойдетъ по стопамъ своего отца. Умъ дѣльный, большія способности и сердце своего родителя съ пламенною душою матери: рѣдкое сочетаніе! Дай Богъ ему здоровья и успѣха! (III, 319). «Онъ слишкомъ благородно чувствуетъ», пишетъ онъ къ матери (336, 341); «познакомься покороче съ Муравьевымъ, совѣтуетъ онъ Жуковскому, съ рѣдкимъ человѣкомъ: онъ живой портретъ отца своего во многихъ отношеніяхъ, по сердцу и уму. Жаль, если его страсть къ наукѣ погаснетъ на службѣ: мы еще потеряемъ человѣка» (360). Муравьевъ состоялъ при Жюмيين и работалъ для него; Батюшковъ не совсѣмъ доволенъ этою сухою наукою, часто безплодною, и совѣтуетъ ему «не все жить въ лагерѣ, танцовать болѣе, выѣзжать, веселиться и писать по-русски» (411). Уваженіе къ молодому Муравьеву, по словамъ поэта въ 1818 г., возрастаетъ у него день ото дня (496). Но говорили ли они о «соціальныхъ вопросахъ» — не знаемъ. Рѣзкое противорѣчіе воззрѣній того и другого выступаетъ въ тѣхъ замѣткахъ

карандашемъ, которыя сдѣланы были Никитою Муравьевымъ на экземплярѣ «Опытовъ» Батюшкова, подаренномъ ему потомъ въ 1817 году (II, 444—445, 451, 526—528). Изъ этихъ любопытныхъ примѣчаній нельзя не вывести заключенія, что Муравьевъ нисколько не уважалъ Батюшкова и конечно разошелся съ нимъ въ убѣжденіяхъ. Трудно судить о политическихъ убѣжденіяхъ поэта: онъ ихъ не высказываетъ; повидимому ихъ и нѣтъ. Если и прежде, до общаго поднятія мысли въ людяхъ, задумывавшихся о положеніи отечества, мы не находимъ ни въ сочиненіяхъ, ни въ письмахъ Батюшкова никакого намека на это положеніе, то и теперь его нѣтъ. Между тѣмъ все невольно обращало умъ въ эту сторону, заставляло его работать: и цѣлый рядъ вполне безцѣльныхъ войнъ въ Европѣ, разтратившій наши силы и разрушившій надолго финансы, приведшій насъ къ страшнымъ испытаніямъ войны отечественной, и миръ безъ славы и пользы, и печальное положеніе не устроенной страны. Никита Муравьевъ принадлежалъ къ числу этихъ объ общемъ благѣ задумывающихся людей. Между тѣмъ въ томъ, что на примѣръ Батюшкова говорить въ концѣ своей статьи «Нѣчто о морали, основанной на философіи и религіи» (II, 140—141), мы читаемъ тѣ же мысли, которыя проповѣдывалъ въ то время великій учитель людей, негодовавшій на современное просвѣщеніе и науку — Жозефъ-де-Местръ, мы слышимъ рѣчи приближающейся реакціи, недовольной умственнымъ пробужденіемъ страны.

Мало касались мы въ нашей статьѣ собственно поэтическихъ и вообще литературныхъ произведеній Батюшкова именно потому, что ихъ значеніе, ихъ смыслъ и содержаніе подробно разработаны въ превосходной вступительной статьѣ «О жизни и сочиненіяхъ Батюшкова», принадлежащей редактору. Съ ея положеніями и выводами мы должны вполне согласиться. Рѣдко можно встрѣтить въ нашей наукѣ исторіи литературы такую полную, всестороннюю монографію, посвященную одному изъ главныхъ представителей словесности —

до-Пушкинскаго періода. Если изложеніе фактовъ жизни поэта отличается полнотою, какая только была возможна при существующихъ условіяхъ этой полноты, то и историко-литературное значеніе его произведеній опредѣлено вполне справедливо. Укажемъ, напримѣръ, на преобладающій поэтическій родъ у Батюшкова, на *антологическую поэзію* (*poésies fugitives*). Содержание этого рода стихотвореній у поэта, образцы, которымъ онъ подражалъ и особенности, ему принадлежащія, все это указано и тонко и вѣрно (Біографія глава VII, 91—100). То же самое слѣдуетъ повторить объ отношеніяхъ Батюшкова къ Арзамасу и касательно значенія этого литературнаго общества (Глава XI, 242—258). Заключительныя страницы біографіи поэта (313—316), представляющія выводы цѣлаго, богатаго фактами изслѣдованія, посвящены опредѣленію значенія Батюшкова въ исторіи нашей поэзіи. Въ нихъ указано отношеніе Батюшкова къ предшествовавшему развитію, какъ по содержанію, такъ и по формѣ поэзіи, и къ послѣдующему. Справедливо смотритъ біографъ на Батюшкова, какъ на предшественника Пушкина и доказываетъ ихъ духовное родство. Не можемъ, къ сожалѣнію, согласиться съ уважаемымъ біографомъ въ томъ слишкомъ теоретическомъ опредѣленіи, что Батюшковъ былъ чистымъ художникомъ въ творествѣ и за искусствомъ не признавалъ практическихъ цѣлей. Не станемъ говорить о томъ — хорошо это или дурно, но какой же поэтъ, создавая свои образы, думаетъ о практическихъ цѣляхъ своего творчества? Это происходитъ независимо отъ его воли. Быть сознательно чистымъ художникомъ, представителемъ исключительно, такъ называемой, «художественной поэзіи» по нашему мнѣнію невозможно; творить образы внѣ времени и пространства — нельзя. Можетъ-быть мы и ошибаемся, но убѣждены, что главный факторъ въ поэтическомъ творествѣ — страна, родина поэта и содержаніе ея жизни; художественность — это внѣшнее, хотя и безусловно необходимое условіе поэтическаго созданія. Нѣтъ въ жизни страны возбуждающаго содержанія — творчество поэта уходитъ въ далекую отъ

нея область или въ звуки, выражающіе міръ личныхъ ощущеній, но въ самой полнотѣ этихъ звуковъ слышится уже содержаніе общей жизни. Поэтъ безсознательно долженъ выражать только то, что дано ему жизнью.

Изданіе сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ ко всѣмъ тремъ томамъ его, даетъ такой обширный комментарий къ нимъ, что нельзя не поздравить читателя этой книги. Передъ нами точно изданіе древняго классика, сдѣланное трудолюбивымъ и превосходно знакомымъ съ нимъ нѣмецкимъ профессоромъ XVIII вѣка. Это чрезвычайно важное дополненіе къ біографіи. Для современнаго читателя Батюшковъ уже старый писатель; читать и изучать его будутъ только по профессіи тѣ, которымъ важно знакомство съ исторіей русской поэзіи или съ исторіей страны, выражающей въ ея литературѣ. Весьма немногія стихотворенія Батюшкова доставляютъ непосредственное эстетическое наслажденіе. Для читателя поэтому необходимы объясненія, а ихъ такъ много, такой любопытный историко-критическій матеріалъ даютъ они, что изучать Батюшкова съ ними теперь легко. Для того однако, чтобы дать такой превосходный комментарий къ сочиненіямъ Батюшкова, необходимы были со стороны составителя не только глубокое знакомство съ сочиненіями самого Батюшкова, но и со всею и современною и предшествовавшею ему литературою, какъ русскою, такъ и обще-европейскою и часто классическою, такъ какъ Батюшковъ заимствовалъ и изъ нея; наконецъ — съ цѣлою эпохою. Это знакомство и обширно и глубоко въ одно время. Со стороны комментатора требовалось глубокое увлеченіе авторомъ, полное углубленіе въ его мысли, желаніе непременно объяснить то, что хотѣлъ онъ сказать. Иногда этотъ комментарий походитъ на тонкую работу ювелира. Приведемъ, между множествомъ такого рода объясненій, напр. одно, сдѣланное къ статьѣ Батюшкова «Путешествіе въ замокъ Сирей» (стр. 72, II, 407—408) по поводу имени Агнесы или другое — объ источникахъ статьи Батюшкова «Мысли», въ первый разъ перепечатанной въ разбираемомъ изданіи (II, 394),

но мы боимся дальнѣйшими указаніями еще болѣе расширить нашу рецензію, и безъ того длинную. Невольно представляется намъ въ лицѣ г. Майкова идеальный комментаторъ эпохи Возрожденія, какъ изображенъ онъ въ извѣстномъ портретѣ Эразма Роттердамскаго, сдѣланномъ кистью Гольбейна, съ тонко сжатыми губами, съ пронизательнымъ взоромъ, устремленнымъ въ книгу, съ перомъ въ длинныхъ изящныхъ пальцахъ.

Не говоря о томъ, что каждый европейскій писатель, имя котораго почему-либо встрѣчается въ сочиненіяхъ Батюшкова, непременно, въ краткихъ біографическихъ свѣдѣніяхъ и по отношенію къ нашему поэту, объясненъ въ комментаріяхъ, исторія русской литературы чрезвычайно выигрываетъ отъ сихъ послѣднихъ. Кому не извѣстенъ недостатокъ біографическихъ словарей, которыми она страдаетъ. Словарь митрополита Евгенія давно устарѣлъ; словарь Геннади остановился на буквѣ М; словарь г. Андреева — слишкомъ недостаточенъ; трудъ г. Венгерова — весь въ будущемъ. А между тѣмъ, какъ важны и необходимы такія пособія. Всѣ три тома сочиненій Батюшкова, въ примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ къ нимъ, даютъ намъ 75 біографій русскихъ писателей, имена которыхъ, какъ современниковъ Батюшкова, почему-либо упоминаются въ изданіи. Очень много въ свѣдѣніяхъ, вошедшихъ въ эти біографіи, новаго и неизвѣстнаго, добытаго усерднымъ и внимательнымъ разысканіемъ, а извѣстное соединено въ одно цѣлое и снабжено точными бібліографическими указаніями. Изъ этихъ 75 біографій 35 принадлежатъ Л. Н. Майкову (изъ нихъ самыя обширныя: кн. Б. В. Голицына, кн. И. М. Долгорукова, Жихарева, И. М. Муравьева-Апостола, Нелединскаго-Мелецкаго, А. М. Пушкина, В. Л. Пушкина). Остальныя 40 біографій составлены г. Саитовымъ. Справедливость требуетъ сказать объ этомъ біографическомъ и бібліографическомъ трудѣ г. Саитова, что онъ исполненъ съ большимъ тщаніемъ и доказываетъ въ авторѣ обширныя свѣдѣнія и большую начитанность въ произведеніяхъ писателей, современныхъ Батюшкову, и въ тогдашней жур-

нальной литературѣ. Изъ біографій, составленныхъ г. Саитовымъ, особенною полнотою содержанія отличаются біографіи слѣдующихъ лицъ: Беницкаго, Боброва, Дашкова, Капниста, Лобанова, М. Н. Муравьева, Н. М. Муравьева, Озерова, Н. А. Радищева (сына), А. И. Тургенева, кн. Шаликова и кн. Шаховского. Это совершенно отдѣльный трудъ, годный самъ по себѣ, и мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые упрекаютъ г. Саитова за излишніи длинноты, за цитированные отрывки изъ писемъ Батюшкова, когда можно сослаться на страницы, гдѣ они напечатаны, на иностранные стихи и прозу и пр. (Русская Старина, т. LIV, стр. 545—546). Въ этихъ комментаріяхъ нѣтъ ничего общаго съ тѣми, какими снабдилъ Гарусовъ свое изданіе «Горе отъ Ума». Одно жаль, что для знакомства съ ними надобно покупать три тома сочиненій Батюшкова, а это не всякому по карману.

Соображая въ заключеніе все высказанное мною въ разныхъ частяхъ этой рецензіи съ тѣмъ общимъ впечатлѣніемъ, которое я вынесъ изъ внимательнаго изученія изданія сочиненій Батюшкова, я пришелъ къ убѣжденію (позволяю себѣ надѣяться, что оно раздѣляется и членами Отдѣленія русскаго языка и словесности), что трудъ Л. Н. Майкова, какъ редактора изданія, долженъ быть признанъ вполне удовлетворительнымъ и награжденъ полною премією А. С. Пушкина, размѣръ которой указанъ въ § 4 Положенія объ этихъ преміяхъ.

Комиссія, соглашаясь съ мнѣніемъ рецензента, признала съ своей стороны, что вполне справедливый отзывъ профессора Булича объ участіи г. Саитова въ этомъ трудѣ даетъ ему право на установленную въ правилахъ поощрительную премію.

II.

Въ Сумеркахъ. Разказы и очерки Н. Чехова. Спб. 1887 г. (Разборъ А. О. Бычкова).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ начали появляться въ разныхъ ежедневныхъ гезетахъ небольшіе разказы г. Чехова, предметъ для которыхъ служили явленія обыденной жизни. Эти разказы, несмотря на то, что наскоро читались и быстро были позабываемы, тѣмъ не менѣе обнаруживали въ авторѣ и наблюдательность и умѣнье живо и естественно передавать подмѣченное, почти исключительно впрочемъ съ цѣлью вызвать улыбку въ читателѣ. Въ 1886 году вышли въ свѣтъ его «Пестрые разказы». Книга подъ этимъ заглавіемъ содержала въ себѣ разказы и очерки, частію уже напечатанные, частію новые, въ числѣ которыхъ было нѣсколько очень милыхъ, обратившихъ на себя общее вниманіе. Съ этого времени критики начали усматривать въ г. Чеховѣ большой талантъ. Въ слѣдующемъ 1887 г. явился новый сборникъ г. Чехова, носящій заглавіе: «Въ сумеркахъ. Разказы и очерки». О достоинствѣ разказовъ, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, мнѣ предстоитъ дать отчетъ. Всѣхъ разказовъ помѣщено въ книгѣ 16-ть. Они, какъ и прежніе, небольшого объема и въ нихъ точно такъ же виденъ несомнѣнный талантъ въ изображеніи картинъ природы и бытовыхъ сценъ, а иногда даже въ художественной выдержанности характеровъ дѣйствующихъ лицъ, замѣчается искусство нерѣдко одной чертою дополнить картину, сообщить читателю то, что происходило между дѣйствующими лицами ранѣе того момента, о которомъ идетъ рѣчь. Но тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что дарованіе автора употреблено на такіе незначительныя вещицы, которыя болѣе

или менѣе носятъ слѣды случайности, въ которыхъ чувствуется, что онъ передаетъ то, что попало ему на глаза, что остановило его вниманіе въ разсказѣ того или другого лица.

Лучшіе по достоинству изъ разсказовъ тѣ, которые имѣютъ сравнительно большій объемъ, именно: «Вѣрочка», «Несчастіе», «Агаѣя» и «Святою ночью».

Содержаніе разсказа «Вѣрочка» самое обыкновенное, весьма часто повторяющееся въ жизни. Молодая дѣвушка Вѣра Гавриловна Кузнецова, дочь предсѣдателя земской управы, челоѣка пожилыхъ лѣтъ, полюбила Ивана Александровича Огнева, прѣхавшаго въ одинъ изъ нашихъ глухихъ уѣздовъ для собиранія статистическихъ свѣдѣній. Огневъ во все время своей командировки и дневалъ и ночевалъ въ усадьбѣ Кузнецова, нерѣдко бесѣдовалъ и совершалъ прогулки съ Вѣрой Гавриловной, не оказывая ей особеннаго вниманія, а между тѣмъ чувство любви къ нему не только заронилось въ грудь дѣвушки, но и постепенно разросталось, хотя оно съ ея стороны не было ничѣмъ обнаруживаемо. Наконецъ наступило время Огневу разстаться съ гостепріимнымъ кровомъ, и вотъ въ послѣднія минуты его пребыванія въ усадьбѣ совершенно неожиданно для него разыгралась исторія. Онъ уже простился съ старикомъ и направился въ городъ, какъ у садовой калитки повстрѣчался съ Вѣрою Гавриловною. «Они пошли по дорогѣ. Деревья не заслоняли простора и можно было видѣть небо и даль. Точно прикрытая вуалью, вся природа пряталась за прозрачную матовую дымку, сквозь которую весело смотрѣла ея красота; туманъ, что погуще и поблѣе, неравномѣрно ложился около копенъ и кустовъ, или клочьями бродилъ черезъ дорогу, жался къ землѣ и какъ будто старался не заслонять собой простора. Сквозь дымку видна была вся дорога до лѣса съ темными канавами по бокамъ и съ мелкими кустами, которые росли въ канавахъ и мѣшали бродить туманнымъ клочьямъ. Въ полуверстѣ отъ калитки темнѣла полоса кузнецовскаго лѣса». Долго шли молодые люди молча, если не считать незначительныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, которыми они перебрасы-

вались. Наконецъ они дошли до небольшого узкаго мостика, который находился въ 20 шагахъ отъ лѣса.

«Ну, вотъ и мостикъ! сказалъ Огневъ. Тутъ вамъ поворачивать назадъ... Вѣра остановилась и перевела духъ.

— Давайте посидимъ, сказала она, садясь на одинъ изъ столбиковъ.— Передъ отъѣздомъ, когда прощаются, обыкновенно всѣ садятся.

Огневъ примостился возлѣ нея на своей вязкѣ книгъ и продолжалъ говорить. Своими участливыми вопросами о состояніи ея здоровья и о причинѣ грусти, видимой, на ея лицѣ, Огневъ вызвалъ въ дѣвушкѣ признаніе, что она его любитъ. «Я... я люблю васъ!» и полилась неудержимымъ потокомъ ея горячая рѣчь, такъ долго таившаяся въ умѣ и сердцѣ; а онъ, сдержанный и холодный, нисколько не ожидавшій признаній, полный страха, чтобы не увлечься дѣвушкой, въ отвѣтъ на ея слова забормоталъ: «Я, Вѣра Гавриловна, очень благодаренъ вамъ, хотя чувствую, что ничѣмъ не заслужилъ такого... съ вашей стороны... чувства. Во-вторыхъ, какъ честный человѣкъ, я долженъ сказать, что... счастье основано на равновѣсіи, то-есть когда обѣ стороны ...одинаково любятъ... «Я васъ настолько уважаю, что ...мнѣ больно!»

Этого было достаточно для дѣвушки; она сразу поняла, что въ избранникѣ ея сердца нѣтъ ни искры любви къ ней — и всѣ мечты ея мгновенно разлетѣлись. Вѣра стала вдругъ серьезной, поблѣднѣла, поникла головой, рѣзко повернулась и быстро пошла назадъ къ усадьбѣ.

Огневъ послѣдовалъ за нею; на всѣ его жалкія слова она отвѣчала молчаніемъ, и только у калитки она мелькомъ взглянула на него и, согнувшись, кутаясь въ платокъ, быстро пошла по аллеѣ.

А Огневъ постарался убѣдить себя, что нельзя же насильно полюбить, и только тогда, «когда скрылась Вѣра, ему стало казаться, что онъ потерялъ что-то очень дорогое, близкое, чего уже не найти ему. Онъ чувствовалъ, что съ Вѣрой ускользнула

отъ него часть его молодости и что минуты, которыя онъ такъ бесплодно пережилъ, уже болѣе не повторятся».

Но этотъ проблескъ чувства у Огнева продолжался не долго; его быстро смѣнила себялюбивая разсудительность и, отыскивая причину своей холодности къ дѣвушкѣ, онъ незамѣтно дошелъ до города. «Войдя къ себѣ въ комнату, Иванъ Александровичъ опустился на постель и долго, долго глядѣлъ на огонь, потомъ встряхнулъ головой и сталъ укладываться». Вотъ сжатое содержаніе разсказа, изложеннаго авторомъ просто, тепло и психологически вѣрно: онъ сумѣлъ проникнуть въ тайникъ душевныхъ движеній двухъ выведенныхъ имъ дѣйствующихъ лицъ, и надо сказать съ большимъ искусствомъ и въ высшей степени правдоподобно — а въ этомъ заключается мастерство художника — изобразилъ борьбу, которая происходила въ душѣ дѣвушки, пока она не произнесла роковыхъ для нея словъ: «я васъ люблю».

Единственно въ чемъ можно упрекнуть автора, такъ это въ томъ, что онъ совершенно не коснулся отношеній Огнева къ Вѣрѣ Гавриловнѣ, предшествовавшихъ ея признанію, которое такимъ образомъ является совершенною неожиданностію. Вслѣдствіе этого и весь разсказъ представляется эпизодомъ, заимствованнымъ изъ цѣлой бытовой эпопеи, къ которому какъ-то искусственно приставлено вступленіе.

Къ числу удачныхъ психологическихъ этюдовъ можно также причислить «Несчастье». Главными дѣйствующими лицами въ немъ являются Софья Петровна Лубянцова, молодая красивая женщина, и присяжный повѣренный Ильинъ, старинный ея пріятель и сосѣдъ по дачѣ. Ильинъ упорно ухаживаетъ за Лубянцовой; она проситъ его оставить ее въ покоѣ, проситъ остаться друзьями; но всѣ ея доводы, всѣ ея просьбы ни къ чему не приводятъ. Мало по малу Лубянцова, незамѣтно для себя самой, увлекается Ильинымъ, но, желая остаться вѣрною и доброю матерью, ищетъ опоры у мужа, но ее не находитъ. Такимъ образомъ послѣдняя ея надежда рушилась, и она подъ вліяніемъ страсти вышла изъ дома. Непреодолимая сила гнала ее, она за-

дыхалась, сгорала отъ стыда, но то, что толкало ее впередъ, было сильнѣе и стыда ея, и разума, и страха. Ростъ страсти Лубянцовой къ Ильину, борьба между долгомъ и увлеченіемъ подмѣчены и переданы весьма вѣрно.

Нѣжная задушевность и особенная теплота чувства замѣчаются въ разсказѣ «Святою ночью». Содержаніе его не сложно, просто и состоитъ болѣе въ описаніи чѣмъ въ дѣйствіи. Авторъ пожелалъ переправиться черезъ рѣку Голтву въ монастырь, чтобы присутствовать при торжественномъ богослуженіи въ день Пасхи. При переѣздѣ на поромѣ черезъ рѣку, авторъ вступилъ въ разговоръ съ послушникомъ Іеронимомъ, на котораго возложена обязанность перевозчика. Іеронимъ между прочимъ сообщилъ о смерти іеродіакона Николая и въ грустномъ настроеніи отъ этой потери вспоминаетъ съ особенною любовію объ его прекрасныхъ качествахъ и добромъ сердцѣ. Въ числѣ другихъ качествъ покойникъ имѣлъ даръ писать акаѳисты, и въ доказательство этого и трудности ихъ составленія Іеронимъ приводитъ нѣсколько примѣровъ. «Нужно, чтобъ все было стройно, кратко и обстоятельно, говорилъ Іеронимъ. Надо, чтобъ въ каждой строчекѣ была мягкость, ласковость и нѣжность, чтобъ ни одного слова не было грубаго, жесткаго или несоотвѣтствующаго. Такъ надо писать, чтобъ молящійся сердцемъ радовался и плакалъ, а умомъ содрогался и въ трепетъ приходилъ. Въ Богородичномъ акаѳистѣ есть слова: «Радуйся, высоту неудобовосходимая человѣческими помыслы; радуйся, глубино неудобозримая и ангельскими очима!» Въ другомъ мѣстѣ того же акаѳиста сказано: «Радуйся, древо свѣтло плодовитое, отъ него же питаются вѣрніи; радуйся, древо благосѣннолиственное, имъ же покрываются мнози! Древо свѣтлоплодовитое... древо благосѣннолиственное»... Найдеть же такія слова! Дастъ же Господь такую способность! Для краткости много словъ и мыслей пригонитъ въ одно слово, и какъ это у него все выходитъ плавно и обстоятельно! «Свѣтоподательна свѣтильника сущимъ»... сказалъ въ акаѳистѣ къ Іисусу Сладчайшему. Свѣтоподательна! Слова та-

кого нѣтъ ни въ разговорѣ, ни въ книгахъ, а вѣдь придумалъ же его, нашелъ въ умѣ своемъ!» Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что такова и должна была быть рѣчь у послушника, проникнутаго благоговѣніемъ къ составителю акаѳистовъ. Изъ этого же разсказа приведу прекрасное описаніе Голтвы и ночи на Великій день: «Въ обыкновенное время Голтва представляетъ изъ себя рѣченку средней руки, молчаливую и задумчивую, кротко блистающую изъ-за густыхъ камышей, теперь же предомной разстилалось цѣлое озеро. Разгулявшаяся вѣшняя вода перешагнула оба берега и далеко затопила оба побережья, захвативъ огороды, сѣнокосы и болота, такъ что на водной поверхности не рѣдкость было встрѣтить одиноко торчащіе тополи и кусты, похожіе въ потемкахъ на суровые утесы».

«Было темно... Міръ освѣщался звѣздами, которыя всплошную усыпали все небо. Не помню, когда въ другое время я видѣлъ столько звѣздъ. Ради праздничнаго наряда вышли онѣ на небо всѣ до одной, отъ мала до велика, умытыя, обновленныя, радостныя, и всѣ до одной тихо шевелили своими лучами. Небо отражалось въ водѣ, звѣзды купались въ темной глубинѣ и дрожали вмѣстѣ съ легкой зыбью. Въ воздухѣ было тепло и тихо».

Не дурны также слѣдующіе разсказы, находящіеся въ разсматриваемомъ сборникѣ: «Мечты», въ которомъ дѣйствующими лицами являются не помнящій родства бродяга и двое сотскихъ его сопровождающихъ; «На судѣ» — вѣрный списокъ съ дѣйствительности, къ сожалѣнію какъ-то круто обрывающійся; «Кошмаръ», въ которомъ весьма рельефно очерчена фигура отца Якова, занимающаго мѣсто въ бѣдномъ приходѣ, едва доставляющемъ ему средства, чтобы не умереть съ голода. Находясь въ постоянной борьбѣ съ нуждою, отецъ Яковъ равнодушно выслушиваетъ предложеніе Кунина, молодаго человѣка, вернушагося изъ Петербурга въ свое Борисово, относительно заведенія церковно-приходской школы, является растеряннымъ отъ желанія скрыть свою бѣдность и вслѣдствіе этого едва не лишается мѣста и черстваго куска хлѣба.

Менѣе удачны рассказы: «Пустой случай», «Событіе» и «Вѣдьма». Въ этомъ послѣднемъ изображена неприглядная жизнь молодой дьячихи, которую мужъ считаетъ за вѣдьму, чѣмъ и объясняетъ поднявшуюся выюгу и пріѣздъ на почлегъ сбившейся съ дороги почты, сопровождаемой почталіономъ, радушно принятымъ дьячихой.

Подведу итогъ всему сказанному. Книга подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ» свидѣтельствуетъ о несомнѣнномъ талантѣ г. Чехова; въ рассказахъ, въ ней помѣщенныхъ, много наблюдательности и искренности; выведенныя въ нихъ лица отличаются жизненною правдою; встрѣчаются между рассказами художественно исполненные, но также дѣланые и придуманные («Вѣдьма»), растянутые («Простой случай») и безсодержательные («Событіе»); языкъ живой и правильный, хотя иногда попадаются неточныя и неправильныя выраженія, какъ напримѣръ: на травѣ висятъ тускляя, недобрыя слезы (стр. 3), прекрасно симулировалъ влюбленнаго (стр. 23), гдѣ бы я могъ сгодиться (стр. 25), и утерять для него навсегда свое реальное значеніе (стр. 83), внутри все сарайно (стр. 103), такова ужъ планида русскаго лица (стр. 134), когда я подъ столомъ пѣшкомъ ходилъ (стр. 146), большая шестиглавая церковь съ поржавленной крышей (стр. 163) и др.

Выше я привелъ нѣсколько прелестныхъ описаній природы; позволяю себѣ присоединить къ нимъ, въ доказательство умѣнья Чехова живописать природу и подмѣчать въ ней разнообразіе явленій, другое описаніе тумана изъ рассказа «Мечты».

«Путники давно уже идутъ, но никакъ не могутъ сойти съ небольшого клочка земли. Впереди ихъ сажень пять грязной, чернубурой дороги, позади столько же, а дальше, куда ни взглянешь, непроглядная стѣна бѣлаго тумана. Они идутъ, идутъ, но земля все та же, стѣна не ближе, и клочокъ остается клочкомъ. Мелькнетъ бѣлый, угловатый булыжникъ, буеракъ или охавка стѣна, оброненная проѣзжимъ, блеснетъ не надолго большая мутная лужа, а то вдругъ неожиданно впереди покажется тѣнь съ

неопредѣленными очертаніями; чѣмъ ближе къ ней, тѣмъ она меньше и темнѣе, еще ближе — и передъ путниками вырастаетъ погнувшійся верстовой столбъ съ потертой цифрой, или же жалкая березка, мокрая, голая, какъ придорожный нищій. Березка пролепечетъ что-то остатками своихъ желтыхъ листьевъ, одинъ листокъ сорвется и лѣнливо полетитъ къ землѣ... А тамъ опять туманъ, грязь, бурая трава по краямъ дороги».

Принимая во вниманіе достоинства сборника рассказовъ г. Чехова, подъ заглавіемъ «Въ сумеркахъ», я, несмотря на нѣкоторые въ нихъ недостатки, мною указанные, считаю его заслуживающимъ почетнаго отзыва и даже поощрительной преміи, если этому не будетъ препятствовать пунктъ б § 9 Правилъ.

Комиссія, усматривая изъ этой рецензіи, что рассказы г. Чехова, хотя и не вполне удовлетворяютъ требованіямъ высшей художественной критики, представляютъ однакоже выдающееся явленіе въ нашей современной беллетристической литературѣ, позволяющее надѣяться, что авторъ въ дальнѣйшемъ развитіи своего таланта сумѣетъ избѣжать отмѣченныхъ въ его трудѣ слабыхъ сторонъ, — нашла возможнымъ присудить ему половинную Пушкинскую премію.

III.

Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Спб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго).

Изъ всей группы важнѣйшихъ произведеній Мольера «Тартюфу» особенно посчастливилось въ русской литературѣ; переводы, подражанія и переложенія безостановочно слѣдуютъ одни за другими съ той поры, какъ этой пьесѣ пришлось украсить собой въ прошломъ столѣтіи (въ переводѣ Ивана Кропотова) репертуаръ только что зарождавшагося постояннаго русскаго театра. Одна изъ задачъ переводной работы, — ознакомленіе отечествен-

ной публики хотя бы въ общихъ чертахъ съ лучшими созданіями творчества другихъ народовъ, — въ данномъ случаѣ давно выполнена, и типъ Тартюффа, усвоенный и нашею словесностью, еще болѣе утвердился въ своемъ общечеловѣческомъ значеніи. Но въ то время, какъ переводы мольеровской комедіи, и стихотворные и прозаическіе, осуществляли эту задачу и въ болѣе или менѣе удачной формѣ передавали духъ пьесы, довольно непринужденно относясь къ тому, что считали второстепенными подробностями, изученіе мольеровскаго текста, объясненіе художественныхъ достоинствъ комедіи, ея соціальнаго значенія, ея связей съ личною исторіею автора такъ сильно подвинулись впередъ на Западѣ, что несовершенство «приблизительныхъ» переводовъ и слишкомъ поверхностнаго отношенія къ дѣлу стало особенно ощутительнымъ. Теперь уже недостаточно умѣнья передать въ легковзвучныхъ и остроумныхъ стихахъ довольно схожіи силуэты знаменитой комедіи. Критика въ правѣ предъявить ея перелagателю сложныя и вѣскія требованія.

Французскій языкъ 17-го вѣка во всей его своеобразности и въ частности языкъ Мольера (къ которому давно есть особые словари Женена, Ливе и др.) достаточно уже изслѣдованы, чтобы можно было ожидать отъ переводчика вполне точной передачи мольеровской мысли, юмора, оригинальныхъ слоговыхъ пріемовъ. Разнообразные и тонкіе оттѣнки въ діалогѣ, то притворно умиленномъ и смиренномъ въ рѣчахъ Тартюффа, то задорно бойкомъ въ устахъ Дорины, то полнымъ достоинства у Эльмиры, то искренно возмущенномъ въ рѣчахъ Клеанта, проявляютъ великое мастерство Мольера въ обрисовкѣ характеровъ, — и критика не удовлетворится однообразнымъ, хотя бы живымъ и комическимъ колоритомъ всѣхъ безъ исключенія рѣчей. Она давно отгадала, въ какихъ мѣстахъ пьесы всего полнѣе выразился замыселъ сатирика, его завѣтныя убѣжденія; она помнитъ, что нѣкоторыя особенно мѣткія изреченія стали всесвѣтными поговорками, что у другихъ выраженій, искусно заимствованныхъ и переработанныхъ, есть цѣлая литературная исторія, дѣлающая ихъ столь же

неприкосновенными, — и потребуетъ точной передачи всѣхъ подобныхъ выдающихся мѣстъ. Она располагаетъ достаточными данными для опредѣленія отношеній пьесы къ современной ей жизни, указывающими, на какія ея стороны, частныя явленія, даже отдѣльныя лица направлена была сатира; точно такъ же раскрытая теперь исторія гоненій, воздвигнутыхъ на пьесу, обозначила въ ней сочтенныя нѣкогда наиболѣе опасными и потому особенно заслуживающія обстоятельной передачи заявленія автора. Для полнаго пониманія «Тартюфа» всѣ эти историческія и общественныя черты столь же важны, какъ и художественныя красоты.

Несомнѣнная трудность сочетанія такого точнаго воспроизведенія пьесы съ прихотливыми требованіями стихотворной формы, конечно, не можетъ быть упущена изъ виду, но и ради нея критика не въ правѣ понизить или ослабить своихъ требованій; она сознаетъ, что и по отношенію къ подобному труду въ правѣ вмѣстить лишь тотъ, кто дѣйствительно вмѣститъ, и что новое переложеніе классическаго произведенія ни для кого не обязательно. Или передъ нами пьеса, потрясшая до основанія современное ей общество и занимающая почетное мѣсто въ лѣтописи просвѣтительнаго движенія, или это — заурядное произведеніе, съ которымъ особыя предосторожности излишни. Что сказали бы мы о переводѣ *Gore отъ ума*, въ которомъ благородный тонъ негодующихъ рѣчей Чацкаго былъ бы низведенъ до водевильной развязности, а заключительный монологъ третьяго акта или протестъ противъ сужденія «временъ очаковскихъ» были выпущены или ступшеваны до блѣднаго отпечатка? Между тѣмъ со многими изъ великихъ произведеній Мольера, въ которыя онъ также вложилъ всю свою душу, которыя (какъ именно «Тартюфа») онъ потомъ еще болѣзненнѣе выстрадалъ, обращаются часто нисколько не лучше. Наши переводчики Шекспира уже прониклись убѣжденіемъ въ необходимости постоянныхъ справокъ съ комментаторами и біографами, и ихъ работы значительно выше переложеній Мольера, въ которыхъ еще господствуетъ дилеттантизмъ, недостойный богатой и уважающей себя литературы.

Задача, поставленная себѣ г. Лихачевымъ, была такимъ образомъ далеко не изъ легкихъ. Выступая послѣ многихъ предшественниковъ переводчикомъ «Тартюффа», онъ повидимому не имѣлъ въ виду умножить только число легко читающихся переложений, но (судя по заботливой передачѣ многихъ мѣстъ) стремился облечь въ возможно болѣе безупречную русскую форму созданіе поэта, сохраняя духъ и сущность комедіи. Анализъ его работы покажетъ, въ какой степени онъ достигъ этой цѣли и выполнилъ выставленныя нами выше требованія исторической и художественной критики.

Очевидно, не послѣднюю заботу составляла выработка неприужденной разговорности слога; цѣль прекрасная, потому что въ подобныхъ случаяхъ у насъ часто встрѣчается какая-то чопорная размѣренность выраженій, какъ будто налагающая отпечатокъ псевдо-классической правильности на діалогъ Мольера, тогда какъ онъ на дѣлѣ гибокъ, свободенъ и рвется на встрѣчу живому народному говору. Въ общемъ эта цѣль достигнута: переводъ читается легко, діалогъ естественно и быстро развивается, что особенно пригодно будетъ при сценическомъ исполненіи. Но у этой жизненности и простоты есть, однако, обратная сторона: они развились въ ущербъ отмѣченному уже нами разнообразію оттѣнковъ, и кромѣ того носятъ скорѣе національно-русскій отпечатокъ. Уже въ мольеровскихъ переводахъ г. Минаева замѣтно было такое же стремленіе какъ бы обрусить оригиналъ; средствомъ для этого было выбрано усвоеніе грибоѣдовскаго стиха. Г. Лихачевъ идетъ по тому же пути (вотъ, на выдержку, слова Дамиса: «Ахъ, батюшка! Лишь васъ не доставало! Пожалуйте поближе: есть у насъ новинка свѣжая для васъ»). Иногда, какъ напримѣръ въ рѣчахъ субретки Дорины, этой родной сестры грибоѣдовской Лизы, это и не нарушаетъ правдивости тона, въ другихъ же случаяхъ часто вызываетъ впечатлѣніе, противоположное намѣреніямъ автора. Такъ Клеантъ задуманъ Мольеромъ не только какъ представитель здраваго смысла, потѣшающійся надъ ограниченностью и довѣрчивостью Оргона, и по временамъ вста-

вляющій острое слово; въ его защиту терпимости мнѣній, въ проводимое имъ тонкое разграниченіе истинной религіозности отъ ханжества, въ его негодованіе на козни лицемѣровъ авторъ намѣренно вложилъ глубокую серьезность убѣжденія, горячность возмущенной душевной порядочности; онъ сдѣлалъ его глашатаемъ новыхъ взглядовъ просвѣщеннаго меньшинства, и прежде всего выразителемъ мнѣній самого поэта. Не даромъ Оргонъ называетъ его строгимъ судьей, un oracle, un Caton dans le siècle où nous sommes» (слова, совсѣмъ не переведенныя г. Лихачевымъ). Въ переводѣ еще удержанъ болѣе достойный тонъ въ положительныхъ заявленіяхъ этого дѣйствующаго лица, хотя (какъ будетъ показано ниже) они почему-то значительно сокращены; въ остальныхъ же частяхъ своихъ роль эта сбивается скорѣе на типъ комическаго резонера, говорящаго колкости или издѣвающагося надъ чужою неумѣlostью:

Къ чему же крайности? И кто же виновать,
Что плуту въ руки ты попался?
Согласенъ я, жестоко ты нарвался...
Своей бѣдѣ никто не радъ...
Тартюффа и клани! При чемъ же здѣсь другіе?

говоритъ Клеантъ. Дамиса онъ старается образумить слѣдующими словами:

Постой, постой! Ты молодъ и горячъ...
Одумайся, поохладись немного—
И кулаки подальше спрячь!
Не тѣ, братъ, времена: за драку взыщутъ строго.

Когда же послѣ такихъ совѣтовъ, какъ будто взятыхъ изъ какой-нибудь комедіи Островскаго, Клеантъ вспоминаетъ о назначеніи своемъ, какъ моралиста, онъ выражается иногда темно и непонятно:

Къ чему? Скажите, ужъ не вы ли
Къ намъ посланы небеснымъ палачомъ?

Въ нѣсколько меньшей степени тотъ же недостатокъ,—какое-то пониженіе тона роли, замѣтенъ и въ описовкѣ переводчикомъ Эльмиры. Мольеръ хотѣлъ показать въ ней гармонически уравновѣшенную, полную женственности натуру; Эльмира развита не по своей средѣ, вполне подъ стать своему брату Клеанту; она поняла ничтожность мужа, но во имя долга сноситъ его капризы, недовольство свекрови и трудное положеніе молодой мачехи при взрослыхъ дѣтяхъ; на вынужденное кокетство съ Тартюфомъ она идетъ, едва осиливая чувство брезгливости. Ея оговорки передъ сценой послѣдняго объясненія съ лицомъ-бромъ (актъ IV, сц. 4) живо рисуютъ ея встревоженную стыдливость. Лишь приблизительно переданы въ переводѣ всѣ эти черты характера, и въ разговорѣ Оргона съ Эльмирой незамѣтно коренного различія между ихъ личностями и уровнемъ развитія. Въ складѣ рѣчей Оргона болѣе соответствія съ подлинникомъ, хотя можно бы пожелать, чтобъ и комизмъ этого упрямаго простака не доходилъ до слишкомъ потѣшной крайности. Съ одной стороны не нужно забывать, что Оргонъ вовсе не первый попавшійся зажиточный мѣщанинъ, замкнутый въ своемъ узкомъ міркѣ: повидимому онъ только что покинулъ службу и своимъ поведеніемъ во время междоусобій обратилъ на себя особое вниманіе короля. Долженъ же быть какой-нибудь отгѣнокъ между нимъ и комическимъ старикомъ италіанской *commedia dell'arte*! Съ другой стороны въ томъ же характерѣ, который своими проявленіями часто вызываетъ усмѣшку, необходимо оставить какой ни на есть уголокъ чувству набожности, на которое подѣйствовалъ Тартюффъ и тѣмъ плѣнилъ его; усиливая комическія краски, рискуешь сдѣлать непонятнымъ это увлеченіе, на которомъ собственно зиждется вся пьеса.

Въ передачѣ рѣчей самого Тартюффа, конечно, главное вниманіе должно быть обращено на усвоеніе особенностей клерикальнаго *жаргона* семнадцатаго вѣка. Мольеръ не вложилъ въ уста своего героя только вообще сообразныя съ его характеромъ выраженія, а надѣлилъ его всѣми приемами современнаго піэтизма, цѣломудреннымъ жеманствомъ шайки святошъ, съ ко-

торой боролся, и любимыми словечками іезуитскихъ брошюръ, которыя осмѣивалъ. У Тартюффа не сходятъ съ устъ упоминанія о Небѣ (*le Ciel*), часто поставленныя въ совершенно неожиданныя и неподходящія сочетанія; онъ вѣчно въ борьбѣ съ грѣхомъ, «умерщвляетъ свою плоть», ссылается на высшія велѣнія, говоритъ о готовности на самозакланіе;—когда же нужно «войти съ Небомъ въ сдѣлку» и оправдать грѣхъ, онъ опять почерпаетъ готовые сентенціи изъ правоучительныхъ книгъ отталкивающаго фарисейскаго направленія. Подобно Паскалю, Мольеръ старательно изучилъ ихъ и превосходно подражалъ ихъ слогу. Всѣ эти черты, важныя сами по себѣ, должны быть сохранены въ переводѣ уже потому, что отъ Тартюффа перешли и на его клеветовъ и на невинную его жертву и стали такимъ образомъ отличительнымъ признакомъ цѣлой группы лицъ. Слуга инокрита говоритъ (по словамъ Дорины) въ томъ же духѣ; судебный приставъ *Loyal*, очевидно, одинъ изъ членовъ той же всюду развѣтвившейся *кабалы*, является съ медоточивыми извиненіями выгонять Оргона изъ дому; Дорину онъ величаетъ «своею сестрою», точно монахиню; уходя, онъ оставляетъ повѣстку, возглашая *«le Ciel vous tiennent tous en joie!»* Оргонъ также не отстаетъ отъ Тартюффа въ этомъ отношеніи; въ отвѣтъ на отчаянное заявленіе дочери, что она скорѣе пойдеть въ монастырь, чѣмъ замужъ за посылкаго человѣка, онъ рѣшается, что она должна «умертвить плоть свою (*mortifier ses sens*) этимъ бракомъ.

Переводчикъ далеко не всегда обращалъ вниманіе на этотъ тонкій умыселъ автора. Тамъ, гдѣ клерикальныя ужимки проявлялись у второстепенныхъ лицъ, онъ ихъ не подчеркивалъ; такъ *Loyal* уходитъ со сцены безъ всякаго ханжескаго восклицанія, а появляется на ней съ развязностью опытнаго пристава: «Здорово, душенька! Я съ бариномъ твоимъ увидѣться бъ хотѣлъ», говоритъ онъ. Оргонъ вовсе не упоминаетъ о наказаніи плоти, да и самый глаголъ *mortifier*, пропущенный здѣсь, въ другомъ случаѣ (актъ III, сд. 6) понятъ былъ переводчикомъ въ

смыслѣ полного умерщвленія человѣка («паду я мертвый передъ вами» = *le Ciel me veut mortifier en cette occasion*). Языкъ са-
мого Тартюффа гораздо тщательнѣе отдѣланъ (напримѣръ въ
концѣ III акта, гдѣ сцена съ Оргономъ и Дамисомъ очень
жива),—но именно тамъ, гдѣ всего выпуклѣе долженъ былъ бы
выступить его клерикальный пошибъ, на смѣну его явилась нѣ-
сколько напыщенная риторика или любовная горячность, безъ
отличительныхъ чертъ, напоминающихъ о влюбленномъ святошѣ.
Въ большинствѣ случаевъ упоминанія о Небѣ выпущены; врядъ
ли при этомъ вліяли причины цензурнаго свойства, такъ какъ
иногда они оставлены безъ измѣненія. Благодаря этому, когда
Эльмира съ укоромъ замѣчаетъ Тартюффу въ отвѣтъ на при-
знаніе въ любви: «А небеса вамъ не страшны? О нихъ *такъ*
часто вы твердите», это поражаетъ своимъ противорѣчіемъ
дѣйствительности. Съ упоминаніями о Небѣ, часто устраненными
и изъ рѣчей другихъ дѣйствующихъ лицъ далеко не клерикаль-
наго направленія (напр. Дорины, актъ I, сц. 1), отпали и указа-
нія на дорогіе для Тартюффа авторитеты, наприм. на книгу
іезуита Рибаданейры «*Les fleurs de la vie des saints et des fêtes*
de toute l'année», изъ которой слуга нашего ханжи, подражая
господину, съ негодованіемъ выбросилъ женскій платочекъ
(актъ I, сц. 2, стихи 207—210, совѣмъ не переведенные);
весьма скромный намекъ на необходимость пойти на молитву
(*certain devoir pieux me demande là-haut*) замѣненъ неопредѣлен-
нымъ указаніемъ на «священный долгъ», зовущій Тартюффа;
Оргонъ не упоминаетъ вовсе о томъ, что при первыхъ своихъ
встрѣчахъ съ нимъ въ церкви¹⁾, лицемѣръ всегда спѣшилъ послѣ
обѣдни къ паперти, чтобъ предложить ему святой воды; въ

¹⁾ Осторожность переводчика, быть можетъ, вынужденная, побудила его
устранить въ сц. 2-й второго акта даже упоминаніе о хожденіи въ церковь.
Оргонъ считаетъ Валера *un peu libertin*; *je ne remarque pas qu'il hante*
les églises, говоритъ онъ. Въ переводѣ: онъ *широко* и вообще... не нашихъ
убѣждений». Замѣтимъ кстати, что слово *libertin* въ 17 вѣкѣ прежде всего
означало вольнодумца, на что и указываетъ Оргонъ.

страстномъ признаніи Эльмирѣ (актъ III, сд. 3) Тартюфѣ не увѣряетъ ея, что «любовь превозмогла все, и постъ, и молитвы, и слезы». Не говоримъ уже о томъ возгласѣ (*O Ciel, pardonne lui la douleur qu'il me donne*, или по первоначальной редакціи «*pardonne lui comme je lui pardonne*, актъ III, сд. 7), въ которомъ еще въ дни Мольера видѣли извращеніе одного изъ прошений Молитвы Господней. Это мѣсто очень ослаблено въ переводѣ — «Да низпошлетъ ему Господь свое прощенье». Подобно этому и извѣстное вступленіе къ роли Тартюфа, — тѣ слова, которыя онъ произноситъ за сценой своему слугѣ и которыя сразу знакомятъ насъ съ его характеромъ:

Laurent, serrez ma haire avec ma discipline
Et priez que toujours le Ciel vous illumine,
Si l'on vient pour me voir, je vais aux prisonniers
Des aumônes que j'ai partager les deniers,

Это вступленіе передано какимъ-то дѣловымъ тономъ, въ которомъ вовсе не слышится смиренномудрія притворщика:

Я кончилъ, да... спрячь плеть и власяницу
И будь благословенъ! а если спросить кто,
Скажи, что я отправился въ темницу
Раздать несчастнымъ кое-что.

Исключеніе составили бы слова *и будь благословенъ!* Но текстъ вовсе не даетъ этого смысла. Тартюфѣ совѣтуетъ самому слугѣ молиться о томъ, чтобъ Небо его вразумило, и вовсе не имѣетъ поводовъ призывать благословеніе свыше на его голову.

Изъ наиболѣе выдающихся выраженій, давно завоевавшихъ себѣ міровую славу и, казалось бы, «на вѣки нерушимыхъ», нѣкоторыя утратили при передачѣ часть своей силы и значенія, или же вовсе опущены.

Et c'est en nous qu'on trouve, acceptant notre cœur,
De l'amour sans scandale et du plaisir sans peur,

говорить Тартюффа отъ лица монаховъ-сластолюбцевъ, и въ его словахъ отражается вліяніе извѣстной 13-й сатиры Матюрена Ренье (*Macette*), въ этомъ мѣстѣ, и въ нѣкоторыхъ другихъ частностяхъ обоихъ любовныхъ объясненій Тартюффа близко сходящейся въ выраженіяхъ съ молюеровскимъ текстомъ. Лишь отдаленный отголосокъ высказанной тутъ мысли слышится въ переводѣ:

Храня себя, мы охраняемъ васъ,
И потому любить безъ страха можно насъ.

То же можно сказать и объ измѣненіи другого столь же важнаго мѣста, — хитроумныхъ разъясненій лицемѣра относительно возможности, сдѣлокъ съ Небомъ». Молюеръ съ замѣчательною для своего времени смѣлостью бичевалъ тутъ со сцены іезуитскую изворотливость въ вопросахъ нравственности, видимо опираясь на обширную эрудицію Паскаля, и пользовался его *Lettres à un provincial* (въ данномъ случаѣ именно седьмымъ письмомъ). Каждое слово имѣетъ важное значеніе и обязательно должно быть переведено:

Le ciel défend, de vrai, certains contentements,
Mais on trouve avec lui des accommodements;
Selon divers besoins il est une science
D'étendre les liens de notre conscience
Et de rectifier le mal de l'action
Par la pureté de notre intention.

De ces secrets, madame, on saura vous instruire, прибавляетъ Тартюффа, прямо заявляя, что онъ одинъ изъ тѣхъ, что владѣютъ этою таинственною и необыкновенно удобною теоріею морали. Г. Лихачевъ перенесъ лукавые совѣты молюеровскаго героя изъ міра клерикальнаго въ сферу общечеловѣческихъ «грѣшковъ». Въ переводѣ говорится о «высшихъ законахъ, отъ которыхъ на жизненномъ пути мы встрѣчаемъ не малыя препоны», что ихъ нетрудно обойти и что

Для случаевъ такихъ особою сноровкой
 Давнымъ-давно владѣть *родъ людской*
 И грѣшныя дѣла *онъ* очень ловко
 Мирить съ душевной чистотой.

Если число ослабленныхъ переводомъ типическихъ и глубоко
 содержательныхъ выраженій вообще не велико, часто прихо-
 дится жалѣть о совершенномъ пропускѣ подобныхъ мѣсть. Такъ
 мы не находимъ извѣстнаго оборота, перешедшаго къ Мольеру
 отъ Ренье (хотя, быть можетъ, употреблявшагося и раньше) и
 давно ставшаго поговоркой: «elle est prude à son corps défen-
 dant»; не встрѣтимъ и взятаго у Паскаля мѣткаго замѣчанія
 (I актъ, 5 сцена): «leur passion dont on leur sait bon gré veut
 nous assassiner avec un fer sacré». Въ четвертой сценѣ I акта,
 когда Оргонъ разспрашиваетъ Дорину о томъ, что дѣлалъ безъ
 него его гость, и отвѣчаетъ на каждую новость извѣстнымъ
 восклицаніемъ *le pauvre homme!* Дорина незамѣтно набрасы-
 ваетъ портретъ Тартюффа. Гѣте удивлялся мастерству Мольера,
 сумѣвшаго познакомить зрителя съ героемъ пьесы, несмотря
 на то, что онъ появляется лишь съ третьяго акта; упомянутая
 сцена одна изъ важныхъ именно въ этомъ отношеніи.

Tartuffe? Il se porte à merveille
 Gros et gras, le teint frais et la bouche vermeille,

говорить Дорина и этимъ даетъ кстати полезное указаніе испол-
 нителямъ роли, вообще нѣсколько склоннымъ изображать Тар-
 тюффа изможденнымъ и отталкивающимъ.

Тартюфъ? И спрашивать напрасно...

Ему ли здѣсь живется не прекрасно!

читаемъ въ переводѣ; изображеніе внѣшности лицомъбра совсѣмъ
 пропало. А Дорина все продолжаетъ:

Il soupa, lui tout seul, devant elle
 Et fort dévotement il mangea deux perdrix.

Послѣднія слова безъ причины выпущены, и опять остался только одинъ незначительный фактъ. Но и дальше, по странной случайности все въ той же роли Дорины, вообще переданной весьма удачно, не мало пропусковъ. Такъ во 2-й сценѣ II акта пропущено вошедшее въ поговорку восклицаніе: «Ah! vous êtes dévot, et vous vous emportez!», а во 2-й сценѣ III акта ея выхода противъ Тартюффа, смутившагося при видѣ ея полуобнаженной шеи:

Et je vous verrois nu du haut jusques en bas,
Que toute votre peau ne me tenteroit pas.

Предшествовавшій переводчикъ мольеровской комедіи, г. Минаевъ, нашелъ возможнымъ удержать это мѣсто.

Переходя къ пропускамъ не отдѣльныхъ только выраженій, а болѣе обширныхъ и важныхъ для пониманія пьесы мѣстъ, укажемъ прежде всего на странное исчезновеніе одного лица, если не прямо дѣйствующаго передъ зрителемъ, то все время находящагося отъ него по близости и очень прикосновеннаго къ ходу интриги, — именно слуги Тартюффа, Лорана. Объ немъ идетъ рѣчь съ первой же сцены; по словамъ субретки, онъ тоже, подобно своему господину, проповѣдуетъ между челядью; изъ разсказа Оргона узнаемъ, что при посредствѣ Лорана онъ вошелъ въ сношенія съ Тартюффомъ и развѣдалъ у слуги все касающееся этого святого человѣка; черезъ него (актъ III, сц. 1) Дорина передаетъ Тартюффу приглашеніе Эльмиры и узнаетъ отъ лакея, что въ эту минуту притворщикъ молится; къ Лорану обращается наконецъ и Тартюффъ при первомъ своемъ появленіи на сценѣ, поручая запереть власяницу. Мольеръ, повидимому заимствовавшій характеръ этого слуги изъ новеллы Скаррона, которая считается однимъ изъ источниковъ комедіи, желалъ намекнуть на то, что и хозяинъ и слуга — члены одной и той же шайки, и что они лишь для виду играютъ свои роли повелителя и подчиненнаго. Переводчикъ совершенно пренебрегъ этою частностью плана комедіи; опустивъ даже самое имя Лорана, онъ

последовательно выключалъ все, что связано было въ пьесѣ съ его личностью; остается, напримѣръ, совсѣмъ неизвѣстнымъ, кому даетъ Тартюфъ приказъ о власяницѣ и кого хочетъ благословить.

Рядомъ съ этимъ пропускомъ можетъ показаться маловажнымъ тотъ, который находимъ въ третьей сценѣ 2-го акта, въ разговорѣ опечаленной отцовскимъ упрямствомъ Маріаны съ Дориной, которая сначала подсмѣивается надъ безпомощностью своей барышни, потомъ смягчается и берется помогать влюбленнымъ. Мимоходомъ введена прелестная картинка заснувшей провинціальной глуши, куда, по словамъ Дорины, Тартюфъ непременно увезетъ ея госпожу послѣ свадьбы; въ десяти стихахъ очерченъ этотъ дремлющій мірокъ съ его интересами, увеселеніями, визитами, множествомъ родственныхъ связей, уѣзднымъ «большимъ свѣтомъ». Это мѣсто требовало, конечно, очень осмотрительнаго перевода и справокъ съ подробностями быта того времени. Приведемъ примѣръ:

Vous irez visiter pour votre bienvenue
Madame la baillive et madame l'élue,
Qui d'un siège pliant vous feront honorer.
Là dans le carnaval vous pourrez espérer
Le bal et la grand'bande, à savoir deux musettes
Et parfois Fagotin, et les marionnettes.

Всѣ эти подробности сжаты въ слѣдующихъ стихахъ:

Тамъ — имя знатное всѣ двери намъ отворить,
Всѣ кумушки радушно примутъ васъ
И сплетнями (?) опутаютъ тотчасъ —
И заживете вы...

Но, постепенно восходя отъ пропусковъ отдѣльныхъ выражений къ устраненію болѣе значительныхъ частностей комедіи, мы остановимся теперь на вызывающемъ особое недоумѣніе

фактъ обширныхъ пробѣловъ, выпавшихъ на долю весьма важныхъ сценъ. Пропуски этого рода распадаются на два отдѣла: одинъ изъ нихъ составляютъ болѣе или менѣе шекотливыя мѣста, касающіяся вопросовъ церкви и религіи, другой — такія же неудобныя мѣста, окрашенные политическимъ содержаніемъ. И тѣхъ и другихъ пропусковъ такъ много и они такъ послѣдовательны, что наводятъ мысль на цензурныя затрудненія, которыя, какъ уже было показано выше, приходилось предполагать и относительно отдѣльныхъ словъ. Если это дѣйствительно вліяло въ данномъ случаѣ, входитъ въ сужденіе о вызванныхъ тѣмъ пробѣлахъ становится неумѣстно. Переводчикъ въ правѣ сослаться на обстоятельства, не отъ него зависѣвшія. Но, на нашъ взглядъ, изъ возможности такого неблагопріятнаго вліянія вытекаетъ практическое указаніе, которое мы позволяемъ себѣ предложить на усмотрѣніе Второго Отдѣленія Академіи. Въ представляемыхъ для соисканія преміи переводахъ классическихъ произведеній могутъ и впредь встрѣчаться подобные же цензурные пропуски, нарушая цѣльность впечатлѣнія и оцѣнки. Для избѣжанія этого неудобства можно бы требовать отъ переводчиковъ приложенія въ рукописи всѣхъ тѣхъ мѣстъ, которыя нашло нужнымъ выпустить то или другое цензурное вѣдомство (въ настоящемъ случаѣ кромѣ общей цензуры, быть можетъ, и цензура театральная).

Сличеніе перевода г. Лихачева со стороны полноты съ предшествующимъ ему переводомъ г. Минаева показываетъ, однако, что три года назадъ (трудъ г. Минаева появился въ 1884 г. въ Собраніи сочиненій Мольера въ руск. пер., изд. Бакста, книга г. Лихачева помѣчена 1887 годомъ) многія изъ мѣстъ, нынѣ опущенныхъ, считались неопасными. Пришлось бы предположить большую измѣнчивость во взглядахъ цензуры на вопросы, которые въ данномъ случаѣ не имѣютъ никакого соотношенія съ русскою жизнью, не нарушаютъ уваженія къ существующему въ ней порядку, что было бы и странно въ пьесѣ, кончающейся апофеозомъ королевской власти. Если же устранить

это предположеніе, останется допустить личное усмотрѣніе переводчика, неумышленно повредившаго завѣтной сущности произведенія.

Въ такомъ неясномъ, двойственномъ свѣтѣ представляется намъ слѣдующій рядъ пропусковъ.

Опущены прежде всего многіе изъ разсужденій Клеанта объ истинной и ложной набожности (актъ I, сцена 6-я), особенно тщательно разработанныя Мольеромъ съ цѣлью сполна высказать его взглядъ на этотъ скользкій вопросъ, предотвратить обвиненія въ кощунствѣ и облегчить появленіе пьесы на сценѣ. Клеантъ горячо беретъ подъ свою защиту истинно набожныхъ людей (*voilà mes gens*, говоритъ онъ), называетъ даже нѣкоторыхъ по именамъ (подъ которыми въ свое время публика, вѣроятно, легко узнавала подлинныя лица): «regardez Ariston, regardez Périandre, Oronte, Alcidas» и т. д. Въ противоположность этимъ *vrais dévots* рѣзко очерчены лицемеры, торгующіе набожностью; здѣсь опять масса превосходныхъ чертъ, украшающихъ комедію (наприм. «*brûlants et priants, ils demandent chaque jour, et prêchent la retraite au milieu de la cour*») и относимыхъ къ личностямъ изъ придворнаго и церковнаго быта того времени, особенно къ отѣнскому епископу Рокетту. Въ переводѣ еще уцѣлѣли нѣкоторыя сатирическія подробности (только что приведенная нами почему-то опущена), за то почти все положительное въ рѣчахъ Клеанта, этого моралиста пьесы, оставлено безъ передачи; благодаря этому въ упомянутой сценѣ перваго акта эти рѣчи сокращены почти на половину (45 стиховъ осталось изъ 85-ти). Въ семнадцатомъ вѣкѣ, правда, сильно возставали и противъ положительныхъ заявленій въ пользу религіи, если они дѣлаются въ театрѣ; древнее воззрѣніе на театръ, какъ на школу грѣха и порока, все еще держалось тогда въ умахъ, и самое смѣшеніе религіозности съ лживымъ духомъ сцены казалось уже оскорбленіемъ вѣры. Врядъ ли можно предположить въ настоящее время вліяніе такихъ соображеній. — Если же урѣзки сдѣланы въ интересахъ большей сценичности пьесы, то

переводчику можно сдѣлать упрекъ въ томъ, что онъ не прибѣгнулъ въ виду этого къ способу, давно уже употребляющемуся на Западѣ (наприм. въ Англіи, гдѣ онъ примѣненъ въ выходящемъ теперь изданіи «The Henry Irving Shakspeare»), — обозначенію чертами, скобками или другими знаками тѣхъ мѣстъ, которыя опускаются при представленіи на сценѣ. Теперь же безъ всякой видимой причины устранены прекрасные стихи, чуждые избитой, прѣсной морали, мысли и образы, имѣющіе положительныя художественныя и нравственныя достоинства.

Урѣзки этого рода идутъ далѣе. Въ 1-й сценѣ V акта, когда во время тревожнаго совѣщанія Клеанта съ Оргономъ опять возобновляется рѣчь объ истинной набожности и добродѣтели, встрѣчаемъ такіе же пропуски. Въ связи съ подробной характеристикой тѣхъ людей, которыхъ дѣйствительно можно назвать вѣрующими, находится и опредѣленіе нравственной порядочности, вытекающее изъ оживленныхъ пререканій между всѣми молодыми обитателями Оргонова дома съ одной стороны и ворчливой, недалекой Пернеллой, безусловно поклоняющеюся Тартюффу (актъ I, сц. 1). Хотя рѣчь идетъ здѣсь всего болѣе объ излишней требовательности свѣтскаго суда и лицемеріи общества, сурово порицающаго явно то, что оно само съ увлеченіемъ творить втайнѣ, — несомнѣнно, что и въ этомъ случаѣ сатира направлена противъ одного изъ оттѣнковъ того же господствующаго порока, ханжества. Въ пылу спора набрасываются портреты цѣломудренныхъ судей и жрицъ свѣтской нравственности, которые смолу грѣшили, а потомъ, утративъ способность къ тому, превратились въ неумолимыхъ обличителей, «руководимыхъ не благомъ людскимъ, а тайною завистью». Такова Оранта, ярко очерченная Дориной; это несомнѣнно первый эскизъ одного изъ лучшихъ женскихъ характеровъ у Мольера, — Арсиной въ *Мизантропѣ*. Но въ переводѣ нѣтъ ни ея, ни даже такихъ совѣтъ уже невинныхъ сплетниковъ, какъ «Daphné, notre voisine, et son petit mari», удостоенные не менѣе остроумной характеристики. Нѣтъ именъ, нѣтъ и сущности обличенія. Все сказано сокращенно, въ

двухъ словахъ. По крайней мѣрѣ тутъ уже не могло быть и рѣчи о цензурныхъ соображеніяхъ.

Если они были приняты въ расчетъ въ той группѣ пропущенныхъ мѣстъ, которыя имѣютъ отличительно политическое содержаніе, то объ этомъ столь же можно пожалѣть, какъ и объ устраненіи разсужденій религіознаго свойства. Заднимъ фономъ траги-комическаго происшествія, разыгравшагося въ домѣ Оргона, служитъ только что окончившаяся война фронды. Оргонъ принималъ въ ней участіе, стоя за короля; другъ его Аргасъ принадлежалъ къ мятежной партіи, принужденъ былъ бѣжать и оставилъ Оргону шкатулку съ важными въ политическомъ отношеніи бумагами. Оргонъ неосторожно проговорился объ этомъ Тартюффу, еще неосторожиѣ отдалъ ему шкатулку на сбереженіе, и послѣ разрыва трепещетъ, ожидая доноса и уликъ въ государственномъ преступленіи. Но посланный отъ короля объявляетъ ему прощеніе, въ награду за «прежніе заслуги». Весь пятый актъ комедіи основанъ на этомъ придаточномъ отдѣлѣ сюжета, раскрывающемъ еще одну изъ главныхъ чертъ порочности Тартюффа, прикрывающагося на этотъ разъ рвеніемъ вѣрноподаннаго и не отступающаго передъ завѣдомо ложнымъ доносомъ. Тревога Оргона изъ-за этого обстоятельства чуть не равносильна горю объ уtratѣ имущества, безразсудно подареннаго имъ Тартюффу.

Вся эта сторона пьесы ступсевалась въ новомъ переводѣ. О междоусобіяхъ и роли Оргона въ нихъ нѣтъ ни слова; отношеніе къ политическимъ событіямъ устранено, и вслѣдствіе этого стала непонятна и сильная боязнь Оргона и внезапное его прощеніе королемъ:

Вотъ видишь ли... Ее на сохраненіе
Оставилъ мнѣ одинъ бѣжавшій другъ,
А въ ней бумаги... Ну? Мое-то положеніе?
Ты понимаешь? Если вдругъ...

говорить какими-то намеками Оргонъ Клеанту, и зритель такъ и

не узнаеть, *какія* это бумаги (у Мольера—«ce sont des papiers, à ce qu'il m'a pu dire, où sa vie et ses biens se trouvaient engagés»), чѣмъ провинился другъ; исчезло даже его имя. То же измѣненіе произошло и съ сообщеніемъ Валера о томъ, что доносъ уже сдѣланъ (V актъ, 6 сцена). Здѣсь мы узнаемъ, что дѣло идетъ о «d'un criminel d'Etat l'importante cassette, dont, au mépris, dit-il, du devoir d'un sujet, vous avez conservé le coupable secret»; говорится о *данномъ уже* приказѣ арестовать Оргона и о томъ, что Тартюффу *для лучшаго исполненія приказа* поручено сопровождать посланнаго.

Въ русскомъ переводѣ Валеръ говорить:

Что сдѣлалъ онъ на васъ доносъ,
Представилъ тамъ *какія-то* бумаги—
И что приказъ уже готовъ
О томъ, чтобъ заключить подъ стражу васъ.

О бѣжавшемъ государственномъ преступникѣ ни слова. Значеніе бумагъ, способныхъ вызвать такую строгость, остается и тутъ неразъясненнымъ, а выпускъ послѣднихъ двухъ стиховъ сдѣлалъ непонятнымъ появленіе въ слѣдующей же сценѣ Тартюффа вмѣстѣ съ exempt de police.

Даже съ завершающею комедію рѣчь Тартюффа произошло не мало измѣненій въ переводѣ, хотя, казалось бы, она всего менѣе должна бы подвергнуться подобной опасности. Искусно ли придумалъ развязку Мольеръ, — объ этомъ мнѣнія могутъ расходиться. Но во всякомъ случаѣ ее слѣдовало передать сполна такую, какъ она была написана поэтомъ. На ней лежитъ живой отпечатокъ времени и условій, среди которыхъ приходилось развиваться литературѣ; она важна также и въ исторіи мытарствъ, вынесенныхъ пьесой. Г. Лихачевъ, однако, сократилъ ее на половину (20 стиховъ вмѣсто 41-го), причемъ отпало и косвенное напоминаніе Людовику XIV о необходимости заступничества за гонимыхъ честныхъ людей, и разсужденія, предвѣщающія теорію прошлаго вѣка о «просвѣщенномъ деспотизмѣ», и мотивы

королевскаго рѣшенія, и приказъ отнять у Тартюффа дарственную запись, и упоминаніе о прежнихъ заслугахъ Оргона. Даже слово *король* всюду заботливо замѣнено совсѣмъ непонятнымъ *принцъ*, составляющимъ буквальную передачу французскаго *prince*, столь же обозначающаго и князя, и государя вообще. Стушевывать здѣсь краски было излишне, и потому, что до сихъ поръ всѣ переводчики отваживались упоминать именно о Людовикѣ XIV, и еще болѣе потому, что исторія «Тартюффа» у всѣхъ передъ глазами, и нѣтъ никакого повода закрывать таинственною завѣсой то, что слишкомъ два вѣка составляетъ достояніе всего образованнаго свѣта.

Сводя къ общимъ выводамъ свои замѣчанія о переводѣ г. Лихачева, мы выразимъ сожалѣніе о томъ, что, несмотря на видимое желаніе переводчика возможно полнѣе и вѣрнѣе передать мольеровскій текстъ, онъ недостаточно изучилъ литературу предмета, не всегда принималъ въ расчетъ указанія надежнѣйшихъ комментаторовъ (особенно Поля Менара), и иногда, какъ было показано, неосторожно нарушалъ связи произведенія съ глубоко обдуманномъ замысломъ поэта, съ его средой, съ предшествовавшей и современной ему литературой, — тѣ связи, которыя составляютъ живительный нервъ сатирическаго произведенія. Можно пожалѣть также объ указанномъ нами пониженіи тона діалога (не доходящемъ, однако, нигдѣ до вульгарности), и объ излишнемъ обрусеніи слоговыхъ оборотовъ. Вопросъ о пропускахъ былъ бы всего важнѣе при опредѣленіи достоинства перевода, но большая правдоподобность сторонняго вмѣшательства и независящихъ отъ писателя обстоятельствъ парализуетъ это невыгодное впечатлѣніе. Вообще же, сравнительно съ другими переводами «Тартюффа», это все-таки лучшій и вѣрнѣйшій; въ немъ есть довольно обширныя части, — на примѣръ почти весь второй актъ, — противъ которыхъ можно сдѣлать лишь незначительныя возраженія. Въ противоположность немногимъ неудачно выраженнымъ по-русски типическимъ, чисто-мольеровскимъ красотамъ можно бы привести рядъ счастливо и мѣтко

придуманныхъ оборотовъ¹⁾. При очевидномъ умѣніи г. Лихачева владѣть слогомъ, его переводъ, подвергнувшись нѣсколькимъ легкимъ измѣненіямъ, способенъ былъ бы удовлетворить строгимъ требованіямъ.

Находя, согласно съ этимъ отзывомъ, что трудъ г. Лихачева, несмотря на указанные въ немъ недостатки, представляетъ и несомнѣнные достоинства, комиссія опредѣлила удостоить его почетнаго отзыва.

IV.

Этимъ мы, по принятому нами правилу, могли бы и закончить нашъ отчетъ о нынѣшнемъ присужденіи пушкинскихъ премій; но по поводу представленныхъ на бывшій конкурсъ двухъ сборниковъ стихотвореній мы получили, по нашей просьбѣ, отъ Н. Н. Стрхова статью, изъ которой, вовсе не касаясь разбора самыхъ этихъ сборниковъ, считаемъ полезнымъ сообщить здѣсь нѣсколько замѣчаній, съ которыми не можемъ не согласиться.

Почтенный авторъ статьи задаетъ себѣ вопросъ: въ какомъ положеніи находится наше стихотворство, тотъ родъ писаній, который называется поэзіею въ тѣсномъ смыслѣ?

Вспоминая послѣднія тридцать лѣтъ, нельзя не подивиться странной судьбѣ стиховъ въ нашей литературѣ. Николаевское время, именно конецъ сороковыхъ и начало пятидесятихъ годовъ, дало намъ нѣсколько поэтовъ составляющихъ дѣйствительное украшеніе нашей литературы. Изъ нихъ особенно извѣстенъ знаменитый триумвиратъ Майкова, Полонскаго и Фета, къ нашей

¹⁾ Напримѣръ «Большой соблазнъ — грѣшить въ глазахъ у всѣхъ, Но тайный грѣхъ — какой же это грѣхъ?» (Le scandale du monde est ce qui fait l'offense, Et ce n'est pas pécher que pécher en silence). — «Ну, да! я набоженъ — такъ что жъ? Вѣдь я — и человѣкъ» (Ah! pour être dévot, je n'en suis pas moins homme). — «Завистники умрутъ, но зависть — никогда!» (Les envieux mourront, mais non jamais l'envie). — «Вотъ человѣкъ!... ахъ, что за человѣкъ!... Такой ужъ человѣкъ, какого.... Ну, словомъ, — человѣкъ!» (C'est un homme... qui... ha!... un homme... un homme enfin).

радости здравствующихъ и пишущихъ до сихъ поръ. Объ этихъ поэтахъ и о судьбахъ ихъ поэзіи мы говорить не будемъ; мы хотимъ говорить о новыхъ явленіяхъ въ области поэзіи за эти послѣднія тридцать лѣтъ. Съ 1856 года, когда литература вдругъ необыкновенно расширилась и оживилась, появились, конечно, и новые стихотворцы. Но они неожиданно и незаслуженно потерпѣли очень горькую участь во время этой такъ называемой *зари обновленія*. Тогда въ литературѣ получило силу и съ каждымъ годомъ разрасталось *гражданское направленіе*, то-есть стремленіе возбудить общественную дѣятельность въ Россіи. Внутренняя политика поставлена была главною задачею литературы, и передъ этой задачею должны были отступить на задній планъ все другіе интересы. Явилась *обличительная* литература, и вообще проповѣдывалась теорія, что всякое искусство и писательство, всякая наука и умственная дѣятельность должны имѣть въ виду прямую пользу для общества, а не отвлеченный интересъ самого искусства и науки. Въ силу этого все тогдашнія свѣтила литературы стали подвергаться нападеніямъ; журналистика старалась уронить ихъ авторитетъ въ глазахъ публики и показать ей, что есть заслуги гораздо важнѣе, чѣмъ писаніе художественныхъ произведеній, и что чтеніе такихъ произведеній есть только пустая забава. Стихотворная поэзія была въ особенномъ загонѣ. Стиховъ печаталось много, но это были или какія-нибудь обличенія и воззванія, такъ называемые *гражданскіе мотивы*, или же шутки, пародіи, сатирическія пѣсенки, которыя появлялись въ огромномъ количествѣ. Настоящая поэзія, можно сказать, едва влачила свое существованіе. Но всего хуже пришлось поэтамъ, которые только что выступали и явились въ печати съ первенцами своей музыки. Нѣкоторыхъ изъ нихъ вывелъ передъ читателями самъ Н. А. Некрасовъ, человѣкъ съ большимъ вкусомъ и съ искреннею любовію къ литературѣ. Но и такое покровительство имъ не помогло. Вновь выступившіе поэты встрѣчены были цѣлою бурей насмѣшекъ и издѣвательствъ. Въ журналахъ поднялась на нихъ истинная травля, въ которой особенно выдавался В. С. Куроч-

кинъ, человѣкъ не вовсе безъ дарованія, хорошо владѣвшій стихомъ, но не имѣвшій настоящаго вкуса. Молодые люди, встрѣченные этимъ ужаснымъ гамомъ при выступленіи на поэтическое поприще, были сильно поражены. Дѣло дошло до того, что нѣкоторые изъ нихъ, чуть ли не самые даровитые, перестали вовсе писать и печатать, отдались другимъ занятіямъ, и только черезъ пятнадцать или двадцать лѣтъ рѣшились робко вновь явиться передъ читателями. Нужно вспомнить, что значать для юноши его стихи, какимъ напряженіемъ и волненіемъ сопровождается его восторгъ и творчество, и мы поймемъ, что для иныхъ тутъ произошло настоящее несчастье, переворотъ цѣлой жизни.

Событіе, о которомъ мы рассказываемъ, совершилось около 1860. Съ тѣхъ поръ великая строгость относительно стиховъ была такъ сказать объявлена въ приказѣ по русской словесности. Новыхъ стихотворцевъ не появлялось, или же они не смѣли заявлять своихъ думъ и чувствъ, а должны были ограничиваться самыми казенными гражданскими темами, или же шуточными стишками, такъ что никто не замѣчалъ новыхъ именъ, стоявшихъ подъ стихами; да и вообще, читатели почти не обращали вниманія на стихотворенія, помѣшавшіяся по старой привычкѣ въ журналахъ. Въ такомъ положеніи дѣло было почти *двадцать лѣтъ*.

Можно бы думать, что такая строгость составляетъ шагъ къ лучшему. Вообще весь гамъ и шумъ той эпохи, когда отрицалась чистая эстетика и были гонимы писатели не служащіе извѣстному направленію, можно бы истолковать какъ настоятельное требованіе отъ литературы большей серьезности. Въ этомъ смыслѣ мы не можемъ считать бесполезнымъ для литературы этотъ періодъ, который въ исторіи нашей словесности кажется придется назвать *нигилистическимъ*. Безъ сомнѣнія, нигилизмъ, въ обширномъ смыслѣ этого слова, имѣлъ большое вліяніе на писателей всевозможныхъ направленій; онъ ихъ возбуждалъ, заставлялъ углублять и расширять свои идеи и воплощать ихъ съ большею силой и строгостью. Но такое дѣйствіе производи-

лось только на крѣпкихъ, а не на слабыхъ или еще неукрѣпившихся. Сильныхъ литературный нигилизмъ возбуждалъ, а слабыхъ онъ подавлялъ, сбивалъ совсѣмъ съ пути, такъ что онъ былъ вреденъ для большинства пишущихъ, а особенно для огромной массы читающихъ.

Вредныя послѣдствія теперь передъ нашими глазами, и ни въ чемъ другомъ они такъ не ясны, какъ въ нашей стихотворной поэзіи. Къ концу семидесятыхъ годовъ, въ эпоху турецкой войны, литературный терроръ уже совершенно затихъ, и стали чаще и свободнѣе появляться въ журналахъ стихотворенія подъ новыми именами, а потомъ показались и сборники этихъ стихотвореній, изданные особыми книгами. Это новое стихотворство стало расти чрезвычайно быстро. Лѣтъ пять тому назадъ оно все еще не бросалось сильно въ глаза; но теперь новые поэты считаются едва ли не сотнями, и мы имѣемъ до полусотни отдѣльныхъ сборниковъ, большею частію появившихся въ послѣдніе годы. Это даже не плеяда, а цѣлая туманность, состоящая изъ мелкихъ звѣздъ, не различимыхъ простымъ взглядомъ. Въ этомъ множествѣ нашлось нѣсколько книгъ имѣвшихъ успѣхъ, раскупленныхъ и вновь изданныхъ, даже иногда нѣсколько разъ. Новые поэты читаются, возбуждаютъ восторги; ихъ стихотворенія затверживаются читателями наизусть, а сами они ревниво слѣдятъ другъ за другомъ, обсуживаютъ и пересуживаютъ чужіе успѣхи. Словомъ, все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, и намъ, повидимому, слѣдовало бы поздравлять себя съ быстрымъ и неожиданнымъ процвѣтаніемъ стихотворства.

Между тѣмъ, если мы станемъ судить по существу, а не по одной видимости, то окажется, что передъ нами такое же плачевное явленіе, какъ и прежній двадцатилѣтній застой въ поэзіи. Оказывается, вообще говоря, что уровень новыхъ поэтовъ очень низокъ, и что они обязаны своимъ успѣхомъ только столь же низкому, или еще болѣе низкому уровню читающей публики, которая очень возросла въ числѣ, но очень упала въ своихъ требованіяхъ. Какъ будто порвалась нить преданія, какъ будто и

писатели и читатели уже забыли, что такое хорошіе стихи, а потому довольствуются такими слабыми произведеніями, съ какими прежде авторъ не смѣлъ бы явиться въ печать, и какіе прежде читатель забраковалъ бы съ первыхъ же строкъ.

Правильно судить о словесномъ художествѣ есть дѣло трудное; многимъ и многимъ вовсе недостаетъ способностей, которыя для этого требуются. Но это не значитъ еще, что область поэзіи есть нѣчто неопредѣленное, что въ сужденіяхъ объ ней простительна всякая произвольность и разнорѣчивость. Существуетъ граница, отдѣляющая истинное творчество отъ всякихъ его подобій, отъ безчисленныхъ искаженій и поддѣлокъ; болѣе или менѣе ясное различіе этой границы — вотъ чего можно желать и требовать отъ критиковъ и читателей художественныхъ произведеній. Приступая ко всякому произведенію, являющемуся подъ именемъ творческаго, мы обыкновенно прежде всего стараемся рѣшить, дѣйствительно ли оно принадлежитъ къ художественной области, и уже потомъ отдаемся его внимательному разсмотрѣнію.

Относительно стиховъ, граница, о которой мы говоримъ, имѣетъ большую опредѣленность и ясность. Стихотворецъ обладающій дѣйствительнымъ дарованіемъ всегда имѣетъ, во-первыхъ, совершенно ясную стихотворную *пѣвучесть* рѣчи, во-вторыхъ, въ самой этой пѣвучести болѣе или менѣе замѣтное своеобразіе, т. е. свой стихотворный *слогъ* и свой стихотворный *языкъ*. Для стиховъ вовсе не достаточно какихъ-нибудь поэтическихъ мыслей и образовъ, а непременно нуженъ этотъ особый даръ рѣчи; иначе настоящихъ стиховъ никакъ не выйдетъ, и лучше тогда писать прозой. Вотъ почему и даровитаго и бездарнаго стихотворца можно узнать часто съ двухъ-трехъ стиховъ.

Это — неизмѣнное, первое условіе. Затѣмъ, для созданія хорошихъ стихотворныхъ произведеній конечно требуются еще и умъ, и чувство, и вкусъ; требуется и образованіе, и ширина взгляда, и даже заботы о точности и правильности самого языка.

Словомъ, особый даръ рѣчи долженъ быть тщательно воздѣланъ и въ эту форму облечено надлежащее содержаніе. Но все-таки даръ формы — *conditio sine qua non*.

Въ настоящее время, можно сказать, этого не понимаютъ ни стихотворцы, ни читатели. Охотники писать стихи обыкновенно думаютъ, что вся сила въ римахъ, въ соблюденіи правилъ стихосложенія и въ гладкости рѣчи; между тѣмъ, при всемъ этомъ, стихи ихъ остаются *рубленою прозою*, то-есть лишены всякой пѣвучести. Если же авторъ и придаетъ имъ пѣвучесть, то она у него совершенно заемная. Для чуткаго уха она является мертвою, холодною формою, только наложенною на содержаніе, но не слившеюся съ нимъ воедино.

Академія Наукъ, разсматривая представляемыя ей на пушкинскую премію произведенія въ стихахъ, конечно не можетъ не принять въ соображеніе того, въ какомъ положеніи находится у насъ въ настоящее время стихотворство. Еслибы писаніе стиховъ было мало распространено и сборники стихотвореній не пользовались вниманіемъ публики, то можно было бы поощрять преміями людей, которые посвящаютъ себя стихотворству. Можно было бы награждать и слабыя сочиненія въ той надеждѣ, что со временемъ награда вызоветъ и произведенія вполне ея достойныя. Но если стихи пишутся въ великомъ множествѣ и публика съ усердіемъ ихъ читаетъ и раскупаетъ, если притомъ всѣ эти писанія представляютъ только посредственность или стоятъ ниже посредственности, то премія, даваемая за одинъ изъ сборниковъ такихъ писаній, будетъ лишь прямымъ поощреніемъ посредственности. Если стихи плодятся безъ конца только потому, что понизился общій уровень и стихотворства и требованій читателей, то Академія своимъ одобреніемъ очевидно будетъ лишь мѣшать поднятію этого уровня; она узаконитъ его пониженіе, укрѣпитъ его своимъ авторитетомъ. Поэтому присужденіе премій можетъ обратиться во вредъ тому самому дѣлу, для поощренія котораго преміи назначены. Въ такихъ обстоятельствахъ гораздо лучше упорно не давать никому премій за стихи и терпѣливо ждать

пока явится что-нибудь значительно выходящее изъ общаго уровня.

Въ изъявленіе признательности Академіи постороннимъ гг. рецензентамъ, обязательно принявшимъ на себя разсмотрѣніе нѣкоторыхъ изъ представленныхъ на конкурсъ трудовъ, Отдѣленіе, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, присудило золотыя пушкинскія медали: Н. Н. Буличу, Алексѣю Н. Веселовскому и Н. Н. Страхову. Въ заключеніе вмѣняемъ себѣ въ особенное удовольствіе выразить нашу искреннюю благодарность гг. литераторамъ, съ полною готовностью оказавшимъ Отдѣленію содѣйствіе въ окончательномъ обсужденіи трудовъ, поступившихъ на соисканіе премій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
Сочиненія К. Н. Батюшкова, изданныя П. Н. Батюшковымъ. Со статьею о жизни и сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, написанною Л. Н. Майковымъ, и примѣчаніями, составленными имъ же и В. И. Саитовымъ. Тома I—III. Спб. 1887. (Разборъ Н. Н. Булича)....	2
Въ Сумеркахъ. Разказы и очерки Н. Чехова. Спб. 1887 г. (Разборъ А. О. Бычкова).....	46
Тартюфъ. Комедія Мольера. Переводъ въ стихахъ В. С. Лихачева. Спб. 1887. (Разборъ Алексѣя Н. Веселовскаго).....	53

